

Дж. Д. Кларк

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ АФРИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

9(М)
К 47

J. D. Clark
THE PREHISTORY OF AFRICA
London, 1970

Перевод с английского
Г. С. КИСЕЛЕВА

Ответственный редактор
С. Я. БЕРЗИНА

Кларк Дж. Д.

Доисторическая Африка. Пер. с англ., М.,
К47 Главная редакция восточной литературы изд-ва
«Наука», 1977.

264 с. с ил.

Профессор Калифорнийского университета Дж. Д. Кларк — один из крупнейших современных африканцев. В данной книге автор рассматривает историю Африки за период от двух миллионов лет назад до начала нашей эры. Он описывает материальную культуру и образ жизни первобытных людей, рассказывает о происхождении человека современного физического типа, останки которого найдены в Африке.

К $\frac{10602-069}{013(02)-77}$ БЗ-46-6-77 9(М)+9(М)01+9(М)02+902.6

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В настоящее время растет интерес к африканским народам и самой Африке. Вполне естественно, что он служит стимулом к более детальному изучению экономических и культурных процессов, составляющих историю и предысторию континента. Доисторический период длился, как сейчас полагают, больше двух с половиной миллионов лет.

Эта книга представляет собой попытку суммировать новейшие данные о культурно-экономических изменениях, которые происходили в доисторический период, и дать им современную научную интерпретацию.

Надо, однако, заметить, что постоянное появление нового материала, который является результатом большого количества исследований во многих смежных областях, делает любую книгу подобного рода устаревшей сразу по выходе ее в свет. С одной стороны, это положение невыгодно для нас, хотя его можно исправить регулярным переизданием таких книг с дополнением материала. Но, с другой стороны, оно отражает активизацию основных исследований в этой области.

Книга основана на Материале лекций памяти Анны Говард Шоу, которые читались в пенсильванском колледже Брин Мер в начале 1969 г. Я пользуюсь случаем выразить благодарность директору и администрации колледжа за любезное приглашение принять участие в этих чтениях. Я также благодарю профессора Фредерика де Лагуна, сотрудников и студентов отделения антропологии этого колледжа, которые, участвуя в исключительно полезных дискуссиях, оказали реальную помощь в подготовке окончательного текста книги.

Я не ставил себе цель, да это было бы и невозможно в книге общего характера, приводить исчерпывающие доказательст-

ва каждого из высказанных здесь утверждений. Те из читателей, которые сочтут это необходимым, смогут найти интересующие их данные в справочном аппарате, помещенном в конце книги.

Я хотел бы выразить свою искреннюю признательность моим многочисленным коллегам и друзьям, которые прямо или косвенно оказали мне помощь в написании этой книги.

Я благодарен доктору Л. С. Б. Лику и его супруге за их любезное разрешение пользоваться фотографиями находок из Олдувайского ущелья, а также миссис Джанет Дикон за рисунки орудий из пещеры Хауисонс Пурт.

Я хотел бы выразить самую глубокую благодарность доктору Шервуду Л. Уошберну, доктору Глинну Л. Исааку и доктору С. Гарт Сэмпсону за то, что они прочли некоторые разделы рукописи и сделали ряд ценных замечаний, которые помогли мне в работе над совершенствованием текста. Я весьма ценю также те плодотворные дискуссии, которые я вел с ними и с профессорами Брайэном Фэгэном, Жаком Ненквином, Мерриком Познански и Тэрстэном Шоу, докторами Фрэнсисом ван Нотеном, Шерилом Миллером и другими.

Я хотел бы поблагодарить миссис Сэмпсон за многочисленные прекрасные иллюстрации, которые она сделала, и Брайэна О'Коннора за множество фотографий, использованных в книге. Как всегда, я глубоко благодарен моей жене, которая печатала рукопись и осуществляла подготовительную работу.

Дж. Д. К.

Майлеу Баркиту, чьи знания и энергия направили столь многих, в том числе и меня, на плодотворное изучение прошлого Африки

Глава I

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Вступление — Ex Africa semper aliquid novi¹

Северную Африку античный мир знал под названием Ливии. Местности к югу оставались таинственной неизвестностью, неисчерпаемым кладезем чудес. Там водились удивительные животные, там жили удивительные народы с удивительными обычаями. Оттуда привозили редкие и ценные товары: золото, слоновую кость, драгоценные камни и рабов. Из городов, расположенных на североафриканском побережье, эти товары доставлялись в метрополию и во многие районы Средиземноморья. «Ниже Ливии,— сообщает Клавдий Птолемей,— лежит Эфиопия»², и именно «Эфиопия», находившаяся за южной границей Сахары, в изобилии поставляла товары в страны Средиземноморья.

Римляне не были первыми в использовании богатств Африки южнее Сахары. До них этим занимались греки и финикийцы, а египетские фараоны уже в 2300 г. до н. э. или даже раньше посылали долгосрочные экспедиции в страну Пунт, которую в настоящее время большинство специалистов помещают на северной оконечности Африканского рога.

¹ «Африка всегда приносит что-нибудь новое» (лат.).

² Руководство по географии, IV, 9, 1. Составлено во II в. н. э. Эфиопами (людьми с обожженными солнцем лицами) древние греки, а потом и римляне называли темнокожих африканцев. Поэтому Эфиопия Птолемея соответствует части Африканского континента к югу от Сахары. (Прим. ред.)

Геродот сообщает, что в V в. до н. э. несколько смельчаков из племени насамонов, обитавшего к югу от Килены, совершили путешествие через Сахару. После благополучного возвращения они рассказали, что в саваннах, лежащих за пустыней, они обнаружили низкорослых людей, которые жили на большой реке. Эта река, по-видимому, была Нигером. Приблизительно в то же время карфагенянин Ганнон совершил плавание к западному побережью Африки и, возможно, достиг таких отдаленных районов, как территория современной Гвинеи. Ганнон привез с собой шкуры гориллы и шимпанзе — первое свидетельство существования в Африке человекообразных обезьян.

К I в. н. э. греки, арабы и индийцы совершали торговые плавания к восточному побережью Африки вплоть до острова Менутиас (возможно, Занзибар) и на расстояние в два дня пути от него, к торговому центру Рапта. В настоящее время это место, по-видимому, занесено песками дельты р. Руфиджи. К VIII столетию н. э. относится появление первых сведений арабских географов о городах и народах верхнего течения Нила, а также сахарского и суданского районов Западной Африки. Арабские источники повествуют и о процветавшей в то время между Западной и Северной Африкой торговле золотом, которая находилась в руках правителей древней Ганы.

В результате португальских экспедиций XV — начала XVI в. было доказано, что южная часть континента омывается океаном. Свидетельства португальских очевидцев содержат много ценного материала о жизни населения прибрежных районов, а иногда даже краткое описание внутренних районов.

В последующие столетия географическое исследование Африки было продолжено другими европейскими державами. Оно, как правило, осуществлялось в форме миссионерской деятельности, торговых или военных экспедиций. Систематические попытки исследования внутренней части континента были предприняты, однако, лишь в середине прошлого столетия. С этого времени в нашем распоряжении появляются первые сведения о внутренних районах с их великими реками, лесами, озерами и покрытыми снегом горными вершинами, с их на вид неисчерпаемым обилием диких животных и культурным многообразием населявших их народов. Этими сведениями мы обязаны таким мужественным исследователям, как Джеймс Брюс, Ричард Бёртон, Джон Спик, Дэвид Ливингстон, Генри Стэнли, Рене Кайе, Генрих Барт, Мунго Парк и многие другие.

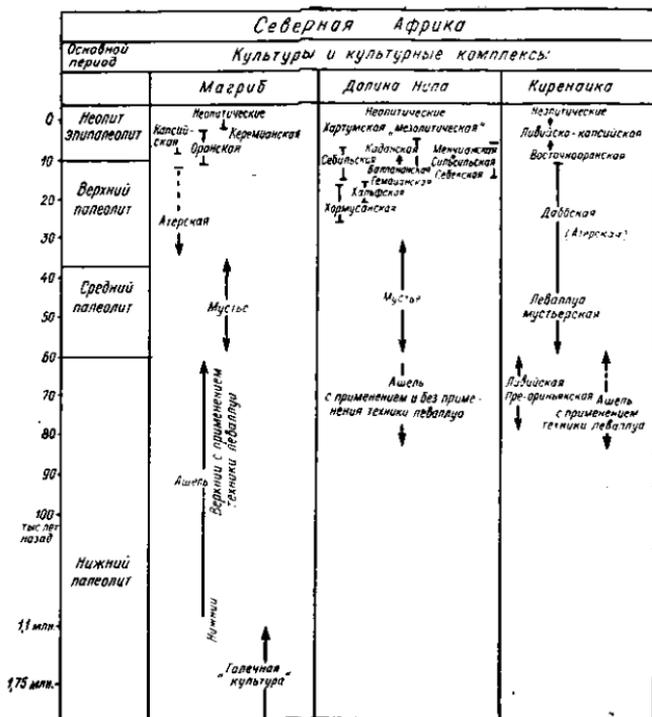
Благодаря наследию древнего Аксума история народов современной Эфиопии зафиксирована в письменных источниках, чего остальная часть Африки южнее Сахары оказалась лишена. Поэтому сведения исследователей XIX в. дают первую научную информацию о внутренней территории континента. Все, что описывали эти исследователи: великолепие вождей в пышных одеждах, нищета рядовых членов племени — пастухов, земледельцев и охотников, их разнообразные обычаи, а также различные типы хозяйства — относится к важнейшей промежуточной стадии между доисторическим прошлым и новой, независимой Африкой. Стремительные перемены, происходящие в современном мире, уничтожают или коренным образом трансформируют прежний образ жизни, поведение людей и их достижения в области материальной культуры. В настоящее время археолог в состоянии проследить эволюцию Африки в глубь тысячелетий, где теряется возникновение человеческой цивилизации, вплоть до происхождения самого человека.

В ходе систематических исследований, предпринятых в нашем столетии антропологами и другими специалистами, этнографический материал приобрел большое значение. Он имеет особую ценность как для верной оценки обычно неполных данных археологии, так и для попыток восстановить образ жизни описываемых народов.

Этнография, однако, является лишь одной из многих отраслей науки, к которым в наши дни археология обращается за помощью. Археология, в свою очередь, придает временную перспективу этнографии.

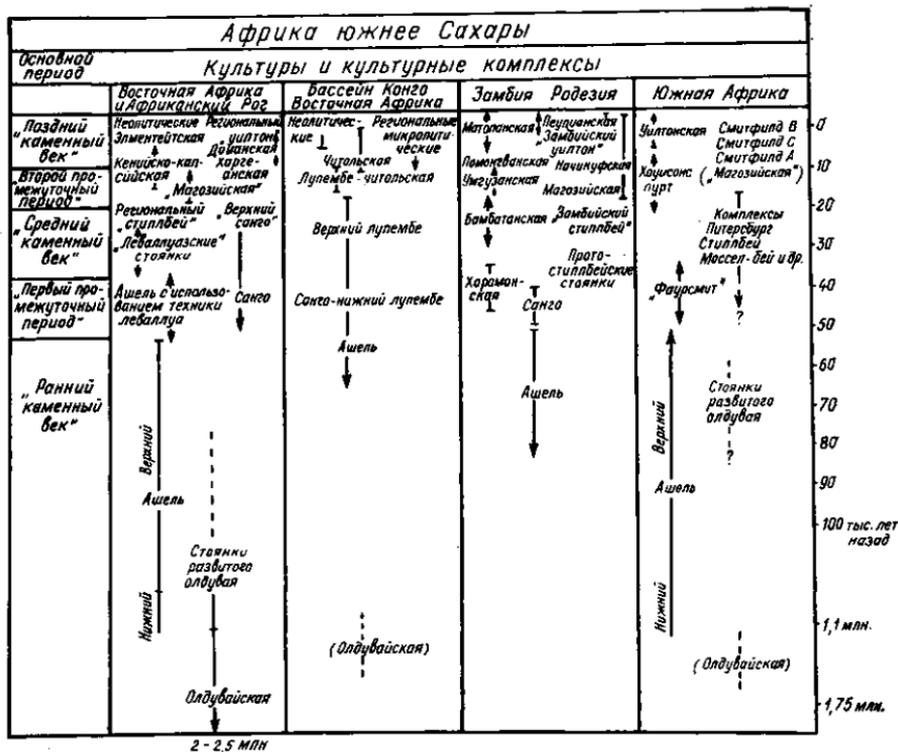
Исследование, опирающееся на данные обеих наук, должно стать основой для изучения доисторического периода всех районов земного шара. В этой связи нельзя не отметить, что в последние годы африканская археология, взяв на вооружение новейшие методы и новейшие идеи, успешно применяет их для изучения уникальных свидетельств деятельности человека, многие из которых до сих пор скрыты в недрах африканской земли.

Несмотря на то что и по сей день на Африканском континенте существуют еще не исследованные и не нанесенные на карту уголки, изучение прошлого Африки в высшей степени актуально. Так, оно уже вызвало коренной пересмотр существующих взглядов на происхождение человека, его культурную и биологическую эволюцию. С другой стороны, оно служит

Хронологическая таблица доисторической Африки

главным источником появления нового материала для воссоздания истории Африканского континента. Основная задача исследователя доисторической Африки заключается в определении путей эволюции человеческого общества в период, предшествовавший появлению письменных источников. При этом он опирается главным образом на данные материальной культуры и другие свидетельства деятельности человека, которые пощадило время. Это могло произойти потому, что изделия из камня или фрагменты керамики уже в силу своей природы просто не могут исчезнуть, или потому, что благоприятные обстоятельства способствовали сохранению таких материалов, как, например, кожа и дерево. Подобными благоприятными обстоятельствами могли быть климатические усло-

вия пустынь Северо-Восточной Африки или же затопленные и впоследствии заболоченные местности вблизи тропических рек и озер.

В настоящее время исследователь доисторического периода, имеющий в своем распоряжении данные материальной культуры, обязан научиться извлекать максимум полезной информации из их связей между собой, а также из их разнообразных особенностей, искусственного или естественного характера. При содействии смежных наук такое исследование может дать обширный новый материал для объективного воссоздания реальных черт хозяйства и видов деятельности изучаемого народа.

Хотя работа археолога связана исключительно с материальными предметами (совокупность которых и образует то, что мы называем материальной культурой), основной задачей

археологии остается изучение человека. Тщательный научный анализ даже самых незначительных данных, полученных археологом в ходе раскопок, направлен на раскрытие образа мышления и определение возможностей людей, создавших эту материальную культуру. Об этом красноречиво писал сэр Мортимер Уиллер: «Как ни анализировать, ни сводить в таблицы, одним словом, как ни стараться высушить свои открытия в лаборатории, из глубины веков разум взывает к разуму высшему, человек взывает к человеку чувствующему, будь между ними промежуток в пятьсот или пятьсот тысяч лет. Все наши диаграммы и каталоги ничего не значат, если, опираясь на данные нашей науки, мы в конце концов не сможем воскликнуть вместе с Марком Антонием: "Вы не деревяшки, не камни, вы — люди!"» [264, с. 2—3].

Итак, задачей археологии является воссоздание прошлого. Однако, прежде чем обратиться к методам, которые эта наука применяет, и к источникам, которые она использует, необходимо сделать одно существенное замечание. Нельзя безоговорочно принимать утверждения, что современному археологу присущи некритический и упрощенческий подход первого поколения археологов (бывших простыми собирателями древностей) или мастерство и смелость в эксперименте второго поколения. Сегодня, с легкостью их критикуя, мы забываем, что та методика, благодаря которой археология после второй мировой войны стала превращаться в науку, не могла отвечать современным требованиям.

Упрощенческие параллели, проводившиеся некогда на основе этнографического материала между доисторической и современной культурой, хотя и отличались неограниченной изобретательностью, неприемлемой для современных исследователей, все же оказали благоприятное воздействие на методику использования подобного материала.

История Африки — благодатное поле для самых фантастических толкований и гипотез. И если даже они не всегда столь многословны и научно обоснованны, как попытки мистера Пиквика и его коллег-антикваров разгадать надпись на камне, гласившую «Билл Стампс руку приложил», они все равно не могут не волновать наиболее чувствительные и романтические стороны нашей натуры. Так, например, один южноафриканский исследователь утверждал, что обнаруженные на прибрежных стоянках жернова представляют собой не что иное, как «сосуды для соуса, которыми пользовались гурманы из числа

туземцев» [2, с. 53—55]. Другой принял остатки стволов древнего подокарпового леса, ныне погребенного под песками Кейп Флэтс, за шпангоуты галер, на которых финикийские моряки, нанятые фараоном Нехо, огибали мыс Доброй Надежды [210, с. 33—40]. Но как окончилось их путешествие, нам остается неизвестным!

Однако наибольшее количество невероятных гипотез, вводящих в заблуждение историка, породили, наверное, развалины Зимбабве³. В этом отношении с ними не может сравниться ни один памятник на континенте. Здесь уместно вспомнить притчу о трех веселых охотниках. Один из исследователей определил эллиптическое здание на равнине как foetus in utero⁴, другой отверг это и заявил, что «здание сооружалось по нескольким кривым линиям, радиус которых представляет собой мистическое число, раскрывающееся в соотношении больших и малых конических башен». Третий же увидел в здании «гигантский указатель высоты солнца» и с помощью этого «указателя» определил время создания Зимбабве 1100 г. до н. э. [54, с. 290]. К счастью, в такие гипотезы верили, кроме самих авторов, очень немногие.

В 1872 г. геолог Карл Маух, первым описавший Зимбабве, выдвинул гипотезу, которая длительное время привлекала к себе пристальное внимание. Маух писал: «Я не думаю, что буду далек от истины, если предположу, что развалины на холме представляют собой копию храма Соломона на горе Мориа⁵, а здание на равнине — копию дворца, в котором царица Савская останавливалась во время визита к Соломону» [236, с. 19].

К огорчению приверженцев этого мифа, до сих пор так и не найден ни какой-нибудь фрагмент древнееврейской или химьяритской⁶ надписи, ни семисвечник, которые могли бы окончательно разрешить проблему. Пожалуй, наиболее «сильным» аргументом было ушебти династического Египта, которое, как оказалось впоследствии, было завезено сюда в конце прошлого века каким-то рудокопом.

³ Зимбабве — от «Дзимба дзимабве», что на языке шона означает «дома из камня». Таких руин в междуречье Замбези — Лимпопо обнаружено множество. В данном случае речь идет о «Большом Зимбабве» — царской резиденции. (Прим. ред.)

⁴ «Плод во чреве» (лат.).

⁵ Храм Яхве был построен царем Израильско-Иудейского царства Соломоном в середине X в. до н. э. (Прим. ред.)

⁶ Химьяр — древнее государство в Южной Аравии. (Прим. ред.)

Доказательству положения, что подобного рода аргументация не годится для современных исследований доисторического периода, мы уже отвели много места. Как некогда сказал Эдгар Аллан По: «Изобретательный человек часто бывает в высшей степени неспособным к анализу». Однако именно тщательный анализ должен следовать за первоначальным осмотром и классификацией всех данных, полученных в результате раскопок доисторической стоянки. В таком случае факты будут говорить сами за себя, а исследователь сможет найти необходимые аналогии, не пытаясь аргументировать материал заранее выработанными концепциями. Тому же Э. По принадлежит другое высказывание: «Было бы разумнее и надежнее класть в основу любых классификаций (если уж мы должны заниматься ими) то, что в действительности человек делал и делает всегда, то, что для него наиболее типично. Это правильнее, чем слепо верить в божественное предначертание человеческой деятельности».

Методика археологии

Археолог — работает ли он в пределах плейстоцена или в пределах железного века — должен иметь дело с четырьмя основными проблемами. Методология же (его собственная или традиционная) всегда обуславливается реальными научными нуждами и, если это возможно, сотрудничеством с естественными науками.

Таковыми проблемами являются:

1. Относительная и абсолютная датировка материала.
2. Характер окружающей среды и ее воздействие на развитие человеческого общества.
3. Анализ данных определенного археологического слоя в их взаимосвязи.
4. Изучение полученной информации и ее использование в целях реконструкции модели данного общества.

Датирование археологического материала

Рассмотрим вначале отношения во времени предметов, которые обнаруживает археолог, т. е. проблему их возраста — относительного и абсолютного. Почти с самого начала наиболее сложным в африканской археологии оказалось расположе-

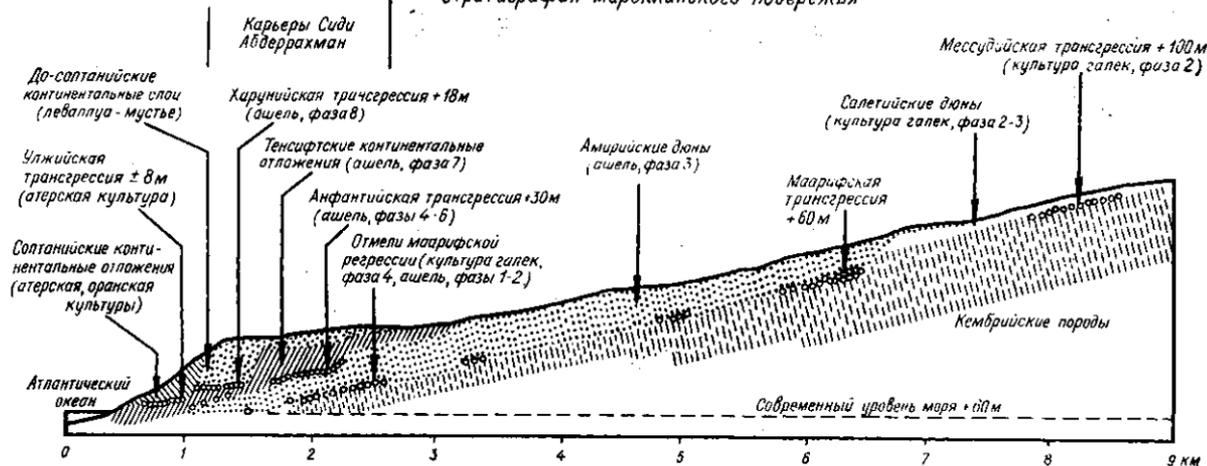
ние в соотносительной последовательности массы разнообразных каменных орудий, поставляемых археологами с конца XIX столетия. То, что троичное деление человеческой истории на каменный, бронзовый и железный века, установленное в XIX в. для Европы, недействительно для Африки, обнаружили сравнительно давно. Различные методы определения относительных датировок, принятые для Африки, не ограничиваются этим континентом и действительны для всех частей света.

а) Определение относительных датировок. Во-первых, такая датировка может быть определена при установлении соотносительного стратиграфического расположения археологического материала. Для этого необходимо выявить стратиграфию пластов горной породы, которые литологически различны и имеют четко выраженные верхнюю и нижнюю границы. Такие пласты могут оказаться законсервированными в вертикальной последовательности горных пород, как произошло в Олдувайском ущелье в Северной Танзании (известном благодаря открытиям Луиса и Мэри Лики) и в районе водопадов на р. Каламбо в Северной Замбии, или же в ступенчатом расположении, когда соотношение различных пород определяется вполне точно. Примерами могут служить такие береговые стратиграфические ряды, как хорошо известный марокканский в Касабланке и южноафриканский на р. Вааль. Осадочные горные породы, о которых идет речь,— пески, ил, гравий, щебень, брекчия или туф — образуют пласты, складки, ярусы и серии, для опознания и определения которых современный археолог полагается на сотрудничество своих коллег-геологов.

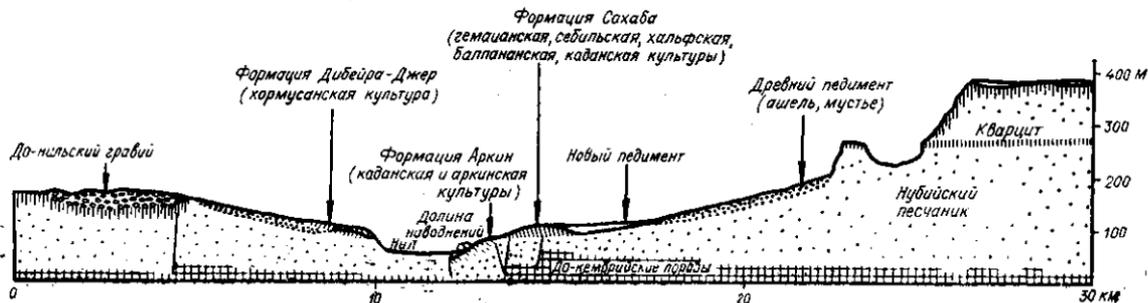
Исследуя осадочные горные породы, можно установить последовательность пластов и, следовательно, их относительный возраст. Это, естественно, дает возможность определить относительный возраст любого сопутствующего археологического материала, будь то остатки фауны, флоры или предметы материальной культуры.

Одним из важнейших методов является датирование по сопутствующей ископаемой фауне. Это, однако, не всегда оказывается возможным или ввиду ее полного отсутствия (как это случается в девяноста случаях из ста), или ввиду ее недостатка, или, наконец, из-за невозможности датировать то, что сохранилось.

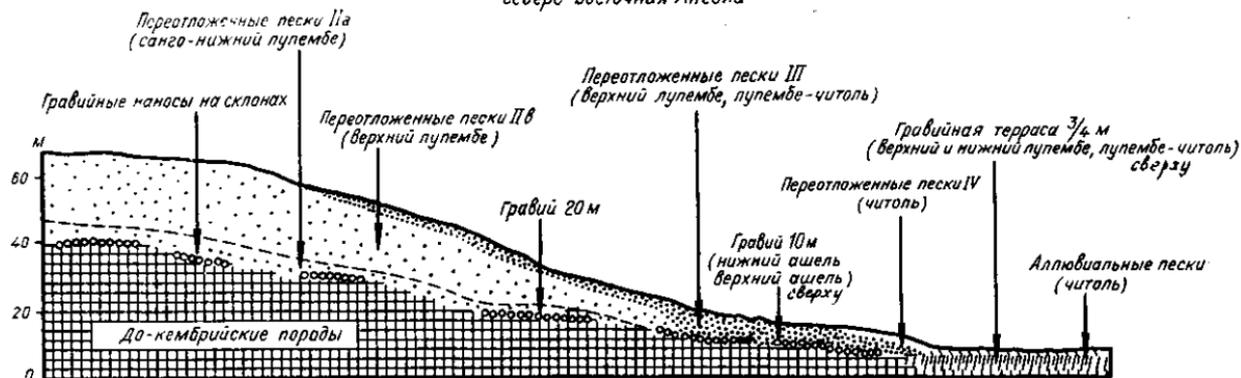
Стратиграфия марокканского побережья

Стратиграфия берегов Нила в Нубии

Стратиграфия долины Луембе
Северо-восточная Ангола

Стратиграфия и культурные горизонты в районе марокканского побережья (по П. Биберсону [21]), в долине Нила (по Ж. де Эйзенелу) и в Северо-Восточной Анголе (по Дж. Д. Кларку [54a])

В развитии фауны африканского плейстоцена можно выделить пять основных фаз. Поскольку между «фазами» нет четких границ, этот термин оказывается не совсем подходящим. Поэтому теперь его заменяют термином «фаунный период», к которому обычно добавляется название местности [72, с. 175—184], что, несомненно, точнее отражает эволюционную природу развития. Коллекция специфического палеонтологического материала из данного слоя дает возможность определить его принадлежность к одному из пяти фаунных периодов. Если этот материал действительно специфичен для рассматриваемого слоя и представляет множество родов и видов, то в распоряжении исследователя оказывается одно из наилучших средств датирования сопутствующих предметов материальной культуры.

Однако здесь встречаются и затруднения, особенно когда дело касается соотношения видов животных, обитавших в различных регионах. Например, восточно- и южноафриканская фауна раннего плейстоцена имеют малое число общих форм (Восточная Африка представлена фауной открытых саванн с сухим климатом, а Южная Африка — пещерной фауной).

Некоторые виды за период плейстоцена заметно эволюционировали, и отдельные этапы этой эволюции являются поэтому лучшим хронологическим указателем. К таким видам относятся слоны, дикие свиньи и определенные разновидности диких быков, которые являются наиболее удобными для датирования. Другие виды, напротив, оказываются неподходящими, поскольку в них малоразличимы (или даже вообще неразличимы) признаки эволюции; это крокодилы, носороги и до некоторой степени гиппопотамы.

Помимо этого для определения верных датировок необходимо опираться лишь на те виды палеонтологического материала, которые поддаются датированию; следует также иметь их в достаточном количестве. Наилучшим материалом являются в этом отношении зубы, челюсти, внутрироговое вещество, кости запястья и предплюсны. В то же время, если опираться лишь на отдельные костные фрагменты, то при датировании можно прийти к неверным результатам, как это произошло при раскопках Олдувайского ущелья.

Как будет показано ниже, ископаемая фауна, сопутствующая стоянкам древнего человека, безусловно, в состоянии дать археологу намного больше, чем просто обеспечить относительную датировку археологического материала.

В свое время в археологии Африки южнее Сахары почти повсеместно применялся метод датирования по сопутствующим предметам материальной культуры, возраст которых был уже определен. Эта фактически все еще существующая практика заключается в отборе материала, который можно принять за некий *fossile directeur*⁷ и который дает возможность утверждать: «Поскольку это наличествует, находка имеет такой-то возраст».

Этот метод до сих пор широко распространен в Европе, где его применение, по-видимому, более обосновано, чем в африканской археологии. Действительно, новейшие исследования в Африке показали, что «региональные орудия», которые можно было бы использовать подобным образом, встречаются здесь крайне редко.

Одно время предполагали, что орудия «раннего», «среднего» и «позднего каменного века» не могут сосуществовать, однако раскопки изолированных друг от друга поселений показали, насколько ошибочны подобные представления. Пожалуй, наилучшим примером являются жилые горизонты слоя II Олдувайского ущелья, где чешуйчатые и другие мелкие орудия, которые прежде считались типичными для «позднего каменного века», были обнаружены в отложениях среднего плейстоцена [160, с. 417—446].

С другой стороны, до сих пор широко применяется метод датирования эволюционного ряда. Этот метод, разработанный Фл. Петри для установления относительной хронологии неолитических и додинастических культур древнего Египта, основан на эволюции формы керамических сосудов. Насколько мне известно, указанный метод датирования не использовался нигде в Африке. Исключение составляют недавние археологические исследования в Родезии, где построение эволюционного ряда керамической посуды железного века продемонстрировало некоторые, ранее не отмечавшиеся взаимосвязи. Ныне даже сами египтологи начинают сомневаться в обоснованности применения этого метода для долины Нила, и тот факт, что там не существует последовательного ряда надежных радиоуглеродных датировок, по которым этот способ можно было бы проверить, при всей его несомненности кажется непостижимым.

Что касается железного века Африки южнее Сахары, то для датирования местного материала этого периода использо-

⁷ Ископаемый указатель (фр.)

вались привозные экзотические товары, обнаруженные как на побережье, так и во внутренних районах. К ним относятся, в частности, стеклянные бусы, изготовлявшиеся специально для продажи, поливная арабская и персидская керамика, китайский фарфор периодов Сун и Мин⁸.

Поскольку время изготовления этих предметов бывает иногда известно, оказывается возможным определить максимальный или минимальный возраст слоя, в котором они были обнаружены. Так, находка бутылки из-под голландского джина в нижних слоях руин Дхло-Дхло в Родезии позволила датировать их периодом не ранее середины XVIII в. Однако в других случаях, особенно при обнаружении стеклянных бус, бывает невозможно установить точную датировку, поскольку центры их производства до сих пор не выявлены и химический состав стекла не всегда позволяет определить место его изготовления. В настоящее время принимаются меры, чтобы поправить положение. Этому послужат усовершенствованные методы анализа стекла и керамики при помощи рентгеновской спектрометрии и нейтронной активации. Ожидается, что в результате такого анализа будут получены данные об их возрасте и происхождении.

Относительное датирование органических остатков, наконец, может быть осуществлено при помощи химического анализа, который особенно широко применяется для датирования останков человека. Определение содержания в этих останках фтора, азота и урана, а также последующее сравнение полученных результатов с результатами анализа сопутствующей ископаемой фауны показывают расположение во времени подвергнутого анализу образца по отношению к этой фауне. Так, некоторые ископаемые человеческие черепа (из стоянок Салданья и Брокен Хилл, например) относятся, как оказалось, к тому же времени, что и сопутствующая фауна. Вместе с тем другие образцы (фрагмент нижней челюсти из Канама) были в сравнении с ней менее древними [191, с. 25, 66, 122].

б) Определение абсолютных датировок. Все перечисленные способы позволяют устанавливать расположение во времени предметов материальной культуры и ископаемых останков человека при использовании двух или более взаимосвязанных образцов. Однако наиболее продуктивными

⁸ Китайские императорские династии: Сун — 960—1279 гг., Мин — 1368—1644 гг. (Прим. ред.)

представляются способы абсолютного датирования, которые определяют возраст образца в годах и учитывают при этом погрешности принятого способа. Данные абсолютных датировок не только придают взаимоотношениям культур более конкретный и более точный характер по сравнению с любыми данными относительного датирования, но также впервые приблизительно определяют время использования орудий и темпы эволюции материальной культуры и самого человека.

Применительно к Африке особую важность имеют два способа: калий-аргоновый и радиоуглеродный.

Бросим вначале беглый взгляд на результаты датирования в Африке калий-аргоновым способом. Применение этого способа на практике ограничено районами вулканической деятельности, т. е. рифтовой долиной Восточной Африки. Хотя отдельные датировки не всегда оказываются пригодными и для того, чтобы охватить период времени, требуется их последовательный ряд, для исследования третичного периода и раннего плейстоцена этот способ является наиболее важным. В настоящее время в нашем распоряжении имеются и отдельные датировки, и целые серии их, от миоцена и вплоть до начала среднего плейстоцена. Эти датировки свидетельствуют, между прочим, о том, что рубеж между плиоценом и плейстоценом проходит между 3 и 4 миллионами лет назад.

Датировки нижних геологических слоев по берегам р. Омо в Юго-Западной Эфиопии [35] и в Олдувайском ущелье доказывают, что ранний плейстоцен длился около двух с половиной миллионов лет (3,75 млн.— менее 1,1 млн. лет назад). Вторая из этих датировок была получена по образцам туфа, залежавшего, как полагают, в основании слоя II Олдувайского ущелья [85, с. 343—385]. Миоцен, насколько известно в настоящее время, начался более чем двадцать шесть миллионов лет назад, плиоцен — семь миллионов [96, с. 179—191].

Эти датировки впервые обеспечили хронологию, достаточную для изучения эволюции гоминид. С другой стороны, они позволили точнее определить время изготовления человеком орудий, а также значение этого явления для биологической эволюции самого человека.

Обратимся теперь к радиоуглеродному методу датирования. Если в нашем распоряжении имеются обогащенные образцы, этим методом можно определить датировки вплоть до 60 тысяч лет назад. При помощи калий-аргонового метода пока так и не удалось получить удовлетворительные датировки для бо-

лее поздних периодов. Таким образом, существует хронометрический пробел, который до сих пор не был соответственным образом заполнен. Однако начиная с рубежа 60 тысяч лет назад в нашем распоряжении имеется временная шкала, точность которой все время возрастает. Мы также обладаем рядом датировок пещерных и прочих стоянок, которые определяют относительную продолжительность установленных этапов развития каменных орудий. В настоящее время у нас есть удовлетворительные данные по Восточной и Южной Африке; все больше данных поступает из Западной Африки и Сахары. Что касается Нубии, то здесь имеются превосходные серии датировок.

Существуют, разумеется, и серьезные пробелы: имеется мало датировок неолита Египта и атерской культуры «среднего каменного века» Северо-Западной Африки, плохо датированы каменные орудия нижнего голоцена того же региона.

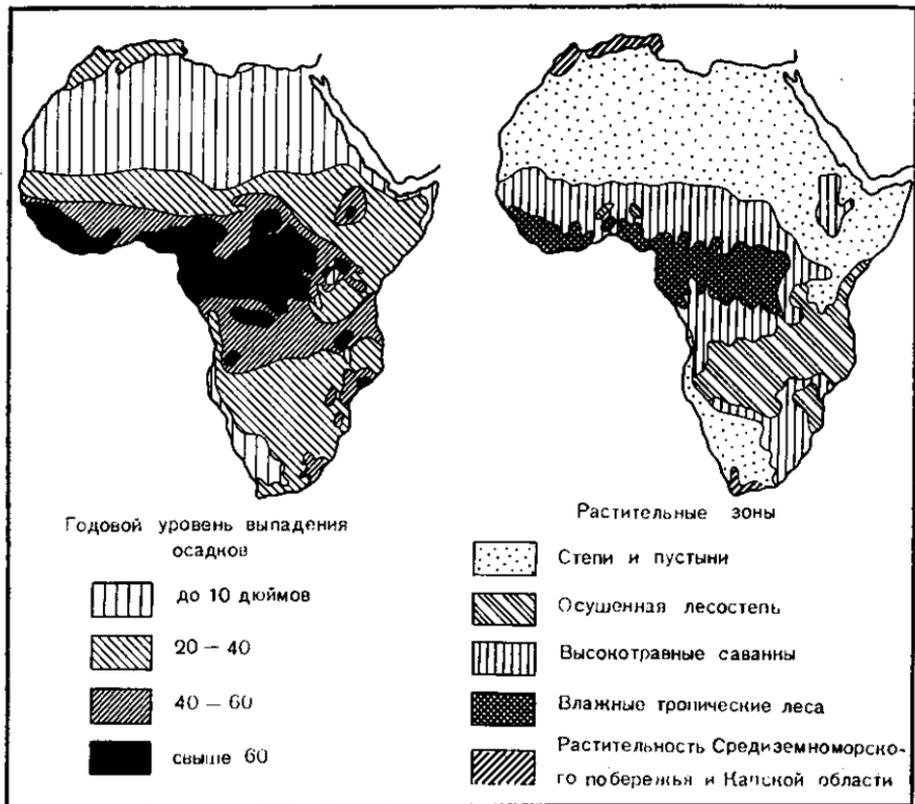
В то же время в культурном развитии были выявлены некоторые весьма важные аномалии. К ним относится затянувшееся существование в ряде районов развитого ашеля, а также чрезмерно раннее и беспорядочное появление техники изготовления ножевидных пластин при помощи отбойника.

В результате картина последовательного культурного развития в каменном веке значительно проясняется. Проясняется также и вопрос о степени разнообразия археологических культур, которые, как становится теперь видно, оказываются почти одновременными. Ныне установлено, что железный век Южной Африки достаточно древен и начало его относится к первым векам нашей эры, а не к XV столетию, как некогда считалось.

Применялись и другие способы относительного и абсолютного датирования. К ним относятся определение палеомагнитных свойств, установление следов деления ядер урана при цепной реакции, а также термолюминесцентный способ. И хотя их применение носило спорадический характер, не всегда давая положительные результаты, полученные данные иногда подкрепляли результаты калий-аргонового и радиоуглеродного анализа.

Определение окружающей палеосреды

Рассмотрим второй важнейший комплекс проблем, с которыми имеет дело археолог. Это определение палеоэкологии и ее возможного воздействия на развитие человека и его материальной культуры. В свое время считалось, что неустойчи-

Уровень выпадения осадков и растительные зоны Африки (по Дж. Д. Кларку [56])

вость африканского климата в плейстоцене может быть объяснена существованием периодов с повышенным выпадением осадков, так называемых пювиалов, и периодов, характеризующихся меньшим выпадением осадков, — интерпювиалов. Однако недавно было доказано, что данные, положенные в основу гипотезы о пювиалах, могли быть получены в результате действия и других факторов, например, тектонических движений. На основании этой причины, а также ряда других указанная гипотеза была отвергнута как бездоказательная. Изучение природы климатических изменений плейстоцена должно было развиваться в иных направлениях. В настоящее время в

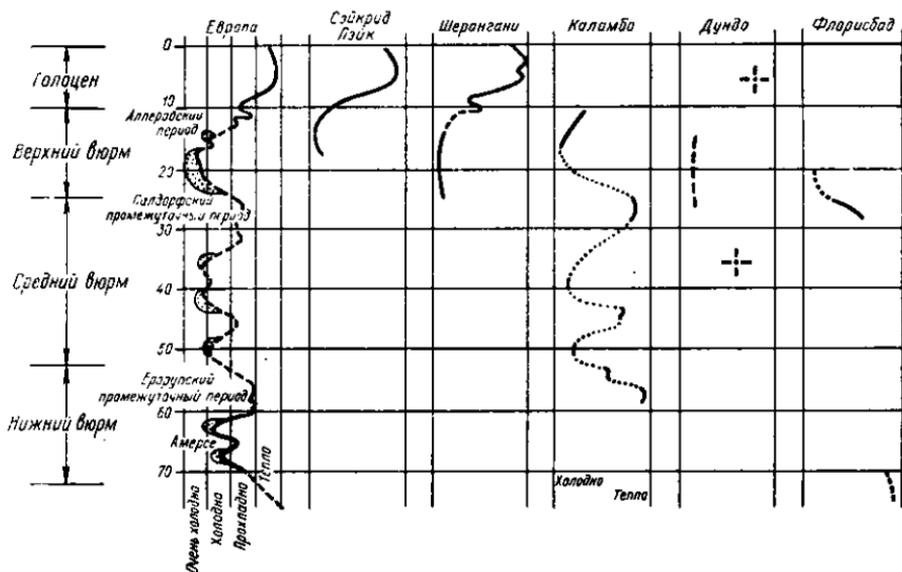
результате использования новых методов получены данные, представляющие значительный интерес. Большая часть этих данных относится к периоду от 60 до 100 тысяч лет назад, и, несмотря на то что микроклимат отдельных стоянок раннего четвертичного периода может быть в ряде случаев реконструирован, мы до сих пор не в состоянии определить последовательность и масштаб изменений климата всего континента до начала верхнего плейстоцена.

Рассмотрим, во-первых, данные палеоботаники. В начале 50-х годов было обнаружено, что отложения, в которых сохраняется пыльца растений, существуют в Африке в основном начиная с верхнего плейстоцена. Пыльца различных растений хорошо сохраняется в сухом климате Сахары, что в тропических районах Африки невозможно из-за сезонных дождей и кислых почв. В то же время пыльца прекрасно сохраняется в районах с постоянной влажностью. Разные виды пыльцы были обнаружены в горах Восточной Африки, на гористых плато внутренних районов континента, а также в отложениях озер, рек и ручьев. Установив, какому виду растений принадлежит найденная пыльца, мы получаем возможность составить общее представление о растительном мире, а также определить необходимый для его существования климат. В некоторых областях гористых плато, как, например, у водопада Каламбо в Северной Замбии, наблюдается непосредственная связь между пыльцой растений, остатками крупной флоры и культурной деятельностью человека. Как показали исследования горных озер, существенные изменения климата иногда могут быть датированы радиоуглеродным способом. В результате указанные изменения занимают свое место в исследуемом археологией историческом процессе [13, с. 125—147].

Таким путем оказалось возможным получить множество ценной информации о климатических условиях в разные периоды плейстоцена, хотя все еще встречаются аномалии, которые мы не всегда можем объяснить.

Изучение многообразия видов пыльцы приобретает особую важность при определении окружающей палеосреды, существовавшей на основных этапах развития материальной культуры. Подобное исследование также чрезвычайно важно и для решения вопроса о том, сопутствовала ли эволюция человека и его материальной культуры изменениям в растительном мире.

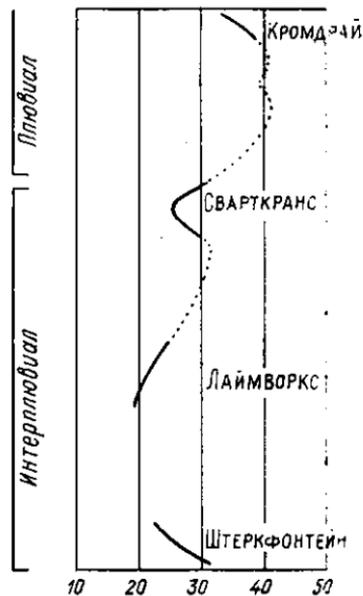
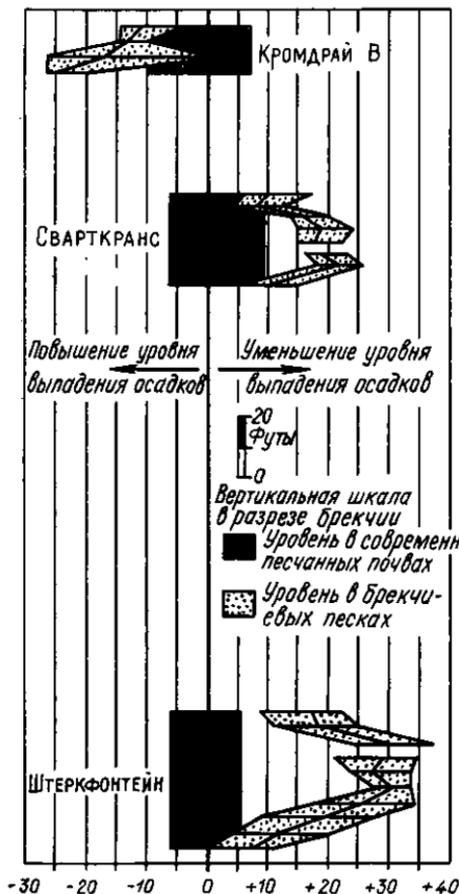
Трудности такого исследования заключаются в недостатке опытных специалистов, в отсутствии исчерпывающих сведений

Сравнение графика температурных изменений, составленного Уолдстедтом для верхнего плейстоцена и голоцена Европы, с результатами анализа пыльцы из Африки южнее Сахары (возраст в тысячах лет) [13]

о пыльце современных растений в районах влажного тропического леса и в большинстве районов саванн, а также в невозможности составления полного свода данных анализа пыльцы. Последнее объясняется тем, что в ряде случаев пыльца вообще не сохранилась до настоящего времени. Как бы то ни было, но по отношению к периоду до начала верхнего плейстоцена нам более не на что опереться.

Во-вторых, рассмотрим данные анализа ископаемой фауны. Если эта фауна представлена достаточно широко, то, выявив среду распространения определенных видов в настоящее время, сможем получить представление о среде их распространения в древности. В этом отношении более точную картину дает изучение микрофауны, а не крупных животных, поскольку первая чаще оказывается зависимой от определенного типа природной среды. Так, ископаемая фауна слоя I Олдувайского ущелья свидетельствует о том, что в те времена здесь существовала саванно-степная растительность, но были и болота, и тропические леса на склонах вулканов [157, с. 73—85].

Уровень выпадения осадков в год (дюймы)

Отклонение от нуля процентного содержания песчинок кварца (0 — средний уровень, характерный для современной почвы)

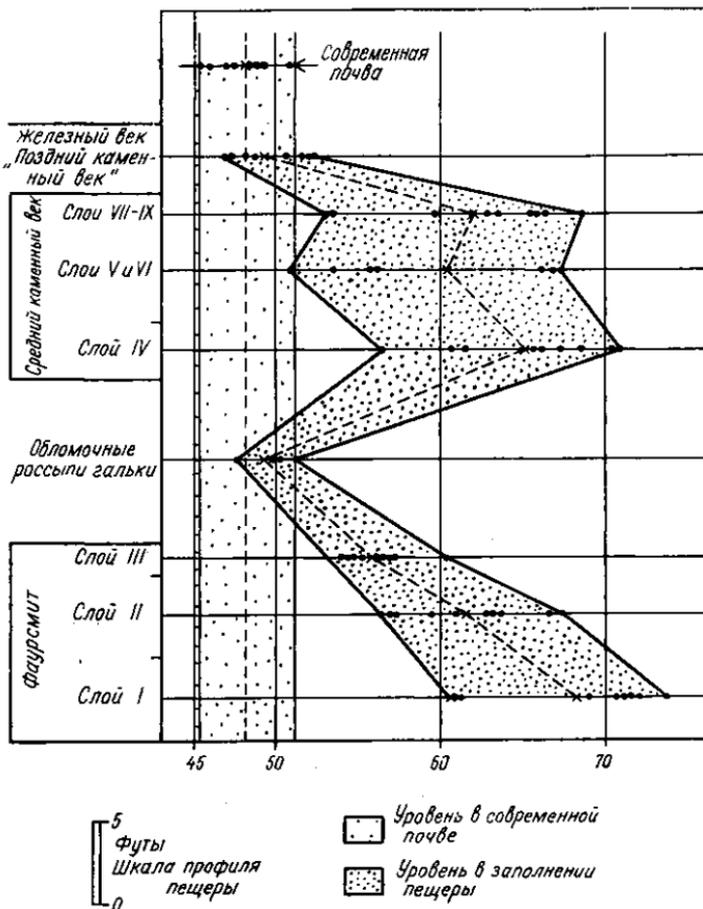
Слева: предположительное хронологическое соотношение трансваальских стоянок австралопитековых, основанное на относительной насыщенности песчаных образчиков брекчии фрагментами кремнистого известняка и кварца. Справа: возможные изменения в уровне выпадения осадков (по данным анализа различных пещерных отложений). Развитие Штеркфонтейнской стоянки (не указанное здесь) оказывается между Лаймворкс (Макапан) и Сварткрайс [28]

Фауна пещеры Брокен Хилл, где были обнаружены останки родезийского человека (датируемого приблизительно 40 тысячами лет назад), представлена несколькими видами — жирафами, гну и газелями, которые в настоящее время здесь не встречаются. Такое положение свидетельствует, что в те времена местность здесь была более открыта по сравнению с саванным редколесьем сегодняшнего дня [150, с. 225—230].

При анализе ископаемой фауны следует учитывать некоторые факторы. Так, отдельные роды и виды могут изменить свой образ жизни. Окраска шкуры окапи и бонго, например, дает все основания полагать, что ранее эти животные обитали в саваннах. Известно также, что некоторые животные не проявляют особой разборчивости в выборе среды обитания. В этом случае ископаемая фауна не может способствовать определению окружающей среды. Такими животными являются, например, гиппопотамы, леопарды и слоны. Вместе с тем отдельные виды ископаемой фауны могут быть представлены на исследуемой стоянке в необычно большом количестве, что объясняется направлением охотничьего хозяйства местного населения. В ряде случаев некоторые виды, особенно животные больших размеров, на стоянках не представлены вообще. Это, в свою очередь, связано с тем, что разделка туши происходила на месте, где животное было убито; кости оставлялись там же.

Зоогеография и география растений также в состоянии обеспечить ученых данными о растительности и климате региона в прошлом. Там, где в наше время зоны распространения одних и тех же видов отстоят друг от друга на много миль, некогда могли существовать коридоры, соединяющие такие зоны. В ряде случаев это относится к одним и тем же видам или формам, имеющим лишь подвидовые различия. В их числе могут быть растения, птицы, млекопитающие и даже насекомые, например некоторые бабочки. Такой тип распространения указывает на перемещение зон растительности в связи с изменениями климата. Определить, когда или как часто это происходило, — вот в чем заключается основной вопрос.

Изучение минералов и осадочных пород также может служить источником данных о состоянии климата в прошлом. Это оказывается возможным, поскольку и минералы, и осадочные породы подвержены химическим и литологическим изменениям, которые указывают на существование в прошлом более сухого или более влажного климата, чем теперь.

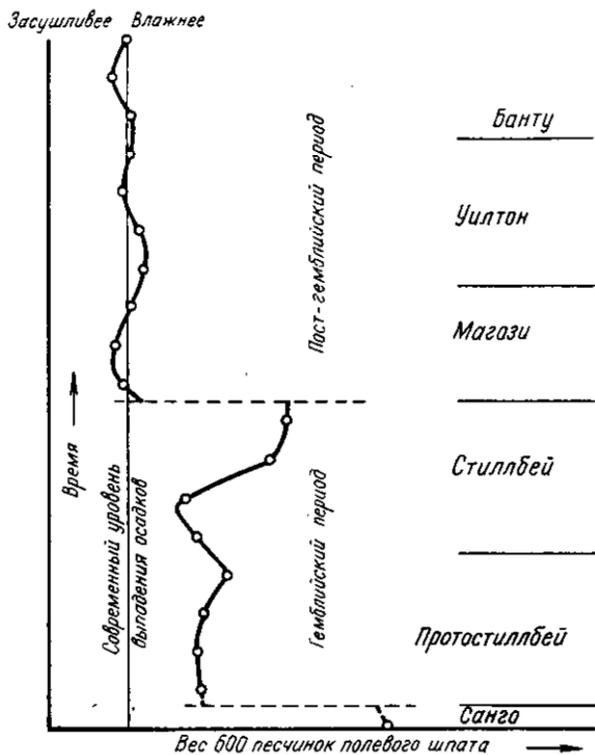
Процентное содержание пористости песчаного компонента (35—60 ячеек)

Сравнение процентного содержания пористости песчаного компонента современной почвы со склонов возвышенностей и почвы пещеры Очагов в Макапансгате показывает, что песчинки из пещерных образцов имеют большее количество плоскостей, чем песчинки современной почвы (за исключением двух периодов в прошлом). Это свидетельствует о том, что уровень выпадения осадков в течение большей части каменного века был выше, чем ныне [31]

Содержащие воду алюмосиликаты (цеолиты), например, свидетельствуют о присутствии солончаков, а в дельте р. Пеннинж, у оз. Натрон, на границе Кении и Танзании, можно в настоящее время наблюдать образование щелочных вод. В Олдувайском ущелье встречаются сцементированные цеолитами красные пласты, которые сцементировались и окрасились в красный цвет после отложения, что указывает на наличие в то время над этими пластами соленых вод [110, с. 221—225]. Латериты — содержащие железо остаточные продукты эрозии, образовавшиеся в результате значительного окисления и выщелачивания горных пород, — в настоящее время складываются в районах с высоким уровнем осадков и плотным растительным покровом. Таким образом, обнаружив в археологическом горизонте латериты, мы получаем определенную информацию о состоянии климата в период их образования.

Исследования осадочных пород, проводившиеся в пещерах Трансвааля, включали сравнительный анализ песчаных фракций в отложениях, содержащих останки ископаемых людей и обезьян, и в современных аллювиальных почвах некоторых возвышенностей. Подобный анализ позволяет вычислить процентное содержание песчинок, нанесенных ветром, по отношению к осадочным песчинкам и таким образом определить, насколько влажнее или суше был климат в изучаемое время [28, с. 1—131]. Для оценки уровня выпадения осадков может быть также использован способ, основанный на изучении формы песчинок. Так, при уровне выпадения осадков 40 дюймов песчинки обладают значительным количеством боковых плоскостей, при уровне от 40 до 20 дюймов количество плоскостей уменьшается, при уровне же ниже 15 дюймов песчинки вновь приобретают множество плоскостей, но покрываются при этом углекислой солью. Было отмечено, что в почве пещеры Очагов (также в Трансваале) песчинки отличались большим количеством боковых плоскостей, чем в аллювиальных почвах склонов холмов (за исключением двух случаев). Это свидетельствует о повышенном уровне выпадения осадков для большей части периода, представленного отложениями этой пещеры [31, с. 285—301].

В Кхаме (Родезия) изучались изменения, происшедшие в результате эрозии и разрушения кристаллов полевого шпата. Для осуществления такого исследования в коллювиальной почве месторождения гранита, имеющей несколько культурных слоев, был сделан вертикальный срез. Благодаря этому

Для определения климатических изменений позднего плейстоцена и исторического времени применялся анализ веса песчинок полевого шпата, взятых из аллювия гранитного возвышения в Кхамби (Родезия). Разрыв в середине кривой указывает, что выпадение осадков замедлило образование отложений в этот период. Показатели веса песчинок полевого шпата, находящиеся на схеме непосредственно под разрывом и взятые в сравнении с современными образчиками, даются в отношении 3:1 и таким образом позволяют определить уровень выпадения осадков [26]

оказалось возможным создание кривой уровня выпадения осадков в верхнем плейстоцене и голоцене. Осадочные пласты образуются в результате разрушения коренной подстилающей породы, и больший вес образца полевого шпата указывает на наиболее влажные климатические условия [26, с. 44—45].

Вопросы распространения культуры и технологии были поставлены в прямую зависимость от изменений климата в масштабе всего континента лишь в 1967 г., с выходом в свет атласа древней истории Африки. В настоящее время археологические и палеоэкологические таблицы атласа дают возможность увидеть и сравнить, насколько совпадают изменения в технологии и типологии каменных орудий с изменениями в растительном покрове, климате и т. п. Основные трудности заключаются в настоящий момент в неизученности ряда регионов, в необходимости разработки более точной методики определения назначения тех или иных предметов материальной культуры, а также в том, что мы все еще остро нуждаемся в более точной оценке амплитуд палеоклимата.

Анализ археологического и сопутствующего материала

Переходя к третьей основной проблеме археологии, рассмотрим всю совокупность археологического материала в двух направлениях — классификационно-терминологического анализа, а также современных методов реконструкции.

Обратимся сначала к вопросам классификации и терминологии; африканская археология прилагает все усилия, чтобы стать наукой с более современной научной методологией. Выяснилось, однако, что в этом направлении нельзя достигнуть существенного прогресса до тех пор, пока в целях классификации и описания всего обнаруженного археологического материала не будет выработано какое-то общее соглашение о применении более точных методов анализа и имеющих более точный типологический смысл дефиниций. Это относится и к работе с материалом плейстоцена, и к исследованиям более поздних периодов.

Вплоть до конца второй мировой войны собранный археологический материал — каменные орудия, прочие предметы материальной культуры, а также отходы ретуширования — обычно подвергался отбору, и поэтому не все могло сохраниться. Именно на этих специально отобранных предметах, которые, как считалось, вполне удовлетворительно могли продемонстрировать основные типологические и технологические характеристики всего собранного материала, и строились археологические описания. Более того, при составлении этих описаний в большинстве случаев пользовались терминологией общего характера, несмотря даже на то, что в них мог содер-

жаться перечень археологических орудий. Обусловленная этим неточность делала невозможным проведение аналогий с археологическим материалом других регионов, кроме как на самом общем и не имеющем особой значимости уровне. Так, выделение сходных черт культуры, скажем, из Кении или Сомали и южноафриканской культуры в результате наличия в обеих культурах «типовых орудий» — в данном случае листовидных остроконечников с двусторонней обработкой — привело к широкому использованию археологической терминологии, установленной в 1927 г. для территории ЮАР, применительно к материалу всего континента южнее Сахары. Во всех этих районах археологические культуры «среднего каменного века», например, классифицируются как стиллбей, по названию стоянки на южном побережье Южной Африки, где впервые были обнаружены специфические типы каменных орудий. В результате за пределами юго-западной части Капской провинции все эти сходные культуры различаются лишь при помощи указателя региона, например «кенийский стиллбей». То же самое произошло и с другими культурами; так, существуют «абиссинский фаурсмит», «трансваальский лупембе» и т. п. Во многих случаях эти термины все еще используются археологами, поскольку разработка новой терминологии зависит от дальнейших полевых и лабораторных исследований.

После войны, следуя принятым в европейской археологии методам исследования, археологи-африканисты перешли к проведению систематического анализа всего собранного материала, а также к выработке научных заключений, основанных на данных измерений и фиксации характерных особенностей предметов материальной культуры и их взаимосвязей.

В настоящее время растет использование в том или ином виде и графических изображений находок, причем это также основывается на охвате всей совокупности материала. В результате впервые появляются более убедительные мотивы для сравнения отдельных археологических коллекций. В то же время африканский археологический материал настолько не позволяет пользоваться установившимися в науке классификационными понятиями, в сравнении с европейской археологией для него оказывается намного труднее найти место в какой-либо классификационной системе, подобно, например, системе Ф. Борда. Поскольку различные типы орудий при раскопках часто оказываются перемешанными, самым эффективным методом классификации, по всей очевидности, является

определение их наиболее характерных черт. Применение данного метода уже дает ценные результаты.

Подобная методика позволяет проводить аналогии между той или иной группой собранного археологического материала, но не дает возможности для типологического анализа данных (со множества стоянок различных регионов), по отношению к которым ранее была бы применена традиционная археологическая терминология.

Употребление в прошлом в африканской археологии множества различных терминов часто приводило к путанице. Поэтому в 1965 г. [23, с. 861—901] была сделана попытка достичь унификации терминологии. Предложенная шкала из четырех основных терминологических единиц предназначается для более полного раскрытия природы рассматриваемого явления материальной культуры и по возможности используется в данной работе. Наиболее узким по степени охвата предметов материальной культуры подразделением, которое можно выделить, является культурный слой или же местонахождение археологического материала. При этом сами предметы материальной культуры образуют «совокупность», или «коллекцию». Там, где между несколькими коллекциями из разных местонахождений прослеживаются тесные связи (при их существенном отличии от всего остального материала), можно говорить об археологическом периоде. Хронологически периоды могут следовать друг за другом или же существовать одновременно; в ряде случаев для выявления их спорадически повторяющихся отличительных черт в рамках более крупных отрезков времени использовался термин «фация». Ряд родственных коллекций (независимо от того, образуют они период или нет), связанных периодически проявляющимися типологическими и технологическими особенностями и различающихся между собой более, чем коллекции, составляющие период, образуют археологическую культуру. В свою очередь, культуры, имеющие определенные общие особенности, образуют культурный комплекс. Вследствие применения более точной классификации сравнительный анализ приобрел большую конкретность и была пересмотрена последовательность этапов регионального исторического развития. Подобная точность помогла вскрыть некоторые, ранее не отмечавшиеся различия между археологическими коллекциями, и, таким образом, стала очевидна целесообразность употребления, по крайней мере в настоящее время, региональной терминологии. Таблица на стр. 8—9 изо-

бражает различные археологические культуры Африки, на которые автор в дальнейшем будет ссылаться, их хронологический порядок, а также используемую ныне археологическую терминологию для Африки севернее и южнее Сахары.

Переходя теперь к ведению самих раскопок, отметим, что проблемы реконструкции вертикальной стратиграфии, в которой последовательно располагаются культурные слои, не требуют длительного обсуждения. Здесь применяются хорошо проверенные методы, и в последнее время все большее внимание обращается на данные, не связанные с материальной культурой человека и представляющие информацию о палеоэкологии изучаемого региона: исследуются профили почвы, эрозийные особенности, осадочные породы и т. п. В подобных случаях раскопки производятся вскрытием естественно сложившихся стратиграфических пластов; когда эти пласты оказываются слишком массивными и содержат однообразный материал, исследование ограничивается несколькими шурфами, заложенными в произвольно выбранных точках. Прекрасным образцом служат раскопки пещеры Хауа Фтеах в Киренаике, где сорокапятифутовый культурный слой содержал материал, датированный временем около 100 тысяч лет назад [177].

Установление своеобразного регионального эталона в виде хорошо стратифицированного культурного слоя, подобного тем, какие мы наблюдаем в пещере Очагов в Трансваале, в пещере Монтагью в Капской провинции и на стоянке у водопада Каламбо на границе Замбии и Танзании, позволит сравнить отдельные коллекции с материалом слоев других месторождений. Отсюда появится возможность определить место этих находок в археологической культуре рассматриваемого региона.

Необходимо особо отметить ту роль, которую сыграла в археологии палеолита разработка проблем, связанных с распространением предметов материальной культуры в рамках одного пласта. Насколько мне известно, подобная проблематика впервые изучалась в Африке на материале ашельских стоянок. Хотя, разумеется, начиная с раскопок мезолитических поселений, это является постоянной практикой любых археологических изысканий, в отношении палеолита, судя по всему, такие исследования ранее не проводились. В результате раскопок древних поселений под открытым небом в Восточной и Южной Африке были впервые получены некоторые данные о распространении остатков материальной культуры на стоянках охотников и собирателей начального периода плейстоцена.

Стоянки подобного типа необычайно богаты археологическим материалом, который в большинстве случаев оказывается здесь неповрежденным. Раскопки такого культурного слоя (или какой-то его части) выявляют множество интересных особенностей и разновидностей собранного материала; примером может послужить исследование части ашельского горизонта у водопада Каламбо. Существенное значение имеют расположение стоянки — находится ли она у воды, на берегу озера или же среди песчаных дюн; ее размеры — велика она или мала; взаимосвязь различных предметов материальной культуры — орудий, отщепов и уже использованного материала, а также их связь с кухонными отходами, такими, как, например, раздробленные кости. Не меньшую важность имеют некоторые специфические черты, которые можно выделить для стоянки, — наличие очагов, незаселенной площади и т. п.; соединение каменного материала естественного происхождения и «артефактов», т. е. камней, которые сами не могли попасть на стоянку и были, следовательно, принесены человеком; а также рассеивание орудий по стоянке в результате действия природных сил и т. д. Подобные данные получены преимущественно со стоянок начала верхнего плейстоцена и более ранних периодов. В Олдувайском ущелье, где жилой мусор быстро засыпается землей и прекрасно в ней сохраняется, имеется несколько таких пластов. Они встречаются также в Олоргесаалие в кенийской рифтовой зоне на стоянках в Восточной и Южной Африке.

Весьма существенной представляется степень разнообразия материала — она предположительно отражает различия в характере занятий. На некоторых стоянках, возможно, разделяли туши добытых охотой животных. Другие представляют собой жилые или производственные стоянки, а третьи, похоже, характеризуются несколькими видами занятий. Иногда незначительные различия между отдельными типами орудий, как, например, между ашельскими ручными рубилами и кливерами, явно отражают индивидуальные склонности и особенности стиля мастера.

Истолкование материала

Обратимся теперь к четвертой основной проблеме археологии, а именно к истолкованию и реконструкции археологического материала. Само собой разумеется, не следует подходить к этой проблеме, не получив прежде решения трех первых проблем.

Чем древнее объект раскопок, тем сложнее оказывается реконструкция образа жизни населения на основе сохранившихся предметов материальной культуры и прочих данных. Подобная реконструкция строится в основном на изучении предметов материальной культуры, их связей с пищевыми отходами, особенностей местонахождения стоянки, характера износа каменных орудий, а также на исследовании ископаемых останков обитавших здесь людей. Затем суммарные данные критически сравниваются с этнографическими параллелями, основанными на изучении следующих моментов: отношение индивидов и коллектива к своей материальной культуре, упадок мастерства изготовления орудий и степень распространения последних на территории оставленных поселений. Данные этнографии в ряде случаев дополняются теми сведениями, которые можно почерпнуть из наскальной живописи. Некоторые наскальные изображения имеют возраст около семи тысяч лет.

К сожалению, во многих работах, посвященных древней истории Африки, иногда вместо самих фактов, полученных в ходе археологических раскопок, приводилось их истолкование археологом. Следствием этого явилась наблюдаемая с недавнего времени тенденция к отходу от чрезмерно упрощенного анализа и предположительного истолкования материала в сторону полного отказа от попыток его объяснения. Это происходит в значительной мере в результате осознания того факта, что многие прежние описания археологических объектов неточны и ненадежны и что для определения подлинного места археологической коллекции в последовательном ряду слоев необходимо заново сделать очень многое (с учетом достижений современной научной мысли и новой методологии).

Африка, однако, предоставляет исследователю редкую возможность воссоздания образа жизни древнего населения континента, поскольку здесь до сих пор обитают народы, сохранившие образ жизни, занятия и уровень развития техники, восходящие в ряде случаев к далекому прошлому. В настоящее время здесь все еще имеются народы, существующие охотой и собирательством. Таковы бушмены в Калахари или хадзапи в степях и саваннах Восточной Африки. Таковы немади в мавританской Сахаре, пигмеи во влажных тропических лесах Конго и испытавшие культурное влияние извне батва в болотах Центральной Африки. Африку населяют народы, находящиеся на самых разных ступенях исторического развития: от кочевников-скотоводов Мавритании до развитых банту-

язычных земледельцев Северного Малави. Здесь существуют народы, занимающиеся исключительно сельским хозяйством, и наряду с этим огромный диапазон политических систем — от не имеющего вождя коллектива до мощного централизованного политического образования.

Представляется возможным провести параллели между некоторыми из этих структур и типами хозяйства, восстановленными по археологическому материалу; такие параллели вполне подтвердились. В особенности это относится к народам железного века, поскольку современные африканские народы часто являются их прямыми потомками.

Что касается бушменов и других охотничьих народов, то в данном случае указанные параллели не столь очевидны, поскольку потомки древних охотников ныне населяют исключительно неблагоприятные районы, где больше никто не селится. Ввиду этого аналогии между такими народами и их предками из «позднего каменного века», обитавшими в благоприятных природных условиях, оказались бы в некоторых отношениях неплодотворными. Вместе с тем в общих чертах тип хозяйства здесь сохранился, и мы видим все такое же использование природных ресурсов и все те же технические приемы, выработанные путем отбора в ходе длительного приспособления к местным условиям. Изучение закономерностей образования социально-экономических структур у современных народов, основанное на исследовании существующих и заброшенных поселений, обеспечивает археологу большие возможности в целесообразном использовании данных этнографии.

Выявленные в настоящем специфические черты типа хозяйства могут оказать непосредственное содействие в попытках реконструировать образ жизни людей в столь отдаленные периоды, как плейстоцен.

Характерные для быта современных охотничьих народов жилые землянки, крытые кожами или циновками легкие хижины, жилища в форме ульев с тростниковыми крышами (их стены обмазаны смешанной с соломой глиной и поддерживаются столбами), конические хижины, щиты-ветроломы, маски в виде голов животных (встречающихся и в наскальной живописи), а также производственные приемы каменного века, наблюдавшиеся в Дундо (Ангола), позволяют верно реконструировать доисторические строения, охотничье снаряжение, обычаи захоронения и производственные навыки.

То, что современные охотничьи народы питаются падалью.

помогает понять, каким образом мясо крупных животных становилось пищей древнего человека. Практикующиеся сейчас способы охоты — при помощи огня и дыма, всевозможных силков и ловушек, а также загона зверя в трясины — позволяют определить, какими способами охоты пользовался доисторический человек.

Изучение проблем, связанных с употреблением в пищу дикой растительности и приготовлением несъедобных в своем естественном виде растений, а также исследование строительных, железоделательных и прочих ремесел способствуют воссозданию сохранившихся свидетельств прошлого.

Изучение костей животных, употреблявшихся в пищу древним человеком, и живших в то время хищников помогает осветить так называемую «остеодонтокератическую» (т. е. использующую в виде орудий кости, зубы и рога) культуру южноафриканских австралопитеков, или человекообразных обезьян [30, с. 97—99; 31а, с. 1—7].

Проводимое при помощи наблюдений и экспериментов изучение действий природных сил, которые ведут к разрушению каменных пород и обуславливают рассеивание жилого мусора, также имеет непосредственное отношение для выяснения распространения доисторического археологического материала.

Другой метод исследования (его начали широко использовать только в последнее время) заключается в определении степени износа режущих краев каменных орудий. Отобранные для анализа наиболее типичные образцы не должны, естественно, иметь следов выветривания или абразии. Такому исследованию подвергались некоторые образцы из стоянки у водопада Каламбо: несколько ашельских и сангоанских нуклеидных скребков, а также один ашельский терочник имели характерные следы износа рабочего края. У позднплейстоценовых нуклеидных рубил из Конго часто встречаются поврежденные рабочие края и в некоторых случаях следы сознательной подточки для повторного использования.

Проведенные в Анголе опыты показали, что отполированные острия каменных орудий имеют сходство с полировкой, возникающей при использовании таких орудий для вскапывания почвы.

Эти интереснейшие данные приобрели бы еще большее значение, если бы биохимикам удалось установить происхождение (животное или растительное) органических веществ, например, аминокислот, абсорбированных рабочими гранями орудий.

Цели исследования доисторического периода

Итак, археолог — это член содружества представителей разных наук, чьи общие интересы заключаются в изучении воздействия колебаний древнего климата на африканскую флору и фауну, на распространение болезней и на водные источники. Общей задачей этих ученых является также поиск ответов на множество других вопросов, решение которых возможно лишь совместными усилиями при использовании данных всех этих наук.

Поиск и дискуссия, применение точной и в то же время гибкой методологии, реконструкция и извлечение на свет «хлама» истории — так исследователь доисторического периода оживляет прошлое. Именно таким путем он устанавливает занятия изучаемых народов и причины, обусловившие возникновение этих занятий; так он пытается определить, как и когда произошло расхождение ветвей человеческой эволюции, и проследить прогрессирующее биологическое и производственное приспособление человека, вначале лишь использовавшего орудия, а затем начавшего изготавливать их, что обеспечило наибольшую за миллионы лет эффективность производства. Наконец, для того чтобы осветить и документировать доисторическое развитие каждой современной африканской нации, лежащее в основе ее культуры и индивидуальной неповторимости, археолог может объединить усилия с историками.

Что касается вопроса, была ли Африка единственным регионом, где произошел переход от протогоминид к человеку, то на данном этапе было бы опрометчиво предлагать какие-либо категорические решения. К настоящему моменту, однако, именно в Африке были обнаружены важнейшие и подлинно уникальные свидетельства существования тех, кого драматург времен Реставрации, Конгрив, назвал «ветвью одной из ваших допотопных семей, существами, пережившими потоп». Те факты, которые уже имеются в нашем распоряжении, сколь бы ни волновали они умы, являются лишь задатком значительно более полного свода археологических находок, все еще ждущего своего открытия под покровом африканских саванн, поскольку действительно кажется все более вероятным, что именно с Африкой связано начало всего.

Глава II

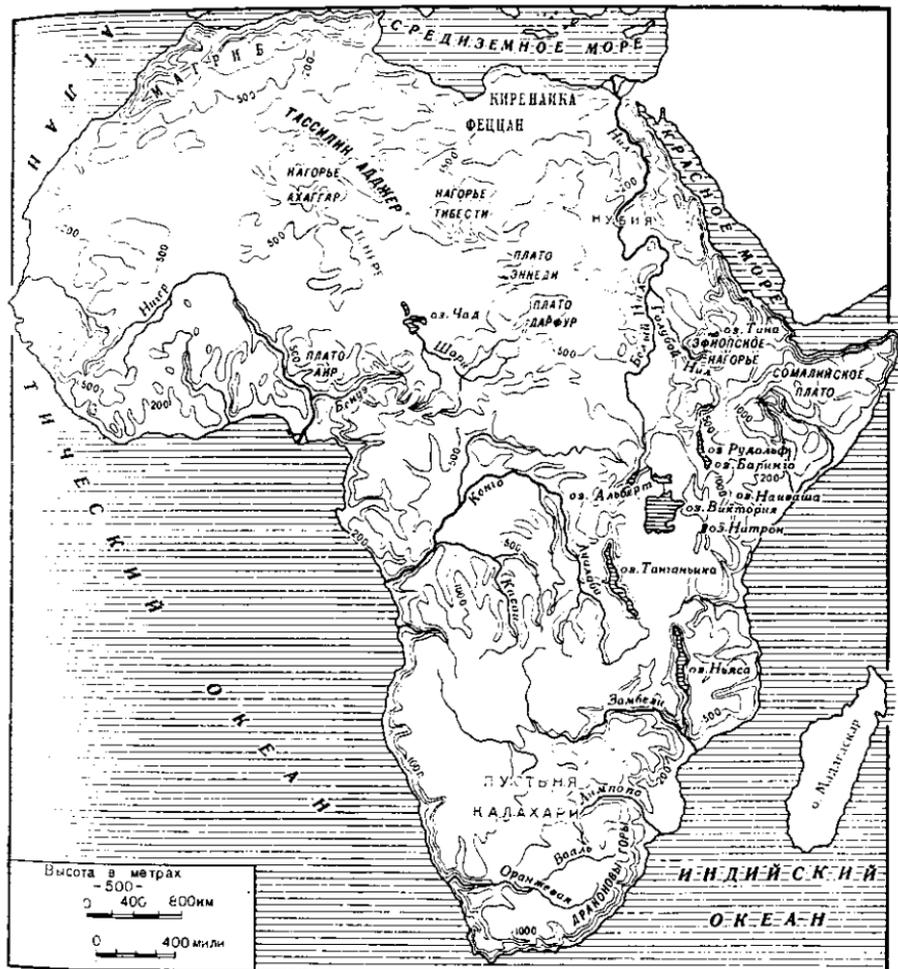
ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА — ПРОИЗВОДИТЕЛЯ ОРУДИЙ

Географические зоны Африки

Появившееся на свет за последние тридцать лет, причем всегда при захватывающих обстоятельствах, множество ископаемых останков древнего человека и его непосредственных предков полностью подтверждает веру Чарлза Дарвина в то, что рано или поздно окажется, что именно в тропиках — возможно, в Африке — имела место эволюция обезьян, приведшая к появлению человека. Как раз в Африке среди человекообразных обезьян были обнаружены ближайшие родственники человека — шимпанзе и горилла. Новейшие исследования показывают, что биологически мы гораздо ближе к этим африканским человекообразным обезьянам, чем считалось ранее. Поэтому изучение приматов, особенно анатомии и поведения гориллы и шимпанзе, имеет непосредственное отношение к пониманию биологической сущности и образа жизни древних гоминид.

Прежде чем перейти к обсуждению данных археологии и их значения, необходимо остановиться на влиянии окружающей среды, так как этот фактор оказывал неодинаковое воздействие на образ жизни населения пяти основных биогеографических зон. По причинам климатического характера такие зоны располагаются к югу и северу от экваториальных, тропических областей; при этом факторами, обуславливающими изменение их границ, являются топография, движения воздушных масс и океанские течения.

Для района экватора типичен вечнозеленый влажный тропический лес — «эта в полном безмолвии высшаяся башнями

Топография Африки, основные реки и озера

масса деревьев», как его красочно описывает Джозеф Конрад в своем «Сердце Тьмы». В результате применения подсечно-огневого земледелия, которое практикуется вот уже три тысячи лет, этим лесам наносится постоянный ущерб. К северу и югу от них, а также почти по всей Восточной Африке располагаются саванные земли: редколесье, сухие леса и высокотравные саванны. Для них характерна необыкновенно богатая — как по количеству видов, так и по общей численности — копытная фауна. Здесь, среди гор, горных кражей и высоких плато, располагаются высокогорные вечнозеленые леса и альпийские луга, возникающие на месте лесов в результате вмешательства человека.

Африканская саванна представляет собой наиболее богатый в природном отношении тип естественной среды; она простирается от Атлантического до Индийского океана и от южных границ Сахары до побережья Южной Африки.

Третьей из этих биогеографических зон является засушливая степь — районы сахеля¹ к северу и югу от Сахары и районы Карру и Калахари на юге континента. Растительность таких степей — низкие сухие травы, суккуленты, низкие и колючие кустарники. Для этих районов характерно изобилие пищевых ресурсов, которые потребляются млекопитающей фауной, представленной животными средних и малых размеров.

Четвертая зона — пустыня; здесь, в свою очередь, существует несколько разновидностей: солончаковые степи, полупустыни, а также собственно пустыни с песчаными и каменистыми почвами. Эти районы наименее благоприятны для жизни человека, однако они тем не менее способны прокормить живущих натуральным хозяйством охотников и скотоводов.

К пятой зоне относятся области, расположенные в самых северных районах Средиземноморского побережья и на юго-западной оконечности мыса Доброй Надежды, т. е. на противоположных концах континента, где растут вечнозеленые леса и в зимнее время выпадают осадки. Средиземноморская зона оказала значительное воздействие на ход культурного развития всей Северной Африки.

Как было замечено выше, границы каждой из этих зон в прошлом расширились или сжимались вслед за изменениями климата, что лучше всего прослеживается по результатам

¹ Сахель (*араб.*) — берег. В применении к Африке имеются в виду «берега» Сахары, географические районы между пустыней и суданской или средиземноморской зонами. (*Прим. ред.*)

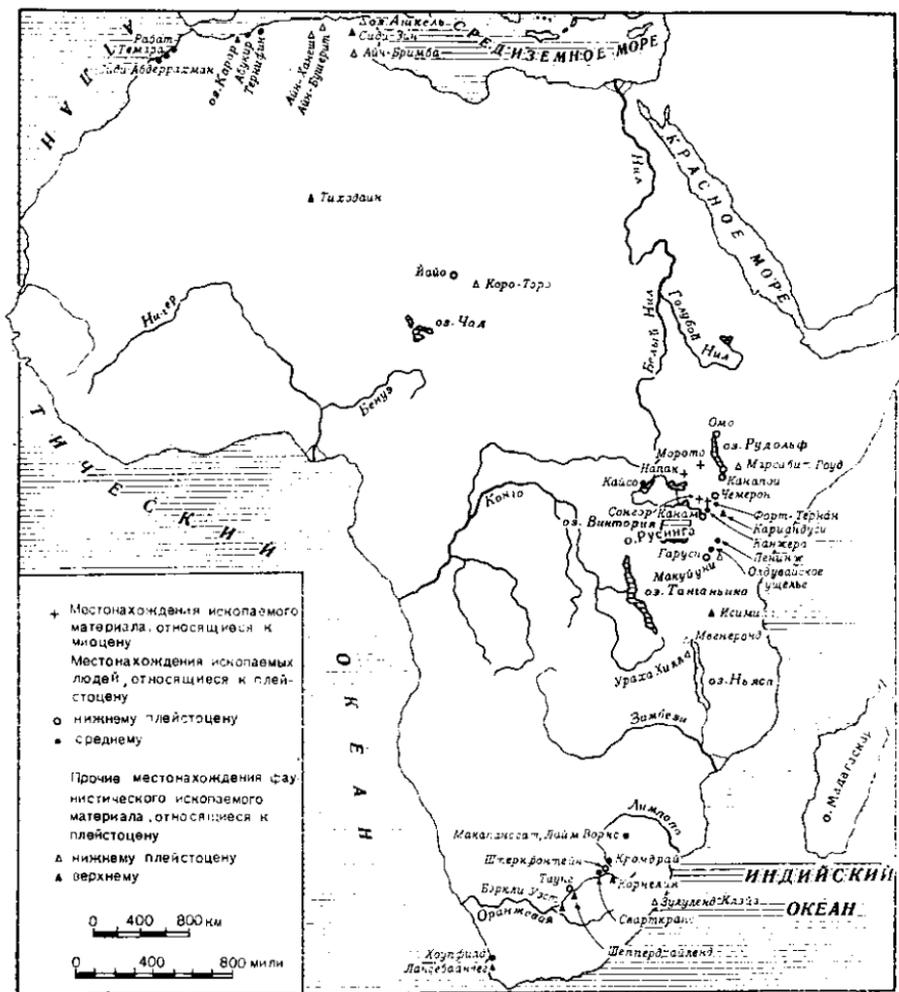
анализа пыльцы ископаемой флоры. Образцы растительности доплейстоценового времени заметно отличаются от современной растительности.

*Наиболее древние ископаемые останки:
гоминоиды и гоминиды*

Согласно эволюционному учению, гоминиды ведут свое происхождение от предков, некогда обитавших на деревьях; подобный образ жизни характерен и для гориллы и шимпанзе. Поэтому следовало ожидать, что в большинстве случаев именно в лесных (или в прошлом лесных) районах Африки будут обнаружены ископаемые переходные формы между человекообразной обезьяной и человеком. Так и случилось в действительности в тех районах Восточной Африки, которые покрыты (или были покрыты в прошлом) лесами и смешанной саваннолесной растительностью. Чрезвычайно важный ископаемый материал был также обнаружен в районе Фаюмской впадины в Египте, что свидетельствует о распространении в середине третичного периода лесов в областях, ныне представляющих собой пустыню [224, с. 135—139].

К сожалению, ископаемые останки, относящиеся к прошедшим 25 миллионам лет, сохранились лишь в сравнительно немногих районах континента, а во всей лесной зоне Западной Африки или в бассейне Конго, например, вряд ли была найдена хотя бы одна ископаемая кость. Обширные районы саванн центрального плато и местности к югу и востоку также полностью лишены какого бы то ни было ископаемого материала, что обусловлено кислотным характером почв и грунтовых вод. Основные палеоантропологические находки сделаны в Магрибе (Северо-Западная Африка), а также в Западной рифтовой долине и Грегори Рифт в Восточной Африке, некоторых областях Южной Африки и отдельных районах Египта, Сахары и Родезии, причем Восточная Африка намного превосходит все остальные по обилию материала. Характерное для нее образование глубоких впадин, водоемов и вулканов, быстрое скопление осадочных пород и наличие ископаемых останков в совокупности делают этот регион хранителем своеобразной уникальной летописи, истоки которой уходят в ранний миоцен, т. е. в период около 22 миллионов лет назад.

Человек отличается от приматов вертикальным положением туловища, передвижением на двух конечностях, особенно при-

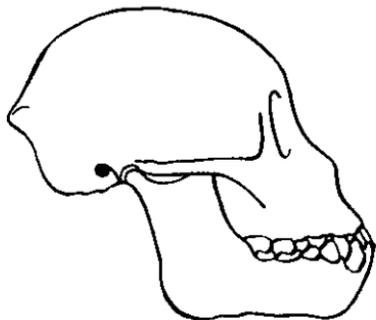
Основные местонахождения останков ископаемого человека и ископаемой фауны в Африке (миоцен и ранний плейстоцен) [57]

способленными для хватания передними конечностями, большим объемом мозга и умением изготавливать и использовать разнообразные орудия. Каждая из перечисленных здесь частей скелета человека эволюционировала в свое время: сначала грудная клетка и руки, затем таз и ноги и в последнюю очередь череп и мозг.

Специфическая сущность человека проявляется во множестве присущих исключительно ему сложных социальных и культурных явлений. О некоторых этапах подобного перехода от четвероногих предков к человеку можно судить по данным изучения ископаемого материала, обнаруженного недавно в Восточной Африке и Египте.

С начала третичного периода и до его середины, т. е. от 25 до 15 миллионов лет назад, в Азии, Европе и Африке была распространена дриопитековая форма человекообразных обезьян. Ископаемые останки этих животных свидетельствуют о видоизменении костей лица и конечностей, указывающем на их приспособленность к жизни в основном на деревьях, но также и на поверхности земли [223, с. 879—889]. Судя по их широкому распространению, эти так называемые предки двуногих [257, с. 48] должны были обитать в условиях весьма благоприятной окружающей среды, представлявшей собой леса, в африканских условиях перемежающиеся с саваннами. Это твердо установлено, так как в миоценовых отложениях острова Русинга на оз. Виктория и на склонах вулканов были обнаружены необычно хорошо сохранившиеся плоды, семена и насекомые, относящиеся к этому периоду [47, с. 30—71; 24, с. 22-44].

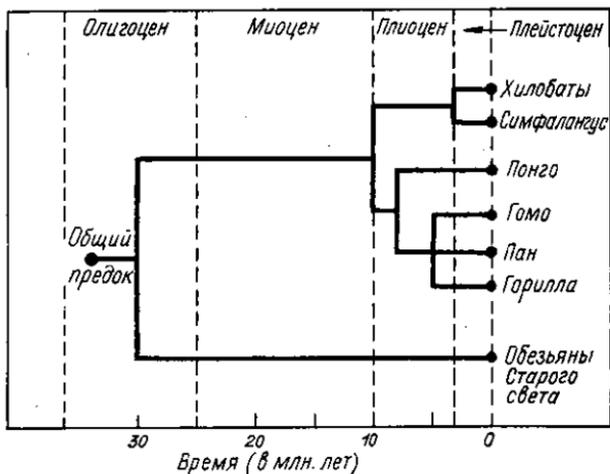
Однако в Индии и Восточной Африке 14 миллионов лет назад существовала уже более развитая форма, названная рамапитеком [222, с. 1—9; 225, с. 448—451; 238, с. 451—452]. Если дриопитековые представляли собой неспециализированную форму человекообразных обезьян, то морфологические черты рамапитека указывают на его принадлежность к гоминидам. К сожалению, уцелевшие останки рамапитека состоят в основном из фрагментов костей лица и зубов и ничего не известно об остальном скелете. Отмечено, однако, что строение лица претерпело существенные изменения и лицо уменьшилось в длину, причем такое расположение зубов, как у рамапитека, характерно исключительно для гоминид. Исходя из этого, предположили, что рамапитек должен был передвигаться в вертикальном положении и что его верхние конечности

Реконструкция черепа дриопитека
(проконсула) африканского [65]

сти, вероятно, были приспособлены для использования примитивных орудий.

Останки гоминид позднего миоцена — плиоцена представлены лишь мелкими фрагментами костей лица и отдельными зубами. В связи с этим указывалось, что изменения в строении лица и конечностей могли произойти в разное время. Действительно, при обнаружении костей конечностей иногда оказывается, что они не столь развиты, как предполагалось [257, с. 14—15]. Эти наблюдения весьма полезны и при изучении ископаемых останков гоминид типа кениапитека африканского, обнаруженных Лики в слоях позднего миоцена на о-ве Русинга и в Сонгоре и позволяющих считать, что гоминиды появились на 8—10 миллионов лет ранее, чем предполагалось [158, с. 155—163]. В последнее время появились убедительные причины полагать, что человек (до развития у него прямохождения) и человекообразные обезьяны в течение какого-то периода передвигались по земле на задних конечностях, опираясь при этом на руки [255, с. 21—27]. Поэтому гипотеза о том, что отделение ветви гоминид от их общего предка с понгидами произошло в столь глубокой древности — в середине третичного периода, неизбежно останется под сомнением, пока не появится более полный свод данных археологических изысканий. Новейшие исследования, основывающиеся на изучении хромосом, белковой сыворотки и гемоглобина [138, с. 235—242; 99, с. 204—234], и определение иммунологического расхождения между человеком и другими приматами свидетельствуют о том, что расхождение линий развития гоминид и понгид должно было произойти скорее всего сравнительно недавно: 4—5, во всяком случае, не ранее 10 мил-

Хронология эволюционного расхождения гоминид по данным иммунологии. Предполагается, что расхождение гоминид и обезьян Старого Света произошло 30 млн. лет назад [268]

лионов лет назад, т. е. в плиоцене [215, с. 94—121; 268, с. 1088—1093]².

Было высказано предположение, что предок человека, живший в позднем миоцене — плиоцене (рамапитек), мог уже спуститься с деревьев и передвигаться при помощи опоры на руки, подобно современным африканским человекообразным обезьянам, и, так же как они, рамапитек избежал вымирания, которому подверглись более мелкие человекообразные обезьяны в миоцене. Это оказалось возможным в результате жесткой борьбы за существование, в которой рамапитек победил благодаря большему весу и приспособленности к жизни на земле в сочетании с использованием орудий труда [255, с. 23].

² Результаты проведенных в последнее время количественных сравнений сывороточных альбуминов, трансферринов, гемоглобина и ДНК показали, что в генетическом отношении человек значительно ближе к африканским человекообразным обезьянам, чем последние к обезьянам Старого Света. Полное совпадение данных анализа альбуминов и гемоглобина, а также указание на то, что темпы молекулярной эволюции тождественны для всех исследовавшихся семей млекопитающих, делают возможным предположение об отделении человека от африканских человекообразных обезьян 4—5 миллионов лет назад.

Поскольку горилла и шимпанзе обитают в лесах, наиболее вероятно, что именно в лесной зоне, простиравшейся тогда от Восточной Африки до Северной Индии, и жили рамапитеки. В Индии останки рамапитека связаны с ископаемой флорой и фауной, свидетельствующей о существовании там широких водных путей, вдоль которых тянулись леса, сменявшиеся по мере удаления от воды саваннами. Подобно ископаемым останкам из Форт-Тернана, индийский материал свидетельствует, что в конце третичного периода происходили значительные миграции сухопутных млекопитающих из Африки в Евразию и обратно и что типы естественной среды на обоих континентах были, вероятно, схожими. Если в действительности так и было, это в некоторой степени отражает фундаментальные изменения климата и биома (экологического конгломерата), происходившие начиная с конца третичного периода главным образом на Аравийском полуострове и в Юго-Западной Азии.

Восточноафриканская разновидность рамапитека — рамапитек (кениапитек) викери, останки которого были обнаружены в Форт-Тернана, к востоку от оз. Виктория [153, с. 689—696], возможно, изготовлял и употреблял примитивные орудия. Сделанные здесь находки предположительно свидетельствуют об изготовлении орудий из кости путем ее расщепления. Так, рядом с раздробленной длинной костью был обнаружен кусок лавы, края которого показывают, что им и разбивали кости [159, с. 528—530]. Для подтверждения существования подобной деятельности требуются дальнейшие доказательства. Однако уже сделанные находки явно указывают на то, что рамапитек (кениапитек) викери употреблял в пищу мясо.

Интересно также и то, что между сохранившимися частями скелета рамапитека и известными науке костяками австралопитеков, представляющих собой следующую ступень в эволюции гоминид, не существует больших различий. Развитие скелета австралопитека в раннем плейстоцене, т. е. около двух или более миллионов лет назад, может быть объяснено прогрессирующим естественным отбором, который сопровождался все большим передвижением на задних конечностях и использованием орудий при помощи передних.

Если рамапитек викери относится к гоминидам, то это морфологическое развитие заняло период от 10 до 12 миллионов лет. Вместе с тем, по основанной на иммунологических данных шкале хронологии [215], процесс эволюции нижних и верхних конечностей гоминидов, отделившихся уже от пон-

гид (или человекообразных обезьян), который привел к эффективному прямохождению, изготовлению и использованию более сложных орудий, длился от полутора до трех миллионов лет. Если последняя оценка верна, то рамапитек викери должен был представлять побочную ветвь в развитии человекообразных обезьян, причем сходное с гоминидами строение его зубов следует признать случайным. К сожалению, в Африке известно очень немного плиоценовых отложений, и поэтому в нашем распоряжении до сих пор нет ископаемого материала, относящегося к этому времени, за исключением находок в Форт-Тернанае, датируемых рубежом между миоценом и плиоценом. Правда, в 1968 г. к северу от оз. Баринго, в Кении, были обнаружены новые отложения среднего плиоцена, содержащие зубы гоминид. Это заставляет ожидать других находок, которые смогут пролить свет на биологическую природу гоминид плиоцена¹. Обнаружить данные об использовании орудий в тот период нелегко, поскольку, как будет показано ниже, сознательное и регулярное дробление костей в целях изготовления более эффективных орудий практиковалось весьма редко или не практиковалось вообще. Как бы то ни было, но из всех видов материала, возможно использовавшегося для изготовления орудий, можно надеяться на сохранение лишь кости и камня. Более убедительные доказательства, вероятно, будут получены при изучении совокупности материалов естественного происхождения, в ряде случаев претерпевших изменения в процессе использования, а также имеющих признаки искусственной обработки костных останков гоминид и животных. Такое изучение должно проводиться на участках, куда исследуемый материал не мог попасть в результате действий животных (за исключением гоминид) или геологических сил. Есть все основания полагать, что в период существования гоминид, для образа жизни которых были характерны использование орудий и всеядность, природные ресурсы, годные для эксплуатации, были значительно богаче. Вместе с тем богатая окружающая среда поощряла эксперимент; последний, в свою очередь, обуславливал более высокие темпы эволюционных изменений по сравнению со временем до появления орудий.

Ископаемые останки гоминид нижнего плейстоцена

В течение позднего миоцена и плиоцена движение земной коры стало разрушать сложившуюся в раннем третичном пе-

¹Устное сообщение Л. С. Б. Лижн.

риоде систему внутренних водных бассейнов, замещая ее гидрографической системой, существующей в настоящее время. В тот же период вдоль линии Большой рифтовой долины и в некоторых других геологически неустойчивых частях континента происходили сдвиги и глубокие разломы, шла орографическая и вулканическая деятельность. Завершающая стадия этих процессов, а также, возможно, измельчение растительности вечнозеленых лесов совпали со значительным понижением температуры в Европе и с началом плейстоцена. В поздний третичный период происходило скопление песков Калахари. Пустыня Калахари заняла большинство районов западной половины субконтинента, что объясняется засушливым климатом. Для плиоцена вообще были типичны сухие климатические условия. Возможно, именно в это время на месте расположенных в низинах влажных тропических лесов и распространилась в значительной части Южной Африки ксерофитная растительность.

Кажется вероятным, что эти события сыграли немаловажную роль в ускорении эволюции гоминид в период от 9 до 6 миллионов лет назад. Ископаемый материал нижнего плейстоцена Африки известен намного больше по сравнению с плиоценом. Хорошо известные ныне австралопитеки, или обезьяно-люди⁴, жившие в начале нижнего плейстоцена, были открыты в результате исследований известковых пещер Трансвааля в Южной Африке и некоторых стоянок в Восточной Африке, особенно в Олдувайском ущелье (Танзания). Развитый австралопитек был недавно обнаружен в Чаде, к этой группе может также относиться загадочный ископаемый мегантроп, останки которого найдены на Яве, хотя в некоторых отношениях он более развит [241, с. 515—518]. Открытием австралопитеков мы обязаны главным образом трем ученым — доктору Раймонду Дарту, покойному доктору Роберту Бруму и доктору Луису Лики. В результате их неутомимой и постоянной исследовательской деятельности мы обладаем столь значительным материалом; собственно говоря, никакой другой род ископаемых гоминид не изучен так хорошо, как австралопитеки.

Последние — несомненно ранние гоминиды, изготовлявшие орудия. Небольшой объем мозга (435—562 куб. см) сочетался у них с массивной челюстью, что сначала дало ученым осно-

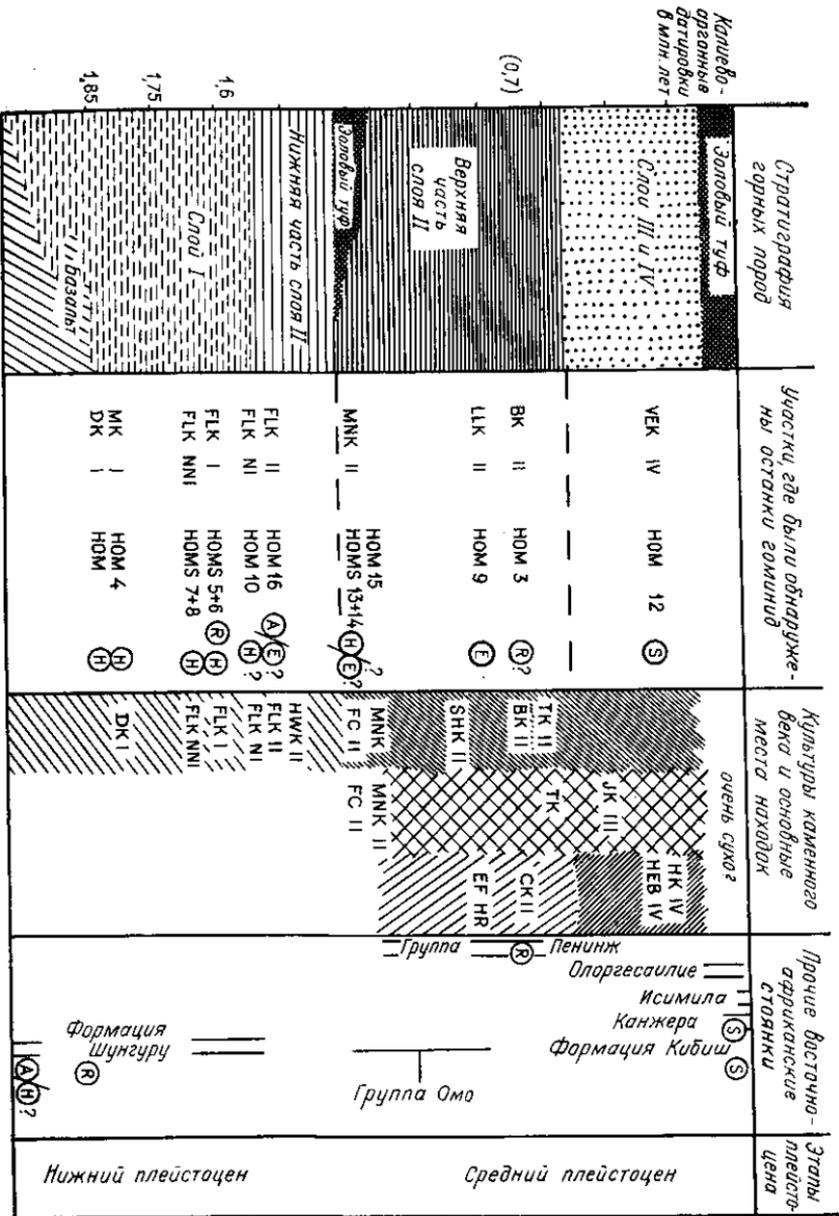
⁴ Название «австралопитек» (лат.) переводится как «южная обезьяна». (Прим. ред.)

вания отнести их к ископаемым человекообразным обезьянам, более близким к современным человекообразным обезьянам, чем к человеку. Находки почти полного набора костей стопы и некоторых костей руки в Олдувае, почти целиком сохранившегося позвоночника и таза в Штеркфонтейне в Южной Африке, а также полностью и частично сохранившихся костей конечностей в обоих регионах свидетельствуют о том, что австралопитеки передвигались в выпрямленном положении и использовали руки для обращения с орудиями, предвещая, таким образом, более поздних гоминид среднего плейстоцена.

В южноафриканских пещерах представлены два вида австралопитековых: хрупкого сложения и небольших размеров — австралопитек африканский и крепкий, больших размеров — австралопитек массивный, вначале названный парантропом [65]⁵. Грациальный вид был обнаружен на трех стоянках: Таунг, Макапан и Штеркфонтейн, другой вид — на двух: Сварткранс и Кромдрай. Найденные кости были вкраплены в брекчию, заполнившую древние известковые пещеры, и сопровождалась значительным количеством костей животных [28, с. 1—131]. Палеонтологические исследования [86, с. 109—122; 70, с. 65—116] свидетельствуют о том, что материал из Таунга, Штеркфонтейна и Макапана древнее, чем находки из Сварткранса и Кромдрая. С другой стороны, данные о ритме климатических колебаний, полученные в результате исследования осадочных пород, которое проводилось на брекчии [28], показывают, какую временную последовательность можно ожидать, исходя из последовательности климатической. Австралопитек африканский, грациальный вид, предшествует, следовательно, австралопитеку массивному.

Эти открытия были сделаны в основном в 30—50-х годах. К 1959 г. относится первое открытие Лики ископаемых гоминид в слое I Олдувайского ущелья, охватывающем нижнюю часть длительной последовательности озерных и почвенных отложений. Здесь был обнаружен знаменитый «щелкунчик» — зинджантроп бойсов, ныне называемый австралопитек бойсов [244]. Его окаменелые останки были найдены при раскопках стоянки, содержащей также кости животных и каменные орудия, изготовление которых поначалу приписывалось «щелкунчику».

⁵ Литература, посвященная австралопитековым и гоминидам нижнего плейстоцена, весьма обширна; указанная работа, однако, дает наиболее полную сводку данных об этих ископаемых останках.

Стратиграфия, големинды и культура каменного века Олдувайского ущелья

В 1964 г. в районе р. Пенинж, к северу от оз. Натрон, на границе Кении и Танзании, была обнаружена обнажившаяся в результате выветривания почвы челюсть с зубами почти в полной сохранности. Она принадлежала австралопитеку массивному [127, с. 229—257].

В 1960 г. в Олдувайском ущелье, вблизи того места, где был обнаружен зинджантроп, были найдены останки другой особи гоминид. Они находились в слое, расположенном немного ниже того уровня, где была сделана первая находка. Эти останки представляли собой фрагменты боковых и затылочных костей черепа молодой особи, причем череп был пробит еще до того, как кости окаменели. Вместе с ними были найдены ключица, пятнадцать костей руки, принадлежавшие двум особям, взрослой и молодой, а также большая часть костей ноги взрослой особи. Рядом находились десять обработанных каменных орудий и кости животных. Фрагменты черепа, как выяснилось, принадлежали обладавшему относительно большим объемом мозга (680 куб. см) виду гоминид, строение зубов которого отличалось от австралопитека бойсова (или зинджантропа) и не имело существенных отличий от австралопитека африканского [152, с. 1050—1052].

Обнаруженные вместе с фрагментами черепа кости стопы и кисти оказались в значительной степени сходными с человеческими. Однако они отличались некоторыми примитивными чертами, дающими основания полагать, насколько это касается стопы, что их обладатель, возможно, был приспособлен для передвижения бегом, а не шагами. К сожалению, крайние фаланги пальцев ноги были отсечены, но найденная в расположенном выше, около верхней границы слоя II, горизонте фаланга пальца ноги свидетельствует, что в этот период передвижение шагами было вполне возможным [81, с. 969]. Обнаруженная кисть представляет собой промежуточную стадию между кистью человека, с одной стороны, и человекообразной обезьяны — с другой, и в равной степени отличается от них. Мускулистость пальцев этой кисти и их значительная способность к сгибу подтверждают близкое родство их обладателя с видами, передвигающимися при помощи упора на руки. Кисть была невелика и, по описанию, имела большой палец, способный находиться в противопоставленном положении [186, с. 409—411], что позволяло осуществлять не только силовой, но также, вероятно, и «точный» захват. Это делало возможным

помимо изготовления примитивных орудий более тщательную их обработку.

Л. Лики и его сотрудники, изучавшие эти останки, заявили о принадлежности своей находки к новому виду рода *Homo*. Обнаруженное существо получило название *Homo habilis*, что значит «человек умелый». Вместе с габилисом были найдены каменные орудия, залегавшие на глубине от начала слоя I до нижних пластов слоя II [155, с. 7—9].

В дополнение к находкам с основного участка (FLK NNI) к габилису были отнесены и некоторые другие ископаемые останки: лучше сохранившиеся фрагменты челюстей (с участков MNK II и FLK II), а также отдельные зубы из слоя I. Единственная находка почти полностью сохранившихся костей конечностей — большая и малая берцовые кости, обнаруженные в том месте, где был найден австралопитек бойсов [80, с. 967]. Эти кости хорошо приспособлены для прямохождения, но в то же время некоторые особенности заставляют предполагать, что манера передвижения древних людей, возможно, несколько отличалась от шагающей походки современного человека. Поскольку в этом же слое были обнаружены зубы, сходные с зубами габилиса, кости ноги, о которых идет речь, были отнесены именно к последнему, а не к массивному австралопитеку.

К настоящему времени еще не собраны все кости бедра, но в результате исследования пещер Трансвааля были обнаружены их фрагменты, в целом подтверждающие наличие выпрямленного, хотя и неуклюжего передвижения этих древних гоминид [65, с. 103—106].

В числе других находок Олдувайского ущелья, относящихся к габилисам, имеются значительная часть черепной коробки, большая часть нижней челюсти и фрагменты верхней челюсти, обнаруженные на одном участке (MNK II), а также череп с другого участка (FLK II Майко Гулли). Этот череп в результате эрозии почвы оказался на поверхности и был раздроблен на мелкие фрагменты равнодушными к археологии быками масаев⁶. Все эти находки происходят из нижних пластов слоя II и относятся, по всей вероятности, к началу среднего плейстоцена [155, с. 8—9]. Как полагают, гоминиды из слоя II морфологически более развиты, чем из слоя I, однако до настоящего времени не появилось никаких подробных описаний.

⁶ Масаи — скотоводческий народ, живущий в Восточной Африке. (Прим. ред.)

Таким образом, насколько установлено в настоящий момент, ископаемые останки *Homo habilis* охватывают длительный промежуток времени — возможно, миллион лет, и, исходя из этого, все сравнения с австралопитеком африканским должны проводиться на ископаемых останках более раннего периода.

Существование в это время более развитого представителя гоминид, жившего одновременно с австралопитеком массивным, подтверждается находками в двух других районах. Это фронтальная часть черепной крышки и лицевая часть черепа, обнаруженные в районе бассейна оз. Чад [76, с. 329—330], а также разбитая челюсть, нёбо и прочие костные фрагменты из пещеры Сварткранс в Трансваале, где они были обнаружены вместе с каменными орудиями и останками австралопитека массивного [202, с. 445—501]. Фрагменты из пещеры Сварткранс приписывались обладающему малыми размерами виду *Homo erectus*⁷, хотя Ле Гро Кларк и другие ученые считают, что эти останки укладываются в условные рамки характерных черт австралопитека африканского. Находки из Чада, как полагают, представляют собой переходную стадию от австралопитека к *Homo erectus*.

Центральным пунктом начавшейся дискуссии, является вопрос, могут ли останки габилиса и существа из пещеры Сварткранс, о котором только что шла речь, быть поставлены в ряд с австралопитеком африканским. Некоторые ученые, как, например, уже упоминавшийся сэр Уилфрид Ле Гро Кларк, утверждают, что эти ископаемые существа могут быть включены в условно определяемые рамки характерных черт человекообразных обезьян. Другие, и в том числе Лики, полагают, что они более развиты и выходят, таким образом, за рамки, представляя наиболее древнюю ветвь развития истинного Номо.

При рассмотрении возраста этих и других сделанных за последнее время находок будет легче представить то, что, по всей вероятности, происходило в рассматриваемый период — начальный этап плейстоцена. Новейшие исследования американских и французских специалистов показывают, что между 3,5 и 1,8 миллионами лет назад (по датировкам, добытым калий-аргоновым методом [122, с. 1234—1239]) в позднем плиоцене и раннем плейстоцене в бассейне р. Омо, к северу от оз. Рудольф, обитали оба вида австралопитековых: грациальный и

⁷ Человек прямоходящий (*лат.*). Имеет другое название — питекантроп. (Прим. ред.)

массивный. Стратиграфия слоев Олдувайского ущелья частично совпадает с расположением верхних слоев на р. Омо. В Олдувае австралопитек массивный, чей облик остается неизменным, предстает в качестве современника габилиса.

Несмотря на то что вплоть до настоящего времени не появилось никаких детальных описаний, было высказано предположение, что ископаемые останки габилиса из слоя II Олдувайского ущелья принадлежат виду более развитому, чем виды, представленные материалом слоя I. Предполагается, что *Homo habilis* ближе к *Homo erectus*. Разновидность последнего, обладающая большим объемом мозга, была обнаружена на участке LLK II верхней части слоя II. Вместе с там находки останков австралопитека массивного, парантропа, продолжают- ся вплоть до верхней части слоя II и затем исчезают, причем этот вид австралопитековых не имеет никаких эволюционных изменений. Научное истолкование подобных данных затруднено существующими сомнениями относительно возраста южноафриканской пещерной брекчии, содержащей останки австралопитековых, поскольку не имеется абсолютных датировок этих пород и в них редко встречается ископаемая фауна, близкая фауне восточноафриканских саванн. Повторные исследования сопутствующей фауны дают возможность предполагать, что слои, содержащие останки австралопитека африканского⁸, могут быть древнее, чем слой I Олдувайского ущелья, и поэтому частично могут относиться к тому же времени, что и слои из бассейна р. Омо. Слои, содержащие останки парантропа (Кромдрай и Сварткранс) и загадочного *Homo erectus*, с другой стороны, являются более поздними и, возможно, соответствуют нижней части слоя II Олдувайского ущелья; вместе с тем здесь обнаружены каменные орудия. Кроме того, в настоящий момент легко доказать необоснованность предположений о том, что в нижнем плейстоцене австралопитек массивный эволюционировал из австралопитека африканского. Об этом свидетельствуют находки на р. Омо, где оба вида существовали одновременно.

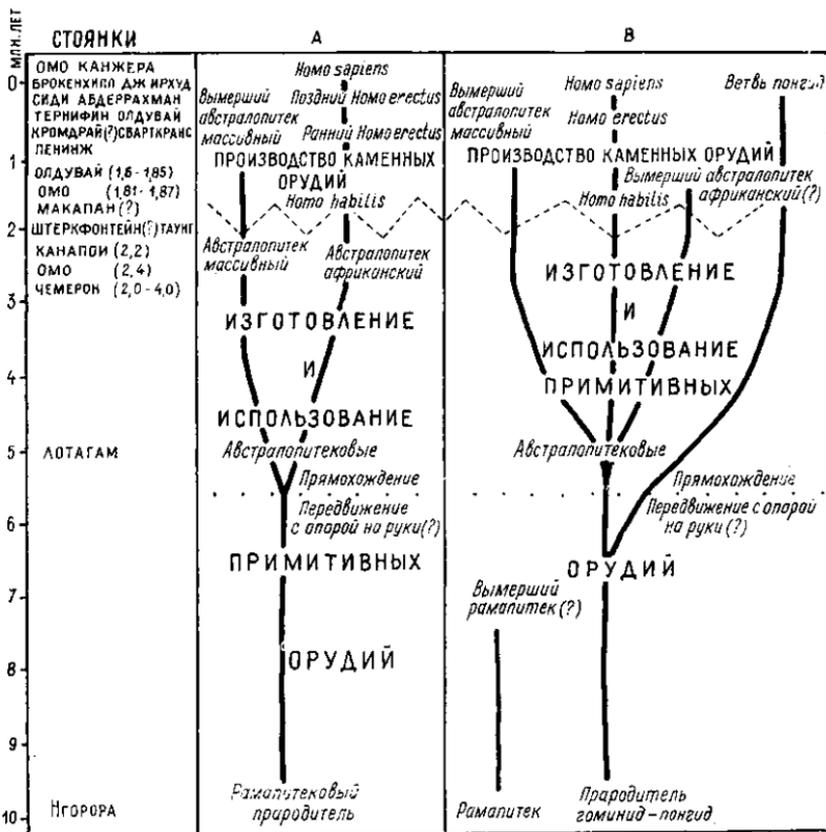
Если южноафриканские ископаемые существа не являются более поздними, чем предполагалось, то все эти данные могут быть наилучшим образом объяснены с той точки зрения, что грациальный вид эволюционировал в *Homo habilis* и, следовательно, в *Homo erectus*. Причиной послужило то, что австра-

⁸ Устное сообщение Х. Б. С. Кука.

лопитек африканский обладал способностью изготавливать сложные и более эффективные в употреблении орудия, в то время как австралопитек массивный лишь использовал орудия труда, оставаясь таким образом биологически законсервированным, и не выдержал впоследствии конкуренции со стороны вида, изготавливавшего орудия. Если же, с другой стороны, древнейшие местонахождения Южной Африки, содержащие ископаемые останки (Таунг, Штеркфонтейн и Макапан), являются одновременными или более поздними, чем слой I Олдувайского ущелья, то найденные там останки австралопитека африканского не могут относиться к непосредственному предку человека и принадлежат, по-видимому, побочной ветви вероятного предка *Homo habilis*. Первая гипотеза кажется наиболее предпочтительной, но выдержит ли она проверку временем, покажет лишь само время. С каждым годом, однако, новые открытия дополняют уже известные данные и облегчают их научное истолкование. При подтверждении промежуточного положения *Homo habilis* между австралопитеком африканским и *Homo erectus* вопрос о принадлежности габилиса к роду *Homo* или к австралопитековым оказывается не столь существенным; в то же время обнаруженные вместе с габилисом предметы материальной культуры свидетельствуют в пользу включения его в род *Homo*.

Судя по калий-аргоновым датировкам, переход от австралопитека африканского к *Homo erectus* (представленный этапом *Homo habilis*) длился около одного миллиона лет или немного более. Подобные эволюционные изменения оказались возможными исключительно в результате развития материальной культуры и приведения в действие механизма обратной связи между физиологическим и культурным развитием. Если будет подтверждено, что переходный период действительно занял один миллион лет, то изменения, происшедшие за это время в строении скелета, покажут подлинное значение культурного развития.

За исключением двух сомнительных находок в отложениях более древних, чем слой I Олдувайского ущелья, до сих пор не было обнаружено каменных орудий, изготовленных путем техники скола, хотя, судя по данным исследований на р. Омо, австралопитек африканский существовал по меньшей мере на полтора миллиона лет ранее. Если дальнейшие исследования подтвердят отсутствие орудий, изготовленных техникой скола, в отложениях старше двух—двух с половиной миллионов лет,

Два возможных варианта эволюции гоминид

то вполне правомерным окажется отнесение обнаруженных орудий именно к *Номо habilis*. Таким образом, в нашем представлении, темпы эволюционных изменений существенно замедлятся, хотя и известно, что переход от передвижения с опорой на руки к полностью выпрямленному положению, увеличение размеров мозга и изменения в строении кисти, обусловившие возникновение обработки камня и использование его в виде орудий, имели место в конце нижнего плейстоцена. Согласно основанной на иммунологических данных временной шкале, эволюционное развитие общих предков человека и аф-

риканских человекообразных обезьян, приведшее к появлению полностью прямоходящего вида гоминид, заняло период всего от одного до трех миллионов лет [215, с. 119].

Подобный процесс, безусловно, нельзя уподоблять простейшему развитию по прямой, поскольку приспособление образа жизни к условиям естественной среды, чего требовал переход от жизни в лесу времен плиоцена к жизни в саваннах времен нижнего плейстоцена, должно было неизбежно проходить поразному. При этом необходимо учитывать, что сохранились лишь наиболее удачные варианты такого приспособления. Сходным образом в первоначальном изготовлении примитивных орудий участвовал, очевидно, не один вид гоминид, хотя именно с одним только видом, увеличение размеров мозга которого способствовало изготовлению более сложных орудий, связан переход к *Homo erectus*.

Образ жизни австралопитековых

К основным источникам, на которых основаны попытки осмыслить и реконструировать образ жизни древнейших создателей орудий, относятся прежде всего их костные останки; сопутствующие предметы материальной культуры; останки фауны; характерные признаки стоянок, где встречаются перечисленные выше виды материала; а также, последнее по счету, но не по значению, образ жизни шимпанзе и гориллы. К этому необходимо добавить все данные о палеоклимате, полученные в результате изучения литологии слоев, содержащих ископаемые останки.

Судя по данным о палеоклимате, полученным при анализе брекчий трансваальских пещер, наиболее вероятно, что природная среда, в которой обитали австралопитековые, была в этом регионе несколько засушливее, чем теперь. Вместе с тем верхние слои пещеры показали, что климат постепенно становился влажнее [28, с. 119—122]. Как оказалось, тип природной среды в Олдувае не слишком отличался от равнин Серенгети в наше время — открытых пространств, прилегающих к мелким озерам с солоноватой или соленой водой. В Чаде же были распространены саванны с вкраплениями вечнозеленых и многоярусных лесов [110, с. 221; 76, с. 1282—1285]. Поэтому для успешного существования в осушенных саваннах более позднего времени требовалась значительная способность к приспособлению. Поскольку модели социальной организации высших

человекообразных обезьян, в особенности африканских, не имеют большого количества вариантов, вполне вероятно, что они не слишком отличаются от моделей, которые были типичны для общих предков этих обезьян и человека. Более того, если расхождение путей развития действительно относится к столь недавнему времени, как представляется при подходе, основанном на данных иммунологии, то в таком случае образ жизни шимпанзе и гориллы оказывается особенно ценным для понимания образа жизни ранних гоминид.

В результате исследований мигрирующих шимпанзе, принятых Джейн Ван Ловик-Гудэлл и другими специалистами [144, с. 313—374; 143, с. 1264—1266] в заповеднике Гомбе Стрим, в Танзании, стало известно, что шимпанзе в высшей степени общительные животные, изготавливающие вместе с тем некоторые примитивные орудия. Они подбирают прутья для выуживания термитов, палки для того, чтобы разрушить гнездо древесных муравьев и добыть мед; они используют губчатое вещество для сбора воды из дуплистых деревьев; они способны также при помощи камней раскалывать орехи. Было замечено, что шимпанзе, будучи взволнованными или проявляя разнообразные эмоции по отношению к хищникам, бросают палки и камни сверху и из-под руки [139, с. 59—102]. Более того, они вполне удовлетворительно справляются с перемещением предметов и сооружают площадки для ночевки. Реконструкция образа жизни древних человекообразных обезьян, таким образом, должна опираться на эти и другие аспекты образа жизни шимпанзе, принимая в то же время во внимание доказанное изучением останков австралопитековых тесное анатомическое родство последних с человеком. Другими словами, большие размеры мозга и характерные особенности скелета свидетельствуют о том, что те операции, которые делает шимпанзе, австралопитековые должны были выполнять намного лучше; более того, сам объем их операций был шире, чем у шимпанзе.

В заповеднике Гомбе Стрим шимпанзе живут открытыми сообществами, размер которых варьируется от 33 до 9 и меньше членов; эти сообщества претерпевают постоянные изменения в размерах и составе. В ряде случаев они состоят из самцов, самок и подростков; могут присутствовать только самцы или же только самки с детенышами; иногда только взрослые самцы и самки. Самцам принадлежит особая роль в добыче пищи, в поисках которой они способны удаляться на значительное расстояние; если пища есть в изобилии, сообщества

достигают наибольших размеров. Когда пища добыта, все члены коллектива созываются голосом или же топанием и стуком; при этом имеются свидетельства, что пища делится. Наиболее устойчивой является связь между матерью, ее ребенком и подростками. Взрослых самцов связывают с самками не только половые отношения, но и родительские обязанности. Церемонии приветствия при встрече небольших групп или индивидов (как у шимпанзе, так и у горилл) указывают на открытый характер этих коллективов, причем это более типично для шимпанзе. Возвратившийся член коллектива приветствуется, в то время как чужак должен быть «проверен», прежде чем коллектив его примет.

Переход от жизни в лесу к жизни в саваннах повлек за собой изменение характера питания. Первоначальное употребление исключительно растительной пищи сменилось всеядностью, причем мясо приобретало всевозрастающее значение. Охота на сравнительно крупных животных и употребление их мяса в пищу наблюдались до сих пор лишь у шимпанзе из Гомбе Стрим. Однако в последнее время стало известно, что подобная практика распространена шире. Вместе с тем ввиду отсутствия соответствующих наблюдений все еще неясно, является ли она характерной чертой образа жизни шимпанзе не только лесостепи, как в Гомбе, но и лесных районов [199, с. 368—244].

Надо полагать, однако, что в условиях саванн значительно возросшие источники получения животного белка наряду с нерегулярным потреблением фруктов должны были всячески содействовать характерной для ранних гоминид склонности к охоте. Другая вероятная причина особого значения животной пищи могла заключаться в необходимости пополнения сокращающихся растительных ресурсов природной среды, которая становилась все более и более засушливой. В настоящий момент отсутствие убедительных доказательств делает невозможным определить ту роль, которую сыграло в этом охватившее весь континент ухудшение климата. Но не подлежит сомнению, что микро-среда, в которой обитали ранние гоминиды Олдувайского ущелья, была, по существу, засушливой, хотя поблизости и находились заросшие лесом склоны вулкана. Как бы то ни было, но представляется несомненным, что культурное развитие гоминид обеспечило их успех в качестве хищников и позволило некоторым их коллективам поселиться вне границ леса. По мере увеличения наших знаний об образе

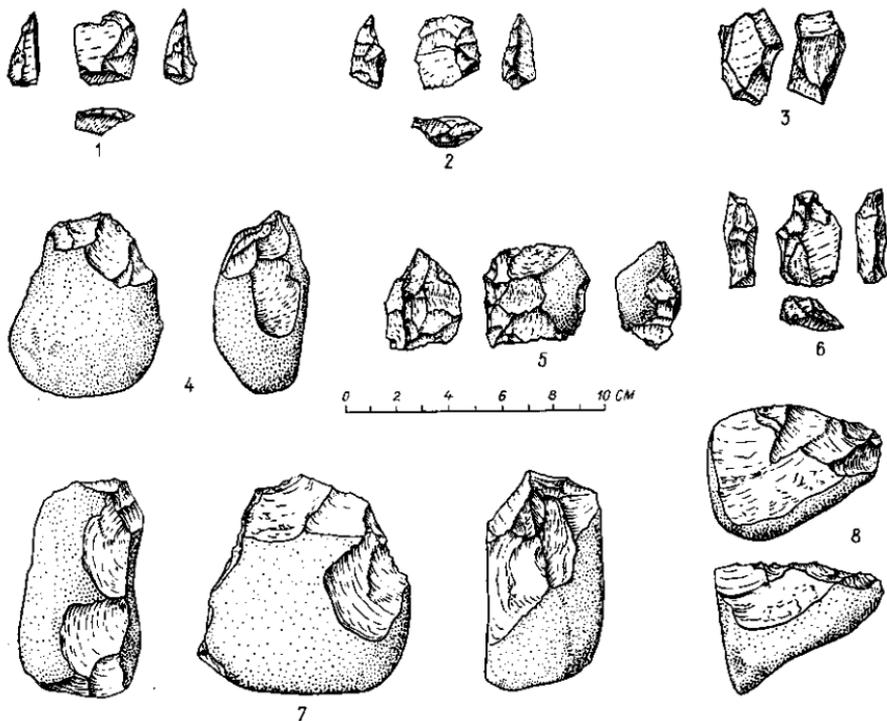
жизни африканских человекообразных обезьян становится все более очевидным, что австралопитековые не были агрессивными «вооруженными убийцами», как ярко их представило одно научное направление. Стремление к такому истолкованию привело в данном случае к искажению фактов. В настоящее время еще не доказано, что человекообразные обезьяны обитали в пещерах Трансвааля; нет также оснований считать, что обнаруженные вместе с их останками сломанные и раздробленные кости появились здесь в результате их хищнических и агрессивных привычек [78, с. 161—173]. Все еще надлежит доказать, что различная степень сохранности определенных частей скелета в этих пещерах не была обусловлена естественными факторами отбора, которые недавно были так ярко охарактеризованы [30; 31a]; также необходимо доказать, что так называемый износ на некоторых костях не был результатом деятельности природы. В защиту тезиса, гласящего, что «человек является хищником и его естественный инстинкт — убивать, используя оружие», раздались некоторые громкие голоса. Для этих пророков первобытного насилия совместное расположение останков гоминид и костей животных является немым свидетельством «коварства и отваги», которые, как утверждается, уже два миллиона лет назад были неотъемлемой частью нашего наследия [3, с. 293—306].

В основе агрессивности современного человека и многих животных лежит необходимость защиты своей территории, но для африканских человекообразных обезьян энергичная деятельность подобного рода, судя по наблюдениям, нехарактерна. К тому же, как мы уже видели, их коллективы, по существу, открыты для доступа, и состав их часто меняется. Следовательно, выделение определенной территории, признание ее своей собственностью, должно было появиться в человеческом обществе уже в достаточно поздние периоды плейстоцена. Исходя из этого, каменные орудия на жилах стоянках являются для нас еще более убедительным свидетельством того, что человек главным образом в поисках и приготовлении пищи, а также самозащиты полагался на отобранные или изготовленные своими собственными руками орудия. Оставив на время спорные «орудия» из костей в пещерах Южной Африки, обратим внимание на не вызывающие сомнений в своем назначении каменные орудия, относящиеся к жизни на определенном месте и представляющие собой не оружие, а хозяйственный инвентарь. Эти орудия относятся к культуре, которая получила название «ол-

дувайская», по характерной стоянке в Олдувайском ущелье. И если у нас нет достаточных доказательств для подтверждения тезиса Гоббса о том, что естественным состоянием человека было состояние «войны, в которой всякий против каждого», то в то же время нет и оснований приписывать древним производителям орудий человеколюбие и сострадание «кротких дикарей» Руссо.

Жилые стоянки обнаружены в слое I и в основании слоя II Олдувайского ущелья. Они дают уникальные данные о характере поселений ранних гоминид [160]. Эти стоянки представляют собой небольшие скопления хозяйственных отходов. Один такой участок (FLKI), с которым связано обнаружение зинджантропа) — овальной формы, размером 21X15 футов — содержал некоторое количество костных фрагментов, каменные орудия и стружку. На стоянках находят необработанные камни, принесенные издалека, — манупорты и камни, которыми колотили и наносили сильные удары. Здесь встречаются каменные орудия, выполненные техникой скола, — чопперы с одно- или двусторонней обработкой, придающей рубящему краю неправильную форму; многогранники, дискоиды, скребки, сверла и сфероиды, а также некоторое количество использовавшихся в качестве орудий отщепов. Встречаются и неиспользованные отщепы. Господствуют три основных вида орудий: камни-многогранники для нанесения удара, чопперы и ножи из отщепов. Их производство не содержит никакого секрета; это орудия малых размеров, для выделки которых не существовало каких-либо установленных норм. Однако рубящие края орудий из отщепов явно свидетельствуют о наличии зачаточных знаний по обработке камня. Подобные коллекции орудий могут относиться к самому началу эпохи обработки камня.

Укоренилось неправильное представление, что олдувайские орудия изготовлялись из гальки, и термин «галечная культура» употреблялся в качестве синонима термина «олдувайская культура». Там, где галька и булыжник встречались в большом количестве, они действительно часто использовались, но исследования в Олдувае показали, что для изготовления орудий в равной мере применялись глыбы и крупные куски лавы и кварца. Помимо Олдувайского ущелья существует очень много стоянок, где были обнаружены точно датированные материальные предметы олдувайской культуры. Такие стоянки встречаются в древнейших отложениях осадочных пород Атлантического побережья Марокко и в речных осадочных отложениях в Айн

Орудия олдувайской культуры из слоя I Олдувайского ущелья:

1, 2 — отщепы с несколькими сколами; 3 — обработанный каменный желвак с выемчатым лезвием, носящим следы использования; 4, 5 — чопперы с двусторонней обработкой; 6 — скребок из отщепа; 7 — протурбило; 8 — чоппер с односторонней обработкой. Кварц и лава

Ханеш (Тунис). В последнем сферические многогранники и чопперы были обнаружены вместе с фауной позднего нижнего плейстоцена (верхний виллафранкский период). Небольшое количество материальных остатков было найдено в озерных отложениях Восточной Африки — в Канаме (бассейн оз. Виктория) и в Каньяти (рифтовая долина в районе оз. Альберт). Сопутствующие останки фауны позволяют датировать эти находки началом нижнего плейстоцена, следовательно, более ранним временем, чем древнейшие слои Олдувая. Сообщалось о находках «галечных орудий» в некоторых других местах, как правило, в речном гравии, однако недостаточные или слишком неполные данные не дают возможности подтвердить их датиро-

вание нижним плейстоценом. Безусловно, в ряде районов галька продолжала служить материалом для изготовления орудий вплоть до настоящего времени.

В областях с теплым и умеренным климатом растительная пища занимает 60—80% в рационе современных охотников и собирателей [271, с. 51; 162, с. 40]. Однако подобная пища оставляет очень мало следов в археологическом отношении. Тем не менее многочисленные многогранники и другие крупные камни служили, по-видимому, не только для дробления костей и разделки плотных кусков кожи животных (также употребляемой в пищу современными охотниками), но и для раскалывания орехов и толчения волокнистых частей растений. Как показал эксперимент, так называемые чопперы могут эффективно использоваться для заострения палки, которой легко выкопать скрытые в земле съедобные растения или обитающих в норах мелких животных; чопперы могут также употребляться для резки, если их использовать по принципу работы пилы. Необработанные отщепы представляют собой эффективные орудия для резки и свежевания. Встречающиеся время от времени на костях следы износа также предполагают их использование (хотя и не преднамеренную обработку) гоминидами. На двух сломанных костях, обнаруженных вместе с материалом олдувайской культуры в слое I (FLK NNI и FLK северный), заметны бороздчатые следы и отшлифованная поверхность, которые сходны со следами изнашивания, получающимися в результате скобления кожи или копки земли. Следы подобного изнашивания заметны на нескольких «остеодонтокератических» костях; встречаются кости и со следами изнашивания другого рода, которое не может быть просто объяснено действием естественных факторов.

Таким образом, орудия олдувайской культуры представляют собой основной инвентарь, необходимый для того, чтобы обеспечить снабжение разнообразной растительной и животной пищей, которая доставлялась на базовую стоянку. Очевидные свидетельства подобного образа жизни дают нам костные останки животных, обнаруживаемые на стоянках, однако детали до сих пор не опубликованы. По описанию фаунистических останков с одной стоянки (FLK I), они принадлежали в основном животным мелких и средних размеров, хотя в то же время там встречались кости и более крупных животных [154, с. 451—452; 160, с. 428]. Находки отдельных особей, как правило, состоят только из немногих частей скелета, что в наибольшей степени относится к немногочисленным находкам крупных жи-

вотных. Это, по всей вероятности, указывает на важную роль, которую играло употребление в пищу падали в дополнение к питанию мясом, хотя вместе с тем это может отражать обычаи охотников, по которым туши убитых животных разделялись и частично съедались или же распределялись вне пределов базовой стоянки. Встречаются также стоянки (DK I и FLK NI), где представлен полный набор останков животных, от крупных до мелких размеров. Таким образом, заявляя, с одной стороны, что древние изготовители орудий и австралопитековые охотились преимущественно на мелкую дичь и питались падалью крупных животных, с другой стороны, необходимо отметить, что в настоящее время мы не обладаем достаточными доказательствами, которые могли бы это подтвердить.

В верхней части слоя I Олдувайского ущелья (FLK NI, горизонт б), а также в основании слоя II были обнаружены два пункта разделки туш крупных животных. В первом находился почти полностью сохранившийся скелет слона вымершего вида (*Elephas reckii*) и с ним 123 орудия; во втором — расчлененные останки дейнотерия и 39 орудий. Независимо от того, каким образом эти животные встретили свою смерть, а они могли умереть от естественных причин с той же степенью вероятности, что и быть убитыми, представляется несомненным, что к этому времени создатели олдувайской культуры научились обращаться с тушами крупных животных.

В какой степени охота составляла существенную часть образа жизни австралопитековых — вопрос дискуссионный, однако для этих гоминид не было необходимости в большем, чем поимка отдельных мелких животных — молодых антилоп, свиней или ящериц, например, — которых после загона убивали либо голыми руками, либо при помощи палок или камней, как это делается по сей день некоторыми африканскими народами. Отдельные животные вместе с тем могли служить добычей лишь при наличии навыков коллективной охоты, и новейшие исследования охотничьих привычек шимпанзе показали, что к настоящему времени навык коллективной охоты стал у них неотъемлемой частью образа жизни. Успешная организация охоты не требовала обязательного применения каких-либо сложных коммуникационных систем или существования речи. Псовая охота бывает в высшей степени успешной, несмотря на то что она не требует особого применения голоса. Известно, что шимпанзе используют примерно 23 вида различных голосовых сигналов помимо определенного языка жестов, гримас и поз. По-

этому вполне закономерна гипотеза о том, что изготовлявшие орудия гоминиды имели в своем распоряжении еще больший диапазон звуков и жестов.

Базовая стоянка является одной из наиболее важных, характерных черт образа жизни ранних гоминид, поскольку она представляет собой место длительного, хотя и временного обитания. Существование базовых стоянок, вероятно, может быть объяснено продлением периода несамостоятельности молодых членов коллектива и большей их зависимостью от взрослых, что придает особое значение отношениям матери и ребенка. Исходя из сроков прорезывания зубов у австралопитековых, эта зависимость длилась примерно столько же, сколько и у современного человека [166, с. 164]. Исследования приматов показывают, что подобное удлинение периода, предшествующего достижению полной зрелости, тесно связано с усвоением навыков и образа поведения, необходимых для самостоятельной жизни. Молодой шимпанзе достигает самостоятельности между семью и восемью годами, и передача более сложных навыков, которыми владели ранние гоминиды, должна была потребовать еще более длительного времени. Возникновение базовых стоянок, таким образом, может рассматриваться как следствие ограничения подвижности коллектива, обусловленное длительным периодом обучения. Одна особенно интересная базовая стоянка подобного типа (DKI), обнаруженная в самом основании Олдувайского ущелья, содержит четко выделенное скопление камней вместе с обычными отходами обработки камня и кости, а также орудиями олдувайской культуры. Это позволяет предположить намеренное складывание камней, возможно, в форме какого-либо укрытия [160, с. 426].

В настоящее время не существует надежных методов, с помощью которых можно было бы определить численность коллектива гоминид, однако размеры участка, занимаемого базовой стоянкой, дают основания полагать, что эти коллективы были невелики. Вместе с тем вполне вероятно, что действительная их численность фактически непрерывно менялась. Было подсчитано, что ископаемые останки австралопитековых из пещеры Сварткранс принадлежат 50—70 особям. Но, разумеется, это количество должно быть распространено на весь период, который потребовался для аккумуляции брекчией всех этих останков [166, с. 69]. Стаи, по всей вероятности, состояли из членов двух-трех сходных по составу семей, включавших матерей с детенышами и, возможно, трех-четырёх взрослых самцов. Все

члены стаи находились во взаимозависимости и делили между собой добычу, полученную охотой и собирательством. В самом деле, раздел пищи является основной характеристикой человеческого общества и одним из важнейших различий в образе жизни человека и млекопитающих.

То, что подобные явления существуют у шимпанзе (и в меньшей степени у диких собак), весьма интересно, однако это лишь второстепенная черта многосторонней структуры их образа жизни; стая шимпанзе не зависит от раздела пищи так, как человеческое общество. Это находится в резком контрасте с принятым представлением о первобытном человеке как о бандите-одиночке, размахивающем дубинкой.

Если большинство самок было занято присмотром за детьми и подростками, а также собирательством растительной пищи в окрестностях базовой стоянки, то самцы и самки без детенышей должны были непосредственно участвовать в охоте и транспортировке добычи. Количество и разнообразие останков животных на жилых стоянках свидетельствуют, что они не были пунктами кратковременного пребывания, а служили базой по меньшей мере в течение нескольких дней. Транспортировка мелких и средних животных не включает в себе особых трудностей, а туши крупных могли разделяться и распределяться между охотниками. Собирательство растений — фруктов, орехов, корней и семян — требует при удачном сборе использования какой-либо тары. Похоже, что одним из случаев, вызывающих у шимпанзе наибольшую ярость, является тот, когда он не может унести больше одной охапки бананов. Поэтому представляется вероятным, что даже в столь глубокой древности человекообразные обезьяны должны были изобрести какое-нибудь простейшее средство специально для переноски растительной пищи — кусок коры или кожи, наплыв дуплистого дерева или панцирь черепахи.

Все эти древние стоянки находились у воды, что, возможно, отражает неспособность человека жить вдали от постоянных водных источников. И человек и животные, бесспорно, отдавали предпочтение именно таким районам. Вероятно, не существовало и соответствующих средств для хранения и транспортировки воды, а стоянки, расположенные у воды, обеспечивали не только наилучшие возможности для охоты, но и постоянное снабжение водой для утоления жажды, которая непременно возникала в результате употребления в пищу сырого мяса (мясо, безусловно, использовалось в сыром виде).

Возможно, именно этими причинами (руководствовались при выборе места для стоянки, что в то же время могло быть связано с густым растительным покровом, типичным для расположенных близ воды участков в тропиках. Это не только давало изобилие растительной пищи, но и позволяло укрываться на деревьях в целях защиты от крупных хищников. Очевидно также, что использование палок и камней должно было служить одним из средств самозащиты. С другой стороны, уменьшение размеров клыков — одна из характерных особенностей расположения зубов у австралопитековых — совпало с более широким и более эффективным применением орудий, явилось его прямым результатом. Как было отмечено по результатам наблюдений, шимпанзе бросали палки и использовали их в качестве дубинок против леопардов. На стоянках встречается много необработанных камней — манупортов, как их называют Лики. Обнаруженное на участке в основании слоя I Олдувайского ущелья скопление необработанных камней, расположенных в круговом порядке, помимо любого прочего назначения могло служить запасом оборонительных средств для защиты от животных, особенно в ночные часы, съестных припасов.

При определении назначения камней и костей, составляющих остатки материальной культуры, которые сопровождают останки ранних гоминид, возникает ряд опасных ситуаций. Одна из них заключается в той неохоте, с которой мы отбрасываем предвзятые мнения, основанные на нашей принадлежности к развитой, но обладающей жесткими рамками социальной структуре. Верное понимание психологии и движущих факторов, лежащих в основе образа жизни современных охотников-собирателей, таких, как бушмены и хадзапи, несомненно, имеет самое прямое отношение к пониманию образа жизни доисторических коллективов, находившихся примерно на том же уровне экономического развития; однако подобных исследований пока еще мало. Но даже наиболее отсталые современные охотники-собиратели в физиологическом, умственном и социально-экономическом отношении ушли далеко вперед в своем развитии по сравнению с *Homo habilis*.

Подходя к исследованию доисторического периода через изучение приматов, в особенности шимпанзе, наиболее близких из ныне существующих родственников человека, мы получаем возможность определить минимальный уровень умственного и социально-экономического развития, который был достигнут гоминидами раннего плейстоцена. То, что было в действительно-

сти, находится посередине, хотя, пожалуй, несколько ближе к шимпанзе.

На тесную связь между эволюцией мозга и развитием технических навыков было обращено особое внимание [255]. Более эффективное приспособление к охотничье-собираческому образу жизни явилось следствием развития технических навыков, что, в свою очередь, оказалось возможным в результате увеличения частей мозга, связанных с умением передвигаться и способностью к общению. Таким образом, культурная эволюция и увеличение размеров мозга находятся по отношению друг к другу в прямой зависимости. Сравнительная быстрота, с которой (как предполагается) австралопитек африканский превратился в *Homo habilis* (в то время как австралопитек массивный оставался биологически законсервированным, пока не вымер в результате борьбы за существование), оказалась возможной лишь благодаря умелому изготовлению и использованию орудий, что впервые практиковалось грациальным видом.

Итак, вырисовывается картина, изображающая прямоходящих, обладающих небольшим мозгом и изготавлиющих орудия гоминид, распространенных по всему континенту. Они жили небольшими и вместе с тем непостоянными по составу, открытыми для чужаков коллективами, существовавшими благодаря собирательству и групповой охоте, добыча от которой распределялась между их членами. Успех подобного образа жизни был обусловлен передачей усвоенных навыков производства орудий от родителей к детям, а также все более интенсивным применением орудий, что вело к появлению новых характеристик, новых форм существования и параллельной биологической эволюции.

НЕСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ОХОТНИЧЬИ КОЛЛЕКТИВЫ

Более развитые гоминиды

Говоря об охотничьих коллективах, в первую очередь подразумевают, что охота была не только основным видом деятельности, но и главным источником пропитания. Поэтому прежде всего необходимо подчеркнуть, что у автора нет намерения вкладывать в понятие «охотничий» подобный смысл. Как свидетельствует этнография, общее количество растительной пищи, потребляемой народами тропиков, находящимися на стадии охоты и собирательства, намного превышает общее количество употребляемого ими мяса. Данные, полученные при изучении бушменов Центральной Калахари и хадзапи, например, свидетельствуют, как было отмечено выше, что 60—80% рациона этих народов составляет растительная пища.

В течение многих тысячелетий охота и потребление мяса были для человека в высшей степени привлекательными, и в современном развитом африканском обществе охотник все еще пользуется высокой репутацией. Существует много данных, указывающих на то значение, которое длительное время придавалось охотничьему образу жизни, потреблению мяса и использованию побочных продуктов охоты. Кажется вполне вероятным, что минимальное потребление сырого мяса ранними гоминидами было необходимым для обеспечения сбалансированного рациона. Следовательно, если на данной ступени социально-экономического развития охота приобретает особое значение, то это происходит в результате ее появления в качестве сравнительно нового и весьма важного элемента в жизни древнего человека, о чем свидетельствуют многочисленные остатки костей животных на стоянках.

В предыдущей главе мы познакомились с некоторыми данными (и их истолкованием), необходимыми для понимания происхождения и образа жизни древнейших гоминид. Это были обладающие малым мозгом австралопитековые, или человекообразные обезьяны, чье выпрямленное положение и ловкость в обращении с орудиями обеспечили выживание их коллективов в условиях африканской саванны. Это оказалось возможным в результате потребления одновременно растительной и животной пищи, а также в результате развития достаточно эффективных средств защиты от крупных хищников. Было высказано предположение, что сознательная оббивка камня в целях изготовления орудий была непосредственно связана с потреблением мяса и что резко возросшие возможности, обусловленные сознательным изготовлением орудий для резки и рубки, явились следствием и одновременно стимулом ускоренного биологического развития.

В основе генетических изменений, результатом которых было появление миллион лет назад *Homo erectus*, а также его каменных орудий, свидетельствующих о техническом прогрессе, лежат те же эволюционные процессы, что привели к появлению *Homo habilis*, происшедшего, как предполагается, от грациального вида австралопитековых в конце нижнего плейстоцена, немного более двух миллионов лет назад.

Результаты этих эволюционных процессов лучше всего прослеживаются все в той же Восточной Африке. Скопление осадочных пород в котлованах озерных бассейнов рифтовой долины, их быстрое погребение и сохранение под вулканическими отбросами позволяют получить уникальные данные об указанных изменениях в строении человека и его материальной культуре [178, с. 191—220]. Последние наиболее ярко прослеживаются в Олдувайском ущелье, где в слое II, охватывающем длительный период времени, в дополнение к примитивным орудиям олдувайской культуры встречаются коллекции орудий ашельского типа. Термин «ашельский» употребляется здесь ввиду присутствия орудий, сходных с ручными рубилами и другими крупными рубящими орудиями, впервые выделенными в археологическую культуру в прошлом столетии по результатам раскопок деревни Сент-Ашель и других поселений в Северной Франции. В Олдувайском ущелье первые коллекции ашельских орудий встречаются сразу же над пластом олового туфа, который разделяет слой II на верхнюю и нижнюю половины и, возможно, совпадает со временем вымирания некоторых арха-

ических видов животных [110, с. 30—42; 160, с. 47, 418, 432]. Ниже этого пласта физический тип ископаемых гоминид представлен останками *Homo habilis* с участка FLK II, а орудия относятся к олдувайской культуре. Выше, на участке MNK II, находящемся в нижних слоях, были обнаружены останки формы гоминид, временно отнесенной к *Homo habilis*. Было высказано предположение, что некоторые черты связывают этих гоминид с обладающим небольшим объемом мозга *Homo erectus*, останки которого были найдены на р. Джетис, на о. Ява [241]. На расположенном еще выше, над пластом эолового туфа, участке LLK II была обнаружена черепная крышка, принадлежавшая *Homo erectus* с большим объемом мозга (около 100 куб. см); найденные здесь орудия относятся к ашельской культуре [151, с. 649—650].

С деятельностью *Homo erectus* могут быть непосредственно связаны ашельские орудия трех стоянок в Северо-Западной Африке — Касабланки и Рабата на марокканском побережье и Тернифина на Алжирском плато. В Тернифине были обнаружены наиболее древние в этом регионе ископаемые останки *Homo erectus*: три челюсти и одна теменная кость. Челюсть и фрагменты черепной коробки из Касабланки и Рабата имели несколько меньший возраст. Многообразие типов, которым отмечены коллекции орудий среднего плейстоцена, свидетельствует, что *Homo erectus* и в умственном и в физическом отношении был способен к адаптации в самых различных условиях.

Ашельский культурный комплекс представляет собой наиболее распространенную и после олдувайской культуры наиболее длительную известную нам традицию изготовления каменных орудий. Однако до сих пор нет достаточно надежных средств для точного датирования ашельского периода. В Олдувайском ущелье пока не удалось получить приемлемых абсолютных датировок, которые были бы древнее 1,6 миллиона лет; последние относятся к олдувайской культуре и *Homo habilis* у верхних горизонтов слоя I. В то же время осадочные породы бассейна оз. Натрон (известные под названием «образование Хумбу») были датированы при помощи палеомагнитной хронологии временем приблизительно 0,7 миллиона лет назад. В этих осадочных породах обнаружена челюсть австралопитека массивного, а в слое, расположенном несколько выше, — коллекция раннеашельских орудий, аналогичных находкам, сделанным непосредственно над пластом эолового туфа в слое II Олдувайского ущелья [127, с. 245—250]. Единственная калий-

аргоновая датировка для материала образования Хумбу — 1,4—1,6 миллиона лет назад; она совместима с оценкой возраста раннеашельского материала Олдувая [там же, с. 244].

На противоположном конце временной шкалы находятся датировки находок, сделанных у водопада Каламбо, на южной оконечности оз. Танганьика. Эти датировки точно подходят под нижнюю границу периода, охватываемого радиоуглеродным датированием, и показывают, что местные коллекции орудий заключительных стадий позднего ашеля имеют возраст приблизительно 60 тысяч лет [61, с. 236]. В других районах ашельская традиция в своей развитой форме продолжалась, как полагают, до 40 тысяч лет назад, приобретая к тому времени более специализированные черты и более ярко выраженные региональные особенности. Таким образом, ашельский культурный комплекс длился, вероятно, один миллион лет.

Африканский материал не дает других достаточно ранних абсолютных датировок для этого периода, однако геоморфологическое родство археологических местонахождений марокканского побережья позволяет соотнести их (через морские приливы и отливы) со стоянками Европы [21; 20].

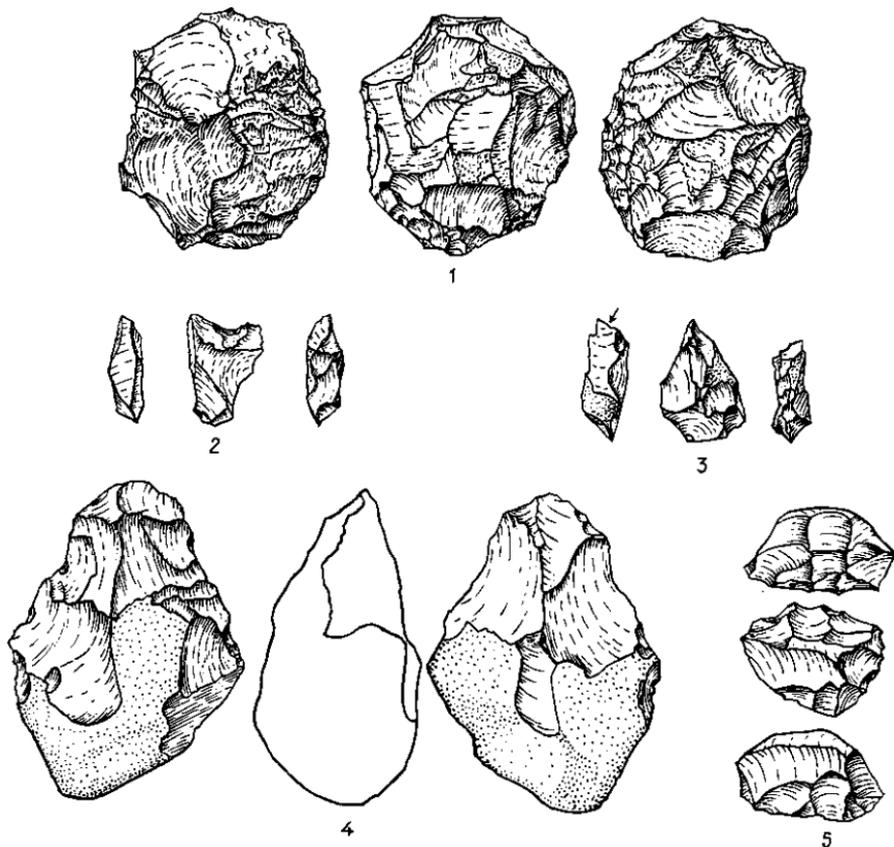
Homo erectus обладал большим мозгом (от 775 до 1215 куб. см) и вмещавшим его большим черепом. Черты его лица, хотя и остались массивными, уже гораздо более напоминают лицо человека, чем человекообразных обезьян; его скелет лишь немного отличается от скелета современного человека. Для *Homo erectus* характерны большие способности и возможность большего диапазона действий, чем это было, судя по имеющимся данным, у *Homo habilis* [39, с. 340—348; 64, с. 95—114].

Сфера распространения обнаруженных до сих пор ископаемых останков человекообразных обезьян и *Homo habilis* ограничивается тропическими районами континента: Восточной и Южной Африкой и бассейном оз. Чад. В настоящее время мы не располагаем сведениями о том, были ли эти гоминиды распространены шире, населяя другие экологические зоны. Судя по орудиям олдувайской культуры, скорее всего они встречались по всей Африке. Нет ничего невероятного и в предположении, что они будут обнаружены также в тропических областях Азии и, возможно, в Южной Европе. Несомненно, однако, что к началу среднего плейстоцена, т. е. приблизительно один миллион лет назад, производящие каменные орудия гоминиды широко распространились не только на Африканском континенте, но также в Южной Европе и в Азии.

Ископаемые останки *Homo erectus* были обнаружены в Южной Африке (Сварткранс), Центральной и Западной Европе, Индонезии и Китае. Сама несхожесть указанных регионов предполагает высокую способность этих гоминид к экологической адаптации: от холодного климата Северного Китая (пещера Джоу Коу Тянь) и Центральной венгерской равнины (стоянка Вертещоллеш) до тропического климата лесостепи Явы и травянистых саванн Африки. Результатом подобной адаптации явилось не только отклонение от биологического вида, но и изменение состава коллекций каменных орудий. Наши попытки реконструировать образ жизни времен нижнего палеолита в значительной мере опираются именно на изучение каменных орудий, их связи с сопутствующими на стоянках ископаемыми останками, а также на изучение типа самих этих стоянок.

Необходимо дать ответы на следующие вопросы: например, насколько интенсивно и в течение какого периода использовались стоянки? Какова была численность обитавших там людей? Типы жилья? Перемещения? Территориальные пределы? Экономическая деятельность? Общшения? Внутригрупповые отношения? Эти и другие проблемы могут быть разрешены только на основе тщательного археологического исследования всей площади стоянок, регистрации взаимосвязи ископаемых останков и анализа соответствующих им коллекций археологических орудий. Однако начало этому может быть положено уже сейчас; в результате будут облегчены исследования, призванные дать более полное представление об образе жизни в изучаемый период.

Можно было ожидать, что в течение столь длительного времени, каким явился ашельский период, каменные орудия должны были претерпеть определенные видоизменения, став разнообразнее по составу и сложнее в изготовлении. В действительности так и произошло, хотя степень усовершенствования орудий оказалась не столь значительной, как можно было предполагать для периода более чем в полмиллиона лет. Все данные указывают на то, что эволюция предметов материальной культуры характеризовалась чрезвычайно замедленными темпами. На основе данных стратиграфических и геоморфологических исследований были предприняты попытки выделить по региональному принципу ряд этапов развития материальной

Орудия развитого олдувая и нижнего ашеля.

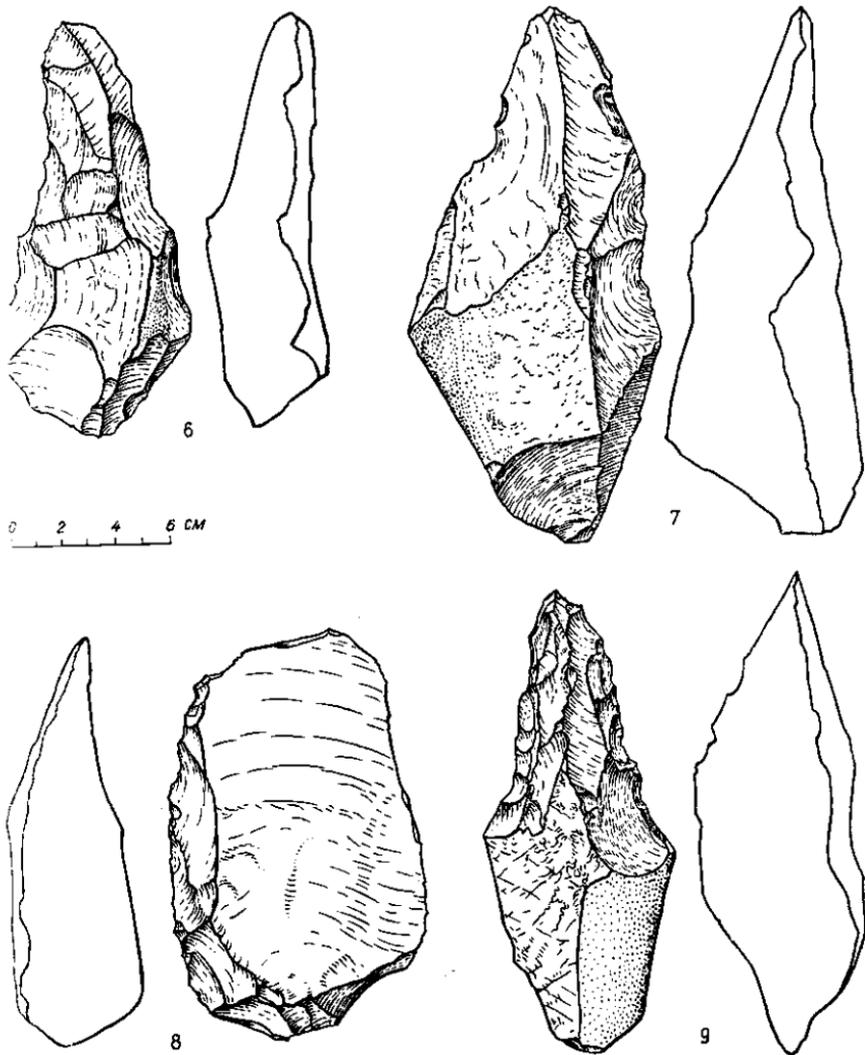
Развитой олдувай:

1 — многогранник, известняк (до-ашель) (Айн-Ханеш, Алжир); 2 — скребок с двумя выемками, кремнистый известняк; 3 — скребок с выемкой со следами использования и обработки резцом, кремнистый известняк, участок НКВ II, Олдувайское ущелье; 4 — проторубило, кварцит, развитие Штеркфонтейнской брекчи (Трансвааль); 5 — зазубренный нуклеидный скребок, кварц, участок ВК II, Олдувайское ущелье.

Нижний ашель:

6 — рубило с долотообразным концом (Тернифин, Алжир); 7 — трехгранник (кирко-видное рубило), карьер STIC (Касабланка, Марокко); 8 — кливер, изготовленный из отщепла типа комбева (Тернифин, Алжир); 9 — трехгранник, карьер STIC (Касабланка, Марокко), 6—9 — кварцит

культуры (подобный принцип применяют сейчас исследователи Марокко, в прошлом им пользовались археологи в Олдувае и в бассейне р. Вааль). В настоящее время, однако, наиболее

широко распространена точка зрения, что нижний палеолит подразделяется лишь на три основных этапа развития материальной культуры: олдувайский, нижнеашельский и верхнеашельский. Известно много верхнеашельских стоянок, материал которых связывается с нижним ашемом. Типичные для этого

периода орудия характеризуются в основном грубой формой, малым числом следов скола, а также отсутствием обработки, что обусловлено применением грубого каменного молота или каменной наковальни. В других отношениях нижеашельский инвентарь весьма напоминает орудия последующих периодов.

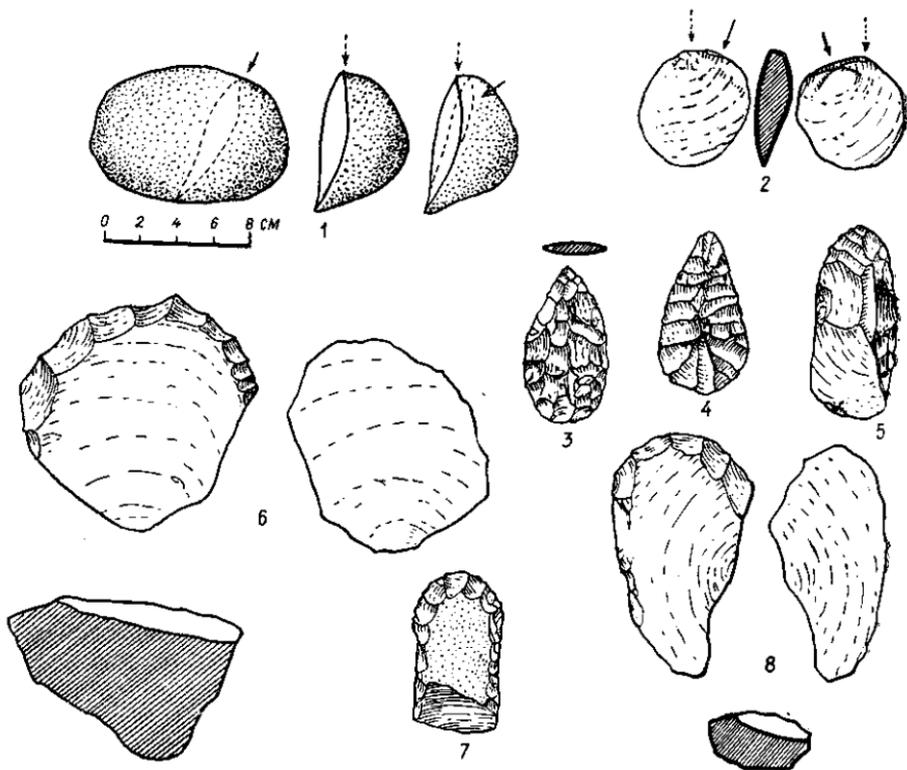
В верхней части слоя II Олдувайского ущелья, над пластом олового туфа, встречаются, как было показано, три вида коллекций археологического материала [160, с. 431—440]. Во-первых, это орудия, продолжающие традицию олдувайской культуры отщепов и чопперов — единственных орудий человека в нижних слоях. В верхней части слоя I и в слое II наблюдается некоторый, хотя и весьма незначительный прогресс по сравнению с материалом нижних слоев Олдувая. Уже упомянутые типы орудий дополняются здесь примитивными заостренными чопперами, известными как проторубила, грубыми бифасами, немногочисленными рубилами, скребками более развитой формы, а также прочими мелкими орудиями. Изготовленные из мелкозернистого камня, они выглядят удивительно внушительно. Встречаются также сфероиды; если, как предполагалось, следы на них появились в результате их использования в качестве пестов для измельчения пищи, то присутствие такого инвентаря означает, что на стоянках, где эти орудия найдены, подобная практика существовала постоянно или же регулярно возобновлялась. Кроме того, это указывает на более длительный период заселения таких стоянок.

Наряду с орудиями развитого олдувая в настоящее время встречаются и другие коллекции археологического материала того же периода — орудия, известные как ашельские. До настоящего времени подробно изучению подверглась лишь одна стоянка нижнего ашеля в Олдувае (участок EF — HR) от середины слоя II, хотя известны и ожидают археологов несколько таких стоянок. Большие рубящие орудия (рубила и кливеры), характерные для ашельского культурного комплекса, составляют около 39% ретушированных орудий, а при отнесении к той же группе крупных скребков это число увеличивается до 47%. Другие группы включают чопперы (10,5%), сфероиды (11,5%) и крупные орудия со следами использования (22,1%); остальное — каменные молоты и смешанный по составу материал. Из общего количества предметов — 434 — наибольшую часть (78%) составляют необработанные отщепы. Самой отличительной особенностью этой коллекции ашельских орудий является ее неожиданное появление среди общей массы материа-

ла, а также то, что орудия сделаны из крупных отщепов, отколотых от галек и булыжников, в данном случае кусков лавы [129, с. 1—28]. Этим они резко отличаются от орудий олдувайской и развитой олдувайской культур, которые в большинстве своем изготавливались из камней меньших размеров.

К третьему типу орудий, встречающихся в слое II, относятся коллекции как ашеля, так и развитого олдувая. Однако рубил здесь немного, и их доля в общем количестве материала несколько меньше, чем в коллекциях, о которых шла речь выше. Для этого слоя характерно множество мелких скребковых орудий, изготовленных из отщепов и фрагментов.

В Восточной Африке ашель не является продолжением олдувайской культуры. Единственный регион с подобной длительной последовательностью культурных и геологических слоев — побережье Марокко. Здесь наиболее ранние ашельские орудия сходным образом неожиданно появляются в пластах берегового гравия отступающего моря, понижение уровня которого было вызвано началом миндельского оледенения. Учитывая широкое распространение традиции изготовления рубил, наиболее правдоподобным кажется предположение, что эти крупные орудия означают появление нового важного вида деятельности. Само изготовление рубил обусловлено использованием новой техники: раскалываются каменные глыбы, и в результате получают большие отщепы. Неизвестно, однако, возник ли этот способ в Восточной Африке. Вместе с тем успешное применение техники скола для получения больших отщепов является важным техническим достижением, заметным шагом вперед в умении человека преобразовывать природу. Можно ожидать, следовательно, что эта техника широко распространилась по ашельскому миру. Вначале удары по ядрищу наносились беспорядочно, но в процессе производства рубил и прочих орудий появилась специальная техника получения крупных отщепов из каменных глыб, которые были слишком велики для раскалывания обычным путем. Поэтому мы обнаруживаем ядрища, образовавшиеся при производстве орудий так называемым методом протолеваллуа и леваллуа, а также другим методом — комбева, при котором полученные отщепы имеют специфическую особенность в виде двойной ударной выпуклости. Подобными способами ашельские орудия изготавливались как в Африке, так и за ее пределами, где применение этих методов было обусловлено размерами и строением сырьевого материала. Выбор того или иного основного способа, судя по все-

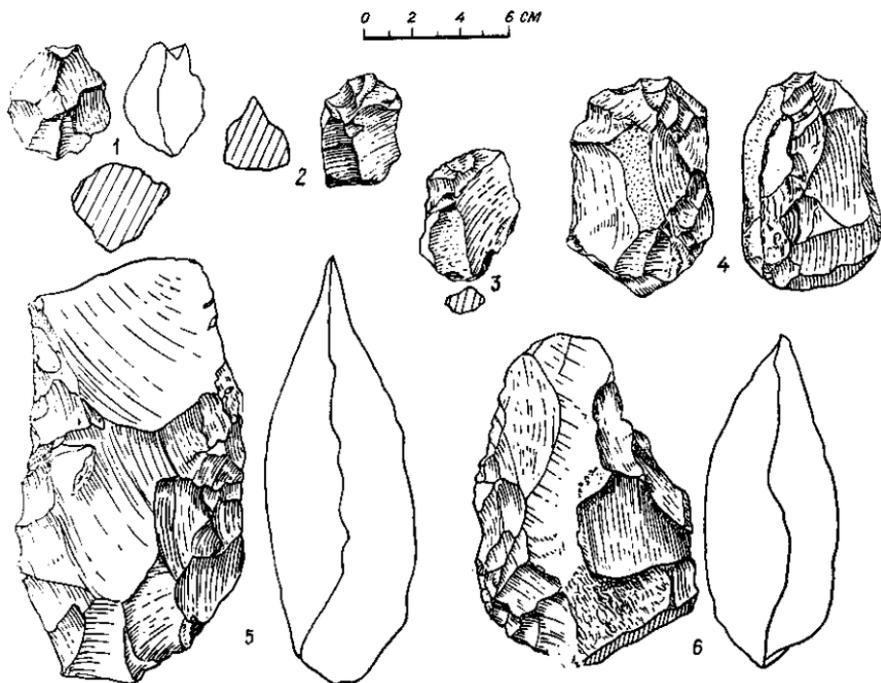

Ашельская техника скола:

1 — способ комбева; 2 — отщеп с двумя ударными площадками; 6 и 8 — нуклеусы и сколотые с них отщепы (6 — способ протолеваллуа II, 8 — способ протолеваллуа I); 3, 5, 7 — рубила и кливеры, изготовленные из этих отщепов. (По Л. Балу и К. ван Рит Лове)

му, зависел, во-первых, от устоявшейся традиции и, во-вторых, от способности к расслоению каменного сырья.

Три этапа развития материальной культуры, прослеженные нами в Олдувайском ущелье, широко распространены по всему континенту и встречаются в течение существования всего ашельского культурного комплекса, т. е. вплоть до начала верхнего плейстоцена. Было высказано предположение, что археологический материал слоя II Олдувайского ущелья свидетельствует об одновременном существовании двух или более форм гоминид, принадлежавших к различным филогенетическим на-

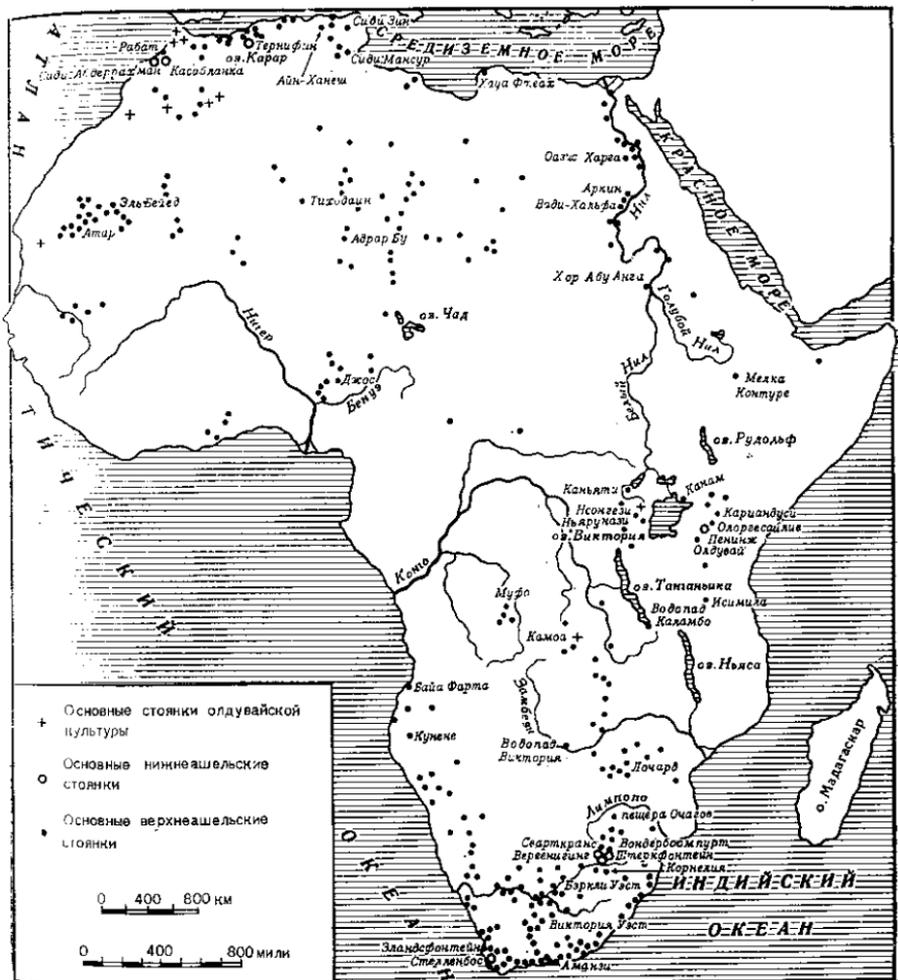
Орудия смешанного ашельского—развито-олдувайского типа из Корнелии (Оранжевое свободное государство). Предположительно связаны с фауной Вааль—Корнелия:

1 — дисковидный нуклеус; 2, 3 — концевые скребки; 4 — чоппер; 5 — кливер; 6 — рубило

правлениям [160, с. 441—442]. Если принять эту гипотезу (а для исключения такой возможности недостаточно материала), то нужно допустить, что формы эти обитали в различных экологических средах, не конкурируя друг с другом. В противном случае менее приспособленный вид неизбежно должен был бы подвергнуться уничтожению. Сохранение в течение первой половины среднего плейстоцена австралопитека массивного, очевидно, оказалось возможным лишь при отсутствии конкуренции. Как только *Homo erectus* начал производить свои эксперименты и, таким образом, использовать естественную среду обитания австралопитека массивного, вымирание последнего стало неизбежным. Поэтому можно утверждать вслед за Гербертом Спенсером, что прогресс «не случаен. Он — часть природы».

Более вероятное объяснение заключается в том, что указанные три этапа развития материальной культуры соответствуют различным типам деятельности — большие рубящие орудия предназначались для иных целей, чем мелкие орудия из отщепов или чопперы и сфероиды. Подобное объяснение подкрепляется очевидным фактом отбора сырьевого материала. Большие рубящие орудия ашеля намного чаще изготавливались из жестких твердых скальных пород, таких, как кварцит или различные виды лавы. Для производства небольших орудий из отщепов, напротив, обычно использовались мелкозернистые горные породы, например кварц или сланец, обеспечивавшие острый и вместе с тем хрупкий режущий край и легче поддававшиеся ретуши для изготовления скребкового острия. Подобное положение вещей характерно и для всех олдувайских слоев, и для множества верхнеашельских стоянок к югу и северу от Сахары. Таким образом, почти не остается сомнений, что здесь мы имеем дело с намеренным отбором сырьевого материала, наиболее подходящего для операций, которые производились при помощи изготовленных из него орудий. К ашельским, таким образом, относятся коллекции, в которых доминируют большие рубящие орудия, а также коллекции, где орудия этого типа встречаются в сочетании с элементами развитого олдувая; в количественном отношении преобладают последние.

Как показывает карта, верхнеашельских стоянок известно намного больше, чем нижнеашельских. Однако их географическое размещение в общих чертах совпадает, несмотря на засвидетельствованный археологическим материалом более высокий технический уровень верхнеашельского населения. Стоянки начала среднего плейстоцена, содержащие одновременно коллекции орудий нижнего ашеля и развитого олдувая, шире распространены в Африке, чем стоянки, несомненно относящиеся к олдувайской культуре. Они обнаружены в Северо-Западной, Восточной и Южной Африке, однако в этих регионах редко встречаются сохранившиеся стоянки, такие, как в Олдувайском ущелье. Здесь археологический материал содержится в основном в озерных, речных и морских отложениях. Рубила на стоянках этих регионов, как правило, копьевидной формы или сужаются к концу, образуя долотообразное лезвие. Для североафриканских ашельских стоянок этого периода характерны заостренные орудия типа кирки с треугольным сечением и кливеры с параллельными плоскостями и квадратными торцами. К сохранившимся стоянкам принадлежит, вероятно, карьер STIC в Ка-

Расположение олдувайских и ашельских стоянок [57]

сабланке, где на берегу ручья были обнаружены орудия и кухонные отбросы, напластовавшиеся над отложениями Маарифской регрессии (синхронной кромерийскому межледниковому периоду Европы) и сверху запечатанные большой затвердевшей дном из скальных отложений, возраст которой восходит к миндельскому оледенению в Европе [20, с. 156—185].

Другая важная стоянка — Тернифин, расположенная на травянистом Алжирском плато. Обнаруженные здесь крупные и мелкие орудия залегают в пластах, ныне находящихся под водой небольшого озера, существующего за счет артезианского источника. Более 50% всех орудий составляют гальки со следами обработки; из общего числа предметов — 652 — оказалось 107 кливеров и 110 рубил. Имеются также и мелкие орудия [18, с. 217—238]. Этому археологическому материалу сопутствовали множество остатков кухонного мусора, а также три челюсти и теменная кость североафриканской разновидности *Homo erectus*.

В Пенинже, в бассейне оз. Натрон, были обнаружены две более ранние ашельские стоянки. Эти стоянки располагались в существовавшей некогда открытой долине с заливными поймами и с песчаным основанием, прилежавшей к сезонной протоке. Здесь была пресная вода, а росшая по берегам зелень давала какую-то тень. Материал обеих стоянок сходен с описанными выше находками из Олдувайского ущелья [127, с. 250—251].

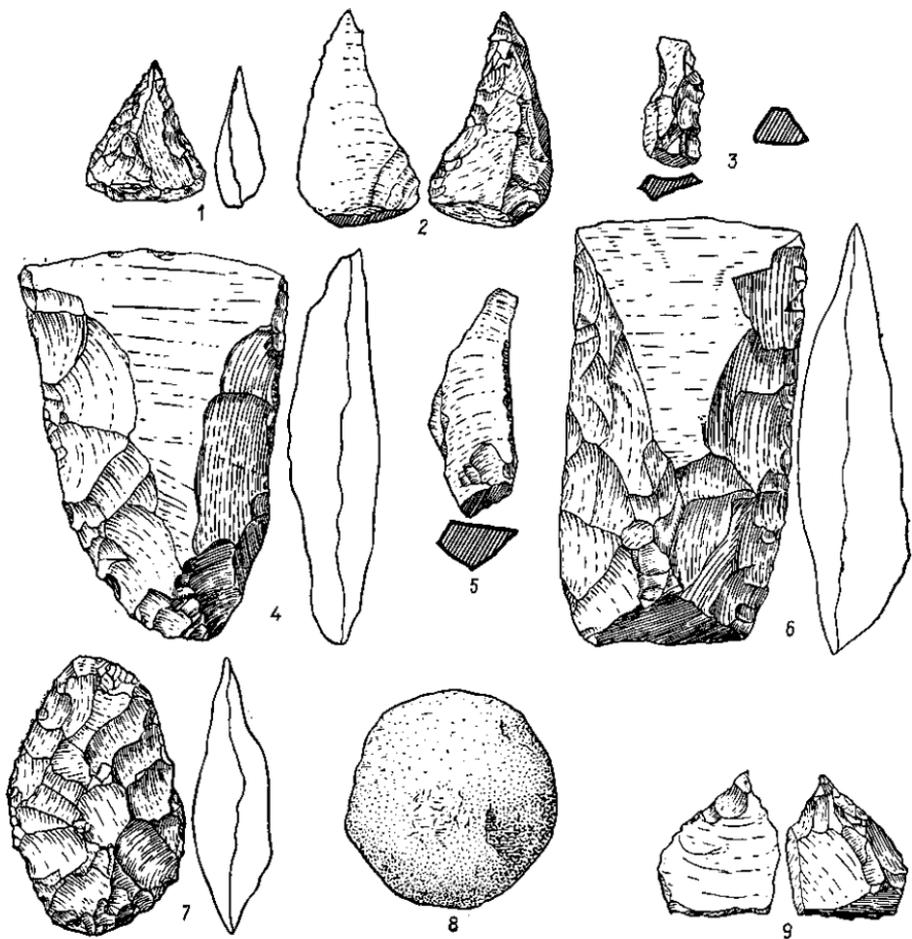
В Олдувайском ущелье ашельские стоянки (для которых, как указывалось, характерно преобладание рубил и кливеров) располагались вблизи водных источников и отложений гравия и одновременно в стороне от границ перемещавшихся плейас или подпочвенных пластов, появившихся на месте существовавшего здесь в прошлом постоянного соленого озера [109, с. 37]. Напротив, стоянки с олдувайским материалом находились на озерных отмелях поблизости от пресных ручьев, стекавших в озеро со склонов соседних вулканов. Это, возможно, указывает на существенное изменение в критериях выбора участков для стоянок, но, может быть, связано и с нуждой ашельского человека в каменных глыбах, от которых можно было откалывать крупные отщепы [129].

В Южной Африке смешанная по составу коллекция приблизительно из трехсот орудий развитого олдувая (ашеля) залежала в брекчии развития Штеркфонтейнской стоянки; она непосредственно прилежала к древнейшей брекчии, где были обна-

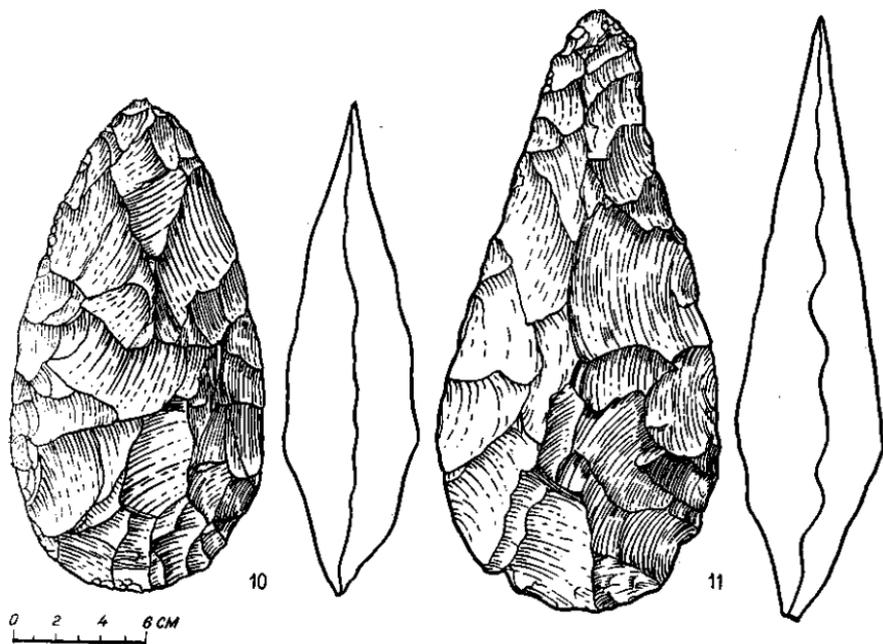
ружены ископаемые останки грациального австралопитека [206, с. 87—125]¹. Эта коллекция состояла из 287 артефактов и манупортов, причем орудия в основном были представлены чопперами с двусторонней обработкой и различными многогранниками; два орудия, возможно, следует отнести к рубилам. Наличие орудий не означает, что здесь существовала жилая стоянка, поскольку, за исключением семи отщепов, не было обнаружено следов обработки камня. Тем не менее они были принесены в известняковую пещеру для производственного использования; кварцитовые булыжники доставлялись с протекавшего неподалеку ручья Бלאубанк. Сопутствующие этим находкам зубы гоминид относились различными исследователями к грациальному австралопитеку и *Homo habilis* [242, с. 167—192]. Сходные орудия были найдены в брекчии вблизи пещеры Сварткранс; им сопутствовали ископаемые останки австралопитека массивного и фрагментарный костный материал, относящийся к *Homo erectus* [28, с. 88; 204, с. 3—13; 29, с. 378—384].

Другие, хотя и разрозненные коллекции нижнеашельского материала (стоянки Три Риверс и Клипплаатдриф) были обнаружены у слияния рек Клип и Вааль в Южной Африке, немного южнее тех мест, о которых только что упоминалось [171, с. 119—143]. Орудия здесь залежали в пластах речного гравия или над этими пластами, и многие из них потеряли первоначальный вид. Однако по составу эти коллекции идентичны материалу стоянок, описанных выше. Здесь встречаются рубила и часто орудия треугольной формы; сфероиды и чопперы и множество мелких скребковых орудий из отщепов. Обработка их осуществлялась при помощи каменного молота и наковальни; отщепы грубы и широки, а рубцы, оставшиеся на крупных рубящих орудиях, глубоки и рельефны. Как и для других нижнеашельских изделий, для этих рубил характерно минимальное количество следов скола — часто не более восьми или десяти; края их отличаются неправильной формой.

¹ В ходе недавних археологических исследований, в свалках, расположенных в непосредственной близости от основной стоянки и ее развития, было обнаружено свыше 2 тыс. предметов материальной культуры (около 100 из них в соединении с брекчией). Это свидетельствует о том, что при возобновлении раскопок «средней брекчии» можно ожидать еще больших результатов. Место, где на основной стоянке был найден череп Штеркфонтейн V, дает основания думать, что эта находка также залежала в «средней брекчии»

Коллекции орудий развитого олдувая (участок MNK II) [160, с. 440] и ашеля (участок SHK II) [149, с. 1099—1103, рис. 4] из Олдувайского ущелья включают также некоторые расщепленные и минимально обработанные фрагменты из кости и слоновой кости, но особенно интересным является отполированный с бороздками фрагмент теменной кости из развития Штеркфонтейнской стоянки; следы эти могли появиться исклю-

Верхнеашельские орудия со стоянки у водопада Каламбо, крупные — из кварцита, мелкие — из кремнистого известняка:

1 — скребок со сходящимися гранями; 2 — боковой скребок с вогнутым рабочим краем; 3 — боковой скребок с зазубренным рабочим краем; 4 — кливер с расходящимися гранями; 5 — нож из отщепы с подретушированным рабочим краем; 6 — кливер с параллельными гранями; 7 — овальное рубило; 8 — сфероид; 9 — шило или проколка; 10 — удлиненное овальное рубило; 11 — копьевидное рубило. Датировка: 60 тыс. лет назад и ранее

чительно в результате производственного использования [203, с. 583—585].

Ашельские стоянки, относящиеся к концу среднего плейстоцена, дают большее разнообразие ретушированных орудий и показывают заметное усовершенствование техники их обработки. При производстве рубил и кливеров теперь применяется так называемая техника «мягкого» удара (при которой вместо каменного используется отбойник из твердых пород дерева, из кости или оленьего рога). В результате откалываемые отщепы оказывались длиннее и тоньше и получаемое в конечном счете орудие обладало правильными формами. На это затрачивалось гораздо больше труда и умения, чем требовалось для изготовления простейших изделий. Большие рубящие орудия с тонкой

обработкой (рубилы и кливеры), о которых идет речь, возможно, представляют собой первое свидетельство появления у человека эстетического чувства, и, хотя общая для этих орудий форма непостоянна, они являются первыми в истории человека изделиями, «соответствующими стандартам» и изготовленными по установленным образцам. Дополнительным свидетельством более глубокого «осознания» человеком окружающего мира может служить наличие на одной из стоянок развитого олдувая (ВК II), в верхней части слоя II Олдувайского ущелья, кусочков красного красящего вещества — гематита [149, с. 1099].

Значительное усовершенствование техники ретуши рабочего края наблюдается у различных нижнеашельских типов скребковых орудий. Ретушь является, вероятно, результатом длительного использования рабочего края, обусловившего необходимость его подточки путем мелких сколов, а также более умелого обращения с самим орудием. Несмотря на то что на стоянках все еще встречается множество грубых многогранных сфероидов, последние приобретают все более совершенные формы. Неизвестно, служили ли они, как предполагалось, метательным оружием, но даже если их первоначальное назначение и не подразумевало использование в качестве молота, то свою форму тем не менее они обрели в результате именно такого рода деятельности. Возможно, указанные орудия применялись для толчения растительной пищи, а также для расщепления кости — сфероиды и кости животных встречаются рядом. Существенным представляется также и то, что обработка камня каменным отбойником, при помощи которого этим сфероидам придавалась (намеренно или нет) округлая форма, требовала определенного времени для того, чтобы орудия эти приобрели необходимую форму и уменьшились в размерах. Следовательно, можно заключить, что стоянки заселялись теперь более интенсивно и существовали более длительные промежутки времени или же что в течение длительного периода они подвергались сезонному заселению.

Образ жизни Homo erectus

Обратимся теперь непосредственно к самим стоянкам: где они располагаются и какова информация, которую они могут предоставить относительно образа жизни и состава населяющих их коллективов людей? Во-первых, сейчас известно намного больше стоянок этого (верхнеашельского) времени, чем какого

бы то ни было предыдущего периода; располагаются они в основном по берегам проток, вокруг озер и на морском побережье. Их обнаруживают в областях, ныне представляющих собой травянистые и смешанные саванны, а также пустыни и полупустыни; однако, как правило, они отсутствуют в лесных зонах. Большая часть этих стоянок находится в осушенных и травянистых саваннах, изобилующих водой и пастбищами, другими словами, там, где встречаются большие скопления живущих стадами крупных травоядных животных. Стоянки Сахары и прочих пустынных районов неизменно оказываются связанными с осадочными породами, указывающими на одновременное существование здесь в прошлом уэдов, ручьев, озер, болот между дюнами или неглубоко залегающих подпочвенных вод.

Иногда на весьма значительные сроки заселялись и пещеры, о чем свидетельствуют тридцатифутовые отложения в пещере Очагов в Северном Трансваале. Поздний ашель был, по-видимому, отмечен длительным и достаточно устойчивым периодом, когда климат был более влажным, чем в наше время. Поэтому представляется вероятным, хотя это еще не доказано, что ранние этапы ашеля совпали с чередовавшимися влажными и засушливыми стадиями.

О предельных размерах стоянок известно немного, так как вплоть до настоящего времени археологические раскопки в полном объеме были, как правило, затруднены необходимостью снятия мощных покрывающих пластов. Примером, однако, может служить по крайней мере один горизонт олдувайской культуры из Олдувайского ущелья (в нем были найдены останки зинджантропа), где жилой мусор — использованные каменные орудия и костные обломки — был сконцентрирован на участке площадью приблизительно 3000 кв. футов. Принимая за критерий недавнюю оценку потребности в площади у бушменов Центральной Калахари — около 140 кв. футов на человека, можно определить, что группа людей, населявших стоянку FLK I (где обнаружили зинджантропа), насчитывала примерно 20 человек или, возможно, чуть менее этого. Если, однако, считать критерием среднюю потребность в площади калифорнийских индейцев — 25 кв. футов на человека (дом) — и использовать эту цифру для определения числа людей, возможно населявших участок с повышенным содержанием камня и кости в центральной части стоянки FLK I (площадью приблизительно 21X15 футов), то число это составит от 10 до 12 человек [129]. Руководствуясь обоими этими критериями применительно к полной

позднеашельской коллекции из Олоргесаилие в кенийской рифтовой долине (DE/89, горизонт В), мы получим, основываясь на бушменском показателе, общее число около девяти человек; исходя из значительно меньшего показателя калифорнийских индейцев, общее число людей, обитавших на участке площадью около 1250 кв. футов, будет равно 50. Разумеется, при современном уровне знаний подобные оценки являются в высшей степени рискованными; они вместе с тем предполагают возможное увеличение общей численности людских коллективов.

Сейчас имеются также некоторые указания на то, что время от времени на стоянках, возможно, возводились какие-то сооружения. Для некоторых стоянок, как, например, в Олоргесаилие, характерна столь четко выраженная внешняя граница, что возникает предположение о существовании какого-то ограждения, хотя в то же время является общепризнанным, что механизм, обуславливающий естественное сосредоточение жилого мусора, до сих пор недостаточно изучен [128, с. 253—261; 126, с. 31—39]. Уложенные полукругом камни в одном из горизонтов культурного слоя стоянки у водопада Каламбо, возможно, служили основанием для ограды от ветра [120, с. 520]. Вне Африканского континента укажем на известняковые глыбы на стоянке Латамне в Сирии [58, с. 1—68], которые могут быть остатками более значительных сооружений. В результате недавних раскопок в Нисе (Терра-Амата) нижнеашельский каменный и костяной инвентарь был обнаружен на стоянках, располагавшихся в пределах овального участка площадью приблизительно 15X36 футов, по границам которого находились ямки от столбов и каменные блоки; внутри были обнаружены очаги [164, с. 42-50].

Интерес и известное недоумение вызывает такая особенность некоторых африканских стоянок, как скопление поблизости от предметов материальной культуры каменной забутовки. Забутовка эта сосредоточивается по большей части тем же образом, что и каменные орудия. В подобных случаях не вызывает сомнения, что камень для забутовки был доставлен на стоянку человеком, а не скопился здесь в результате действия каких-либо естественных факторов; к тому же забутовка встречается лишь в некоторых пластах культурного слоя. Высказывались предположения, что забутовка служила фундаментом оазового лагеря, располагавшегося на болотистой почве в целях защиты от хищников; предполагалось также, что она могла

использоваться для укрепления ограды или же в качестве метательных снарядов для отпугивания хищников и пожирателей падали.

Горизонт, давший стоянку зинджантропа в Олдувайском ущелье (FLK I), и скопление археологического материала в Олоргесаилие (DE/89, горизонт B) являются, по нашей терминологии, жилыми стоянками. Известны, однако, и другие типы стоянок этого периода, доказывающие, что *Homo erectus* был знаком с несколькими видами деятельности, о чем свидетельствует ряд разнообразных коллекций археологических орудий. К таким стоянкам относятся, во-первых, только что описанный стоянки, где деятельность человека шла в нескольких различных направлениях и где встречаются коллекции, в которых смешаны олдувайские и ашельские орудия, а наряду с ними и необработанные отщепы.

Во-вторых, к ним относятся стоянки, где орудия предназначались для разделки туш крупных животных. Таковы, например, стоянка Исимила в Танзании (песчаный горизонт 4) [119, с. 67] и один из нижних слоев Олоргесаилие (слой A основания, участок 1:3) [128, с. 259]. Здесь расчлененные и неполные скелеты гиппопотамов сопровождаются редкими крупными рубящими орудиями и небольшими коллекциями отщепов, лишь немногие из которых имеют следы незначительной обработки. Подобные орудия в сочетании с останками разделанных туш лучше известны по европейскому материалу, как, например, в Торральбе и Амбронне в Центральной Испании [121, с. 121—131]. В Амбронне эти орудия были обнаружены вместе с останками более чем двадцати слонов с прямыми бивнями; несомненно, что во всех этих случаях орудия были предназначены для разделки туш животных.

Некоторые стоянки содержат скопления крупных рубящих орудий в сочетании с большим или меньшим количеством мелкого инвентаря, но отличаются полным или почти полным отсутствием костей. Именно такая картина характерна для частично раскопанной жилой поверхности на стоянке в Мелка Контуре, в Эфиопии [46, с. 57—63], или же для находившейся близ воды стоянки Латамне, в Северной Сирии, где крупные рубящие орудия и мелкий инвентарь были обнаружены в сочетании с известняковыми глыбами. Последние, как уже говорилось, предполагают существование каких-либо сооружений: каждая из указанных стоянок содержала чрезвычайно незначительное количество костей.

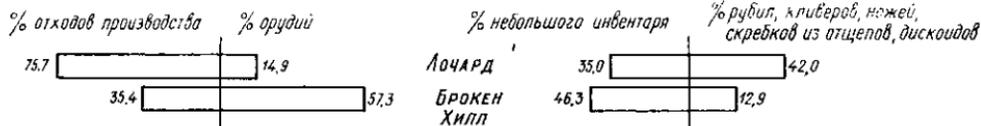
Другие коллекции археологического материала напоминают орудия развитого олдувая из слоя II Олдувайского ущелья. Для стоянок в слое III Олдувая (JK III) [137], в Олоргесаилие (слой В основания [LS I], L. H. S. — «Прогиб» [LSX I]) и в Брокен Хилл (Замбия) [53, с. 201—224] характерно множество мелкого инвентаря и небольшое количество крупных рубящих орудий, отличающихся грубой обработкой.

В то же время характерной чертой стоянок иного типа может, вероятно, служить множество крупных грубооббитых отщепов, бифасов с параллельными сторонами и остроконечников при отсутствии, как правило, тщательно отделанных рубил и кливеров. Подобные коллекции встречаются в периферийных районах бассейна Конго, в Северо-Восточной Анголе и в нижнем течении Конго. Они, возможно, являются показателями более плотного растительного покрова и большего количества осадков [59, с. 19—51].

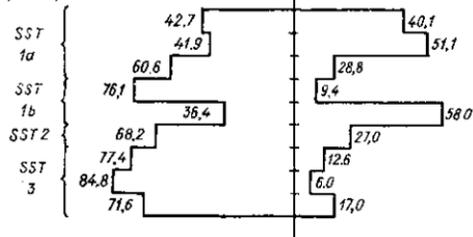
Среди прочих стоянок, кроме того, встречаются специальные «мастерские». Они были обнаружены на р. Вааль (Кэнтин Копи) [232, с. 70], в Трансваале (Вондербоомпурт) [171, с. 169—181], в Калахари (Накоп) [27, с. 22—25] и в Сахаре (Тазазмут) [22, с. 173—189]. Огромные или небольшие скопления производственных отходов залегают здесь поблизости от источников сырья — речных галек, обнажений пород или же каменных осей у основания какого-либо откоса.

Классификация состава каждого из этих трех или четырех основных видов археологических коллекций выявляет значительную степень разнообразия форм отдельных орудий. Об этом свидетельствует несколько последовательных ашельских слоев таких стоянок, как Исимила или у водопада Каламбо. Они также указывают на разнообразие характерных признаков больших рубящих орудий, которые в одном слое могут быть заостренными и длинными, а в последующем — овальными. Было высказано предположение, что подобное типологическое разнообразие, возможно, отражает характерные особенности различных групп или стад производителей орудий, существовавших как одновременно, так и в разные периоды.

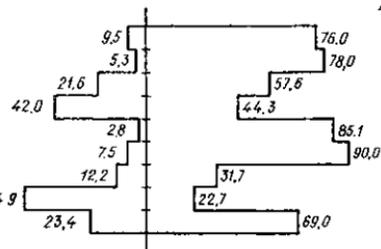
Вычислить, как долго стоянка была заселена, оказывается даже более трудным, чем попытаться определить примерное число обитавших на ней индивидов. В ряде случаев, например на стоянке у водопада Каламбо, тонкий слой песчаных отложений, отделяющий одно скопление орудий от другого, образовывался, вероятно, за один сезон. Однако там, где такие микро-

Стратиграфия

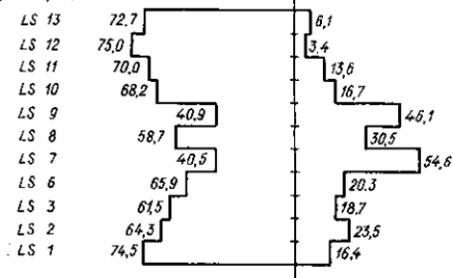
Исимила

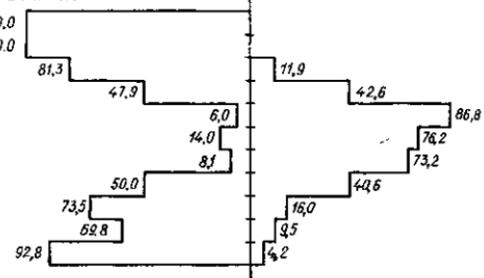
Жилые горизонты

- Верхний J6-J7
- N9-J8
- K14
- Нижний J6-J7
- K6
- J12
- Нижний N15
- Нижний K18 TR2
- K19

Стратиграфия

Олоргесаилие

Сравнительное распространение некоторых типов орудий в четырех верхнеашельских стоянках (в процентах). (По М. Р. Клайндинсту)

стратиграфические данные отсутствуют, проблема оказывается более сложной. В одном из слоев Олоргесаилие (DE/89), о котором шла речь выше, были обнаружены останки 65 гигантских бабуинов, кости которых были разбиты на мелкие куски, предположительно для извлечения костного мозга. Маловероятно, что все 65 бабуинов были убиты в течение одного сезона жизни на стоянке. Скорее всего такие стоянки, удобно расположенные вблизи от источников пищи и воды, регулярно посещались людьми на протяжении длительных периодов времени [128, с. 259].

Хадзапи, между прочим, охотятся на бабуинов ночью; они окружают места их ночевки и при помощи всего имеющегося под рукой оружия вынуждают их к бегству [271, с. 51].

Регулярные посещения стоянок на протяжении многих лет, возможно, объясняют происхождение больших скоплений костных останков слонов на позднеашельских стоянках Центральной Испании. Они также проясняют происхождение множества рубил и кливеров, обнаруженных на отлогой скалистой поверхности, ведущей к реке, на стоянке Пауэр на р. Вааль (близ Кимберли, Южная Африка) [232, с. 34, 69]². В Каламбо было обнаружено около семи расположенных друг над другом слоев жилого мусора; их разделяли песчаные и гравийные отложения. Подобная картина характерна и для других стоянок этого периода, находившихся либо под открытым небом, либо в пещерах,— это свидетельствует, что некоторые, особо благоприятно расположенные участки использовались на протяжении весьма длительного времени [61, с. 104—109, 172—174].

Множество больших рубящих орудий (их количество может достигать нескольких сотен, как это было на знаменитой стоянке Кэтвок в Олоргесаилие, где было обнаружено более 500 рубил и кливеров) предполагает либо заселение стоянки большими группами людей от случая к случаю, что, как мы видели, маловероятно, либо обитание и производство орудий в течение длительного периода. После освоения важнейшей техники «жесткой» и «мягкой» оббивки камня производство отщепов перестало быть трудоемким и утомительным. Поэтому вероятно, что в случае передвижения группы, когда охотники в силу необхо-

² Именем А. Дж. Пауэра названа стоянка в Пниль Эстетс; большая коллекция археологического материала из этой стоянки помещена в музей Мак-Грегора в Кимберли, директором которого был Пауэр.

димости должны были идти налегке, большую часть, если не весь набор, каменных орудий оставляли на стоянке. На стоянках с особо благоприятными условиями для жизни, куда население впоследствии возвращалось, эти орудия накапливались в течение многих лет и оказывались годными для повторного использования.

К сожалению, мы до сих пор не можем точно узнать, для чего предназначались многие из этих орудий. Мы в состоянии сейчас проследить связь между мелкими орудиями (ножами из отщепов, небольшими скребками и чоппингами) и разделкой мяса, однако большие рубящие орудия прямого отношения к потреблению мяса не имели [62, с. 390—411]. Кажется более вероятным, что они представляли собой универсальные орудия, использовавшиеся для добывания растительной и животной пищи, а не топоры для рубки мяса и резак для отделения мяса от костей крупных животных, как предполагалось ранее. Поэтому эти орудия могли переноситься для использования в другом месте. Растительные материалы редко сохраняются на ранних стоянках, однако собирательство, вероятно, всегда было важным и, более того, основным источником питания: в Каламбо на ашельских стоянках были обнаружены разнообразные съедобные фрукты, семена и орехи.

Подобным образом невозможно точно определить, насколько велика была площадь, на которой охотились ашельцы. Весьма приблизительная оценка может быть получена в результате обнаружения ближайшего источника специфического для данной ашельской стоянки сырья. Установленные величины обычно варьируются между 3—5 и 40 мильми. Таким образом, для периодов, представленных слоями I и II Олдувайского ущелья, мы получаем пространство площадью немного менее 20 кв. миль и для позднеашельских стоянок Европы и Африки — от 50 до 1200 кв. миль. Максимальная цифра принадлежит прибрежной стоянке в Лочарде (Родезия) [26, с. 55—60].

Судя по множеству встречающихся на стоянках костей крупных и средних животных, мясо к этому времени прочно вошло в рацион. Часть потребляемой мясной пищи, несомненно, составляла падаль, но основная ее масса, вероятно, поступала в результате появления новых, более эффективных методов охоты. На двух европейских стоянках среднего плейстоцена — Клэктон (Англия) и Леринген (Северная Германия) — обнаружены деревянные копы с примитивными наконечниками, и было бы логично предположить, что копы в это время использовались

и в Африке. Наиболее эффективным способом нападения и защиты было метание камней, и на стоянках, как мы видели, встречается большое количество собранных необработанных камней.

За исключением самого последнего времени, на ашельских стоянках Африки не было обнаружено следов использования огня. Такие следы нашли на нескольких стоянках начала среднего плейстоцена в Европе и Азии, а также в более холодных районах северных широт — Торральба, Амбрана, Хоксна и др. [189, с. 36—48]. Наиболее вероятно, что такой исключительно важный источник тепла и энергии сходным образом использовался и в тропиках, однако оставшиеся древесные угли, по всей видимости, разрушались и рассеивались почвенной фауной и поэтому не сохранились.

Притягивающее действие, которое прирученный огонь имеет для многих животных и птиц, а также его преимущества, что было очевидным для *Homo erectus* (если не для австралопитека), должно быть, рано обусловили возможность экспериментирования с огнем — использование его для самозащиты, для изготовления орудий и, возможно, для охоты. Охотясь, люди поджигали травы и гнали дичь, как это было, например, в Торральбе. Суть этого способа охоты состоит не только в отпугивающем действии огня, но также и в ослепляющем действии дыма, которое как раз и обуславливало получение добычи [13, с. 100—101]. Выдвинутая недавно гипотеза о том, что человек, возможно, ответствен за вымирание некоторых видов фауны раннего плейстоцена, которое происходило при разрушении среды их обитания и источников питания в результате постоянного неконтролируемого использования огня, представляется более приемлемой, чем предположение об истреблении человеком этих животных при помощи обычного ручного орудия.

По сравнению с олдувайскими ашельские стоянки, возможно, отличались большим разнообразием фауны, а также большим скоплением останков животных крупных и средних размеров. Разделка туш крупных животных происходила на месте их гибели, что все еще часто практикуется бушменами. Анализ костного мусора на этих ашельских стоянках дает возможность предположить, что мелкие животные обычно разрывались на куски, частично съедались на месте, частично относились на стоянку, как это делают ныне бушмены и хадзапи. Это позволяет объяснить наличие фрагментарных останков отдельных животных среди кухонных отходов. Масштабы охотничьей дея-

тельности — множество останков разделанных *Pelorovis*³ и *Libytherium*⁴ на участке ВК II в верхней части слоя II Олдувайского ущелья [149, с. 1099—1100], гигантских бабуинов в Олоргесаиле и слонов на стоянках Испании — указывают на возможность существования какого-то более высокоорганизованного, чем прежде, вида коллективной охоты. Достигая таких форм коллективная охота в сочетании с высоким мастерством техники скола и ретуши (о чем свидетельствует каменный инвентарь) подразумевают более развитую форму коммуникации по сравнению с существовавшей у человекообразных обезьян. Предполагается также, что овладение подобными навыками в изготовлении орудий могло произойти лишь при возможности общения, т. е. появлении речи.

Овладение речью означает определенные видоизменения мышц рта, влекущие за собой уменьшение нижней челюсти, и скоординированное использование гортани, языка и губ для правильной артикуляции. В то же время, как сказал Бернард Кэмпбел, «речь... есть нечто большее, чем соединение звуков. Она представляет собой процесс кодирования мысли в серии регулярных и связанных между собой звуков, и кодирование это происходит в коре головного мозга» [39, с. 311]. Поскольку объем человеческого мозга начинает особенно резко возрастать в среднем плейстоцене, представляется вероятным, что именно в это время участки коры головного мозга, контролирующие речь, — передний, задний и теменной — подвергались генетическому отбору для возникновения речи как средства коммуникации.

Предметы материальной культуры, однако, дают основания предполагать, что если человек среднего плейстоцена в действительности обладал способностью говорить, то язык этот, несомненно, отличался меньшей выразительностью по сравнению с языком, на котором разговариваем мы. В то время как охота и порождаемое ею возбуждение, возможно, были одним из стимулов к употреблению речи, эффективная охота, по крайней мере на своем начальном этапе, без сомнения, могла осуществляться при минимальном использовании звуков охотниками. Дикие собаки, гиены и львы мало пользуются звуковым общением; и хотя шимпанзе в процессе охоты используют много звуков, для успешной охоты человека среднего плейстоцена вовсе не обязательно, чтобы его способность к общению была развита

³ Дикие козлы — бараны (лат.)

⁴ Жирафы (лат.)

намного больше, чем у австралолитековых или у шимпанзе. Однако, исходя из увеличения объема мозга и овладения мастерством обработки камня техникой скола, а также на основе постоянно расширяющейся сферы деятельности человека, на которую указывают разнообразные компоненты орудий того времени, можно с уверенностью утверждать, что у человека существовала эта способность к общению.

Одной из наиболее разительных особенностей материальной культуры среднего плейстоцена является всеобщее «единообразие», которое наблюдается в каменных орудиях. Всеобъемлющее сходство между коллекциями предметов материальной культуры ашеля и развитого олдувая, вне зависимости от их местоположения, позволяет сделать вывод о едином образе жизни. Характерные особенности и различная распространенность отдельных типов орудий, как мы уже убедились, вполне очевидны. Однако здесь нигде не существует той основной региональной специализации, которая характерна для орудий верхнего плейстоцена. Рубила из Европы, Южной Африки и с Индостанского полуострова являются, по существу, однотипными орудиями, и это также относится к остальному крупному и мелкому инвентарю. Вместе с тем отмеченное единообразие каменных орудий дает возможность предположить, что, хотя период обучения, необходимый для приобретения опыта в их изготовлении, очевидно, затянулся, некоторые из нужных для этого навыков были получены путем наблюдения, эксперимента и подражания, а не путем непосредственного обучения. В то же время степень «стандартизации», например, рубил и кливеров говорит по меньшей мере в пользу ограниченного обучения и, таким образом, возможно, в пользу каких-то рудиментарных форм речи.

Следовательно, если широкое распространение стоянок в Старом свете указывает на способность человека среднего плейстоцена приспосабливаться к самым различным экологическим условиям, то отсутствие региональной специализации и всеобщая стандартизация каменных орудий предполагают универсальную модель образа жизни, который для всех заселенных районов земного шара характеризовался единым уровнем производительности. Чрезвычайно замедленные темпы эволюции материальной культуры за более чем полмиллиона лет и ограниченная сфера деятельности человека, о которой свидетельствуют различные комплекты каменных орудий, а также культурный фон, на котором эти орудия обнаруживаются, указы-

вают на то, что, используя широкий круг природных ресурсов, *Homo erectus* обладал очень низкой производительностью и минимальной способностью к специализации.

Несмотря на замедленные темпы эволюции материальной культуры в среднем плейстоцене, это был постоянный и убыстряющийся процесс, и ко времени завершения ашельского периода человек, судя по некоторым данным, достиг социальной стабильности и интеллектуальных способностей, которые обеспечили ему более быстрое развитие в самых различных направлениях и прочно утвердили его на пороге нового мира.

Глава IV

ПОЯВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННОГО ФИЗИЧЕСКОГО ТИПА

Климатические изменения начала верхнего плейстоцена

Около 70 тысяч лет назад во всем мире произошло понижение температуры, которое положило начало последнему оледенению. Континентальные ледниковые покровы вновь подошли к северным широтам Европы и Америки. Двадцать тысяч лет спустя климат тропических и субтропических районов был уже на 5—6 градусов (по Цельсию) ниже, чем сейчас, и некоторые данные указывают на повышенное выпадение здесь осадков и больший привнос поверхностных вод.

В это время северные и южные районы Африки, ныне представляющие собой пустыню, превратились в привлекательный для человека, пригодный для его расселения край. С одной стороны, это объясняется распространением в юго-западном направлении средиземноморской растительности, отступавшей вследствие движения авангардных полярных льдов, с другой — распространением к северу, в Калахари и Намиб, растительности, типичной для областей Капской и Кару, что было обусловлено наступлением антарктического ледяного покрова [13].

В то же время ледники восточноафриканских гор заняли области, расположенные на три тысячи футов ниже их современного распространения, и восточная часть континента к югу от Сахары, похоже, оказалась в зоне повсеместного, хотя и умеренного, повышения уровня осадков. Пониженная температура и сократившееся испарение явились благоприятным фактором для распространения вечнозеленой горной растительности с характерными для нее видами фауны на менее возвышенные районы и на заселенные человеком области внутренних плато, покрытых саваннами и кое-где реликтовыми лесами. На

этих плато смешивались равнинные и высокогорные виды фауны [66; 145, стр. 46-47].

Вместе с тем в западной части субконтинента осушающие субтропические антициклоны и ветры, дующие с холодного течения Бенгела, которое омывает западное побережье, распространились под влиянием продвинутого к северу антарктического ледяного покрова в северном направлении и теперь оказывают воздействие на экваториальные области. Осушающее действие этих ветров, достигшее к рассматриваемому времени глубинных районов бассейна Конго и Западной Африки, вызвало повсеместное отступление тропических лесов. На смену им пришли сухие лесостепи и травянистые саванны, если только немногие имеющиеся в нашем распоряжении данные пыльцевого анализа верно отражают типичные условия того времени [12, с. 213—217].

Рассматриваемый период отмечен также понижением уровня моря во всех районах земного шара на 250—300 футов по сравнению с современным уровнем. Это было вызвано скоплением громадных масс воды в ледниковых массивах. Отступление моря достигло своего апогея около 20 тысяч лет назад, и в ряде случаев это привело к заселению человеком значительных областей континентального шельфа.

Период похолодания, с промежуточными колебаниями в сторону потепления, продолжался вплоть до 10—12 тысяч лет назад, когда температура начала постепенно подниматься и климат стал более влажным. Такое положение и продолжается с минимальными изменениями до настоящего времени.

Завершение длительной последовательности ашельских слоев Олдувайского ущелья совпадает во времени с климатическими условиями, почти напоминающими пустыню. На это указывает расположение данных слоев под мощными наносными отложениями туфа или вулканической пыли. К концу развитого ашеля долина р. Вааль в Южной Африке оказалась заполненной большими массами затверделого песка, а в бассейне Конго объем воды в реках и протоках был ниже, чем в настоящее время. В Северо-Западной Африке также была обнаружена по меньшей мере одна стоянка (Сиди Зин), где развита ашельская традиция крупных рубящих орудий совпала во времени с истощающимися водными ресурсами. Радиоуглеродные датировки материала из Каламбо дают основания предполагать, что позднеашельский период кончился между 60 и 50 тысячами лет назад.

Отмеченная тенденция к образованию пустынь в верхнем плейстоцене явилась, вероятно, первым результатом общего понижения температуры и сопутствующего ему сильного влияния воздушных потоков: уже к периоду 60 тысяч лет назад для Северной Африки (Хауа Фтеах), областей Средиземноморского бассейна и Тропической Африки (водопад Каламбо) были типичны, согласно некоторым данным, более влажные и прохладные климатические условия. По приблизительным подсчетам, этот переход от теплого влажного среднего плейстоцена к влажному и прохладному верхнему плейстоцену занял около 10 тысяч лет или немного меньше. Вторичное становление основных поясов растительности с типичной для них фауной, обусловленное этими климатическими изменениями, очевидно, должно было оказать существенное влияние на продвижение и распространение людей в рассматриваемых регионах.

*Новые типы окружающей среды и новые
археологические культуры*

Приблизительно в это время в археологической летописи Африки появляются также первые свидетельства существования различных видов *Homo sapiens*. Как мы уже видели, *Homo erectus* обитал преимущественно в условиях травянистых саванн, где развивались раннеашельская и развитая олдувайская культуры. *Homo erectus* связан с этими культурами в Восточной и Северо-Западной Африке. Возможно, ему принадлежат и стоянки позднего ашеля, датируемые концом среднего плейстоцена. С приходом *Homo sapiens*, однако, впервые появляются данные о систематическом заселении экваториальных лесов, с одной стороны, и районов, ныне представляющих собой пустыни и полупустыни Африканского рога и Северо-Западной Африки,— с другой. Этим временем датируются наиболее древние свидетельства длительного заселения таких районов, как леса Конго, Сомали и нубийская часть долины Нила. Это отнюдь не означает, что здесь нигде не было стоянок более раннего времени. Известно несколько таких стоянок; в основном периферийные, они подчеркивают непрерывность заселения лесных и пустынных районов в предшествующий период [57, карта 5, оборот 12, 13].

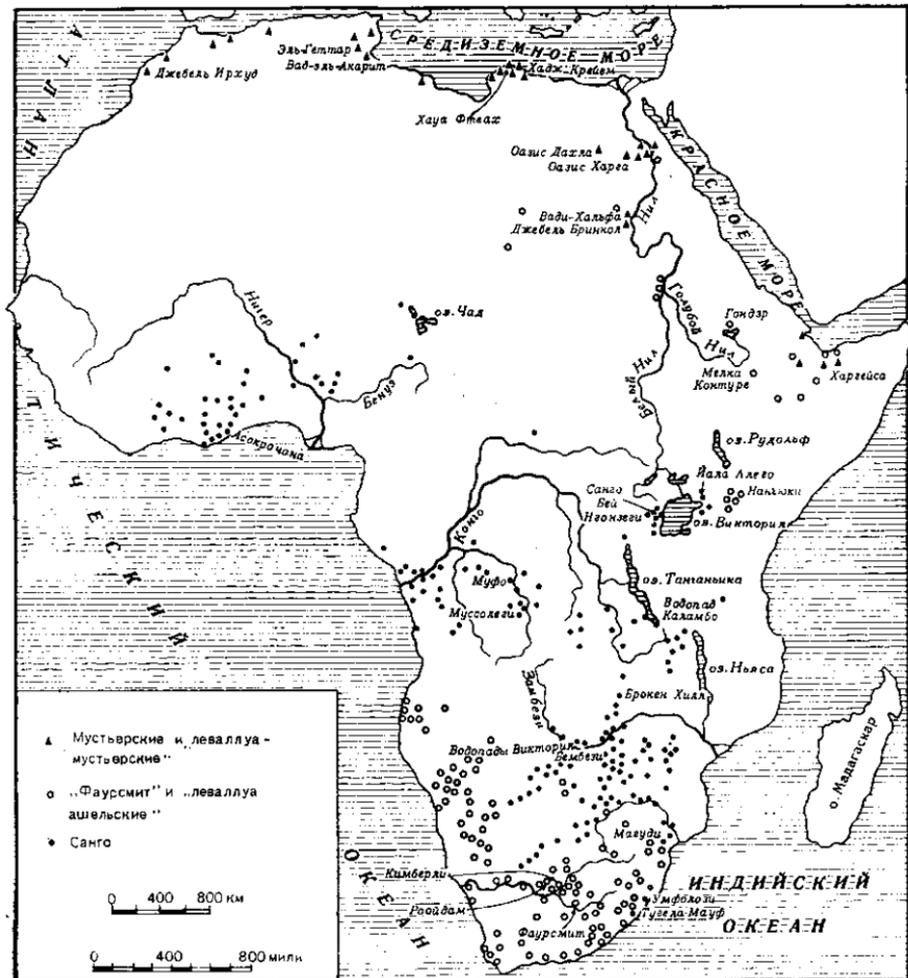
Не подлежит сомнению, что происшедшие в начале верхнего плейстоцена изменения климата и природной среды оказали важное влияние на выбор человеком новых областей обитания. Вместе с тем столь же очевидно, что не только эти процессы

обеспечили дальнейшее расселение человека. В этот период умственные и производственные способности человека быстро эволюционировали. При отсутствии интеллекта, достаточного для осознания потенциальных возможностей использования новой окружающей среды, а также без производственных способностей и навыков, для этого необходимых, успешное приспособление человека к новым условиям оказалось бы замедленным. Быстрая эволюция каменных орудий, которой характеризовался период между 60 и 35 тысячами лет назад, имеет огромное значение для определения уровня умственных и трудовых способностей человека этого времени. Каменные орудия свидетельствуют, что в течение 25 тысяч лет не только наметилась региональная специализация, но также быстро увеличилось число имеющих тенденцию к изменению типов каменного инвентаря в пределах отдельных регионов. Для этого периода характерно и увеличение числа стандартизированных форм орудий. Скорость, с которой шли эти изменения,— в течение периода, названного «первым межледниковым»,— резко контрастирует с чрезвычайно медленным развитием ашельской традиции за предшествующие полмиллиона лет.

Карты, иллюстрирующие распространение человека на континенте, свидетельствуют о явном увеличении числа стоянок. К началу так называемого «среднего каменного века» (около 35 тысяч лет назад) в Африке, за исключением глубинных районов влажных лесов, почти не осталось экологических ниш, не занятых человеком. Такое быстрое увеличение числа стоянок и региональная специализация, ставшая к этому времени очевидной, могут быть истолкованы как показатели быстрого и в то же время повсеместного увеличения человеческого населения континента. Рост населения был обусловлен умением человека более основательно эксплуатировать природные ресурсы в самых разнообразных экологических условиях, в которых он мог теперь существовать.

Африка не представляет собой исключения, и период, в течение которого здесь завершился процесс изменения материальной культуры, был не более и не менее длительным, чем в других частях населенного людьми мира, хотя типы орудий, претерпевшие эти изменения, имеют существенные различия.

Начиная с 60 тысяч лет назад ашельская традиция крупных рубящих орудий прослеживается в модифицированном виде лишь в тех частях континента (в Восточной и Южной Африке), где, как доказано, сохранились экологические усло-

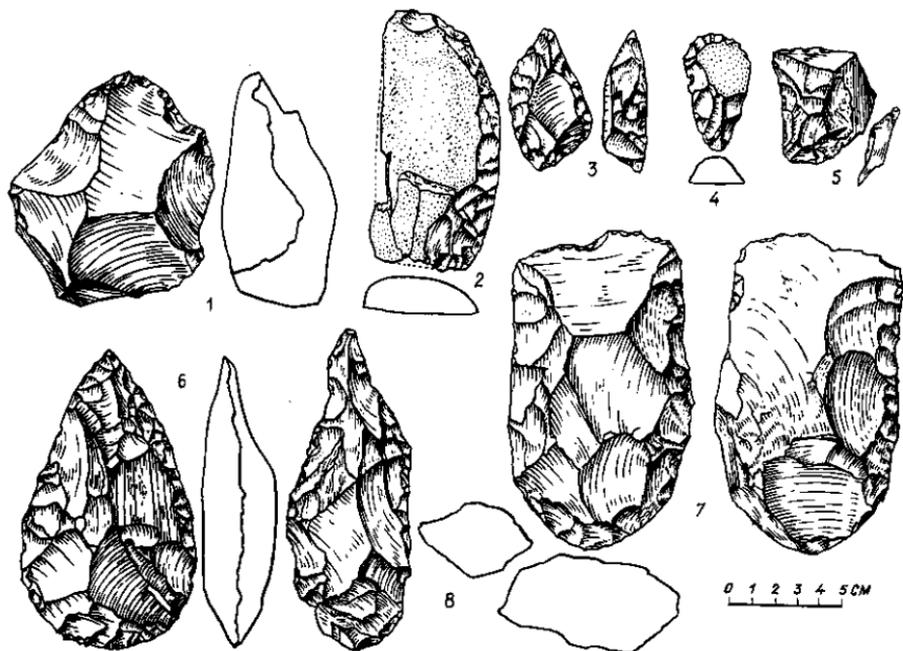
Распространение стоянок мустье, «фаурсмит» и санго [57]

вия, к которым она в течение столь длительного времени была приспособлена. В других районах эта традиция претерпела быструю эволюцию. В то же время, если наиболее древние типы орудий на впервые заселенных территориях явно относятся к ашельскому культурному комплексу, они тем не менее предстают здесь уже в несколько модифицированном виде и впоследствии быстро вытесняются.

Эта развитая ашельская традиция крупных рубящих орудий, иногда фигурирующая под названием «фаурсмит», по имени города в основной зоне их распространения в Оранжевом свободном государстве [100, с. 71—94]¹, прослеживается в областях внутренних плато, покрытых ныне саванной или степной растительностью. Орудия типа фаурсмит продолжали изготавливаться группами, обитавшими в горных травянистых долинах Басутоленда или на высокогорных плато Кении и Эфиопии, а также другими группами, занимавшими акациевые саванны и засушливые степи Кару и Высокого Велда или песчаниковые и каменистые парковые долины Африканского рога и Нубии. Поскольку типология орудий отражает род деятельности населения, можно предположить, что эти коллективы людей использовали те же виды растительных и фаунных ресурсов, что и предшествовавшее им ашельское население, причем эксплуатация эта велась также традиционными способами.

Помимо рубил и кливеров, которые теперь часто характеризуются небольшими размерами, встречается множество ретушированных скребковых орудий, сделанных из отщепов. Последние, как правило, окалывались с уже обработанных ядрищ, в результате чего получались либо тонкие широкие отщепы типа леваллуа, либо длинные отщепы типа ножевидных пластин. Подобно археологическому материалу среднего плейстоцена, большая часть этих коллекций встречается на открытых стоянках, расположенных рядом с водой, но некоторые из них обнаруживаются в пещерах, превратившихся к тому времени в места постоянного обитания. В пещере Очагов в Трансваале, например, слои развитого ашеля залегали во всю толщу тридцатифутовых отложений [171, с. 159—169, 181—184]. В пещере Монтагью (Капская область) [135] было обнаружено сходное, хотя и менее значительное скопле-

¹ До настоящего времени не существует точного определения фаурсмитского материала из изолированной стоянки типового района.

Орудия фаурсмитской культуры из Роойдам, близ Кимберли (север Капской провинции). Орудия найдены в древних подпочвенных отложениях, перекрытых пятифутовой толщей известняка.

1 — нуклеус с радиальными сколами; 2 — боковой скребок; 3 — скребок со сходящимися рабочими краями; 4 — боковой-концевой скребок; 5 — боковой скребок с вогнутым рабочим краем; 6, 8 — рубила; 7 — кливер. 7 — диабаз, прочие — глинистый сланец

ние жилого мусора; здесь оказалось возможным проследить изменения в типах орудий и в составе их наборов по отдельным слоям.

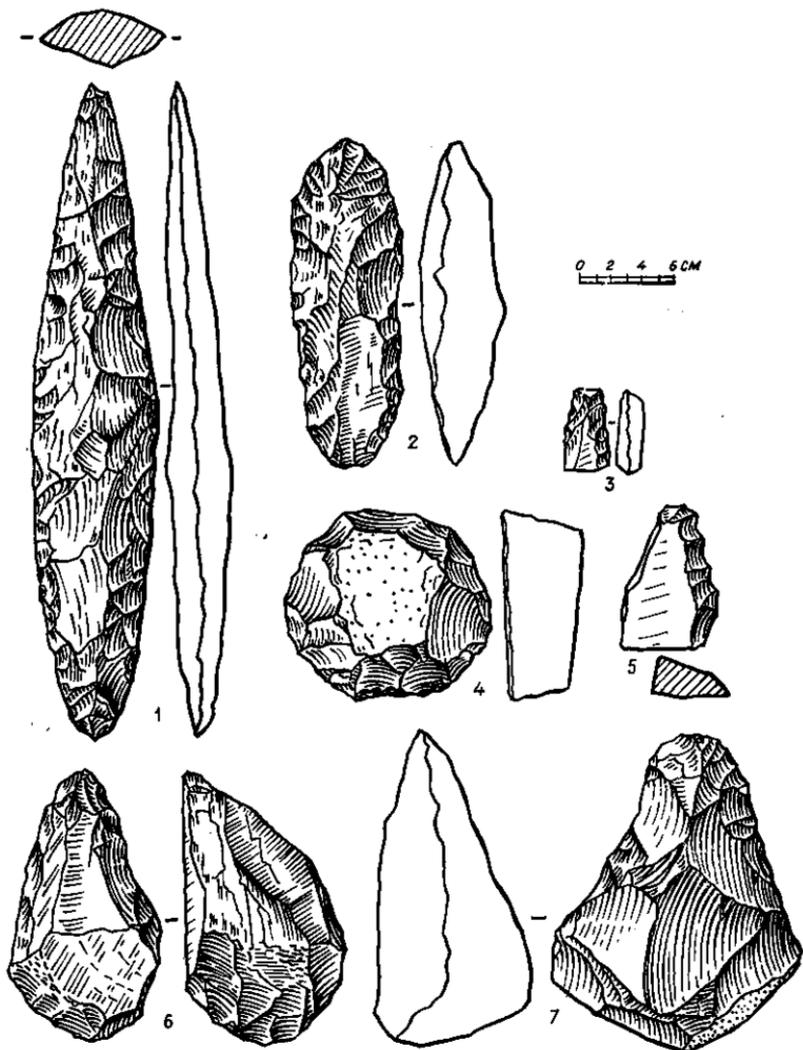
В тех районах к югу от Сахары, где климатические условия благоприятствовали распространению локальных типов растительности, например в редколесье, лесах и мозаике леса, саванны и лугов, крупные рубящие орудия быстро вытеснялись множеством скребковых и рубящих орудий небольших размеров.

Не исчезли, однако, и некоторые крупные виды орудий, а именно скребковые формы с круто сколотым рабочим краем и грубооббитые орудия типа кирки. Последние, несмотря на сходство с ранними ашельскими рубилами, представляют со-

бой орудия, существенно отличающиеся от рубил и кливеров; они получили название «нуклевидные рубила». Не вызывает сомнения, что они предназначались для работы рукой; нуклевидные рубила часто оббивались таким образом, что боковые лезвия сходились в наиболее удаленном от центра орудия закруглении. Пятка оставалась обычно необработанной, и, поскольку орудия нередко изготовлялись из булыжников, сохранявшийся верхний слой обеспечивал гладкую поверхность, удобную для захвата рукой, а также необходимый орудию вес. Противоположный пятке конец орудия часто носит следы использования— толчения, долбления, а иногда подточки, что является результатом обработки достаточно твердого (однако все же мягче камня) материала [56, с. 309—323]. С описанным орудием во многих случаях соседствуют кирки с параллельными или сходящимися лезвиями. Среди мелкого скребкового инвентаря весьма часто встречаются орудия с зазубренными и вогнутыми лезвиями.

Первоначально исследователи истолковывали этот очевидный возврат к грубой обработке каменных орудий как вырождение технологических навыков и соответственно интеллекта изготовителей этих орудий. Новейшие данные эволюционной теории, однако, не поддерживают подобное толкование, и, действительно, о технических способностях и интеллекте человека невозможно судить лишь по предметам материальной культуры. Если же это инвентарь мастера, изготовлявшего иные орудия— не из камня, а из материала, который не сохранился до нынешнего времени (это, по всей вероятности, было дерево),— то кажется весьма очевидным, что орудия этой культуры— она получила название «санго»— не свидетельствуют об упадке технологических навыков. Они скорее говорят о движении вперед, об использовании более широкого круга материалов, причем материалы эти применялись теперь регулярно, чем когда бы то ни было в прошлом.

В некоторых областях, а именно в Конго, у оз. Виктория и, по меньшей мере, в нескольких районах бассейна оз. Танганьика, теперь впервые появляется новый вид орудия. Это длинный копьеобразный остроконечник с двусторонней ретушью. Несомненно, ретушь была слишком тонка, чтобы орудие могло быть частью инвентаря плотника-непрофессионала; более того, оно само по себе представляло уже конечный продукт развития указанной формы. Большое количество таких орудий встречается позже с материалом местного «среднего

Орудия культуры санго—нижний лупембе из бассейна Кочго (1, 2, 4, 6):

1 — копьевидное орудие; 2 — нуклеидное рубило; 4 — нуклеидный скребок из Камафуфо (Северо-Восточная Ангола); 6 — кирка из Муссолеги. Полиморфный песчаник и кварц. Датировка — свыше 36 тыс. лет до н. э.

Орудия санго со стоянки у водопада Каламбо (3, 5, 7):

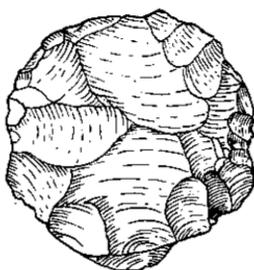
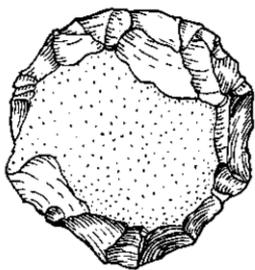
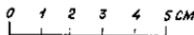
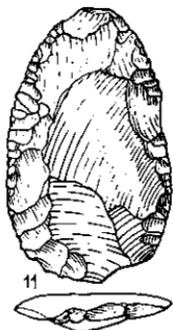
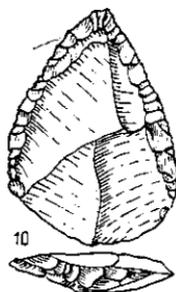
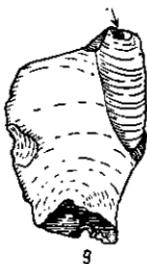
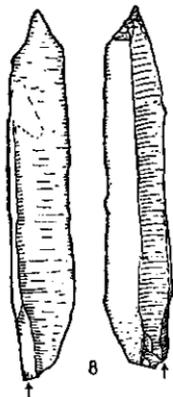
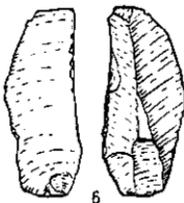
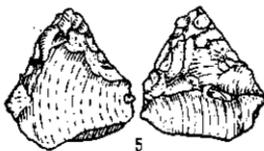
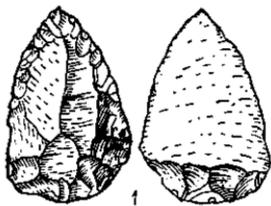
3 — скребок с двумя зазубренными рабочими краями; 5 — боковой скребок с выемкой у рабочего края; 7 — нуклеидное рубило. Охристые песчаниковые образования, стоянка В 2/59. 3 и 5 — кремнистый известняк; 7 — кварцит. Датировки: 38 600 — 44 150 лет до н. э. [56]

каменного века» — культуры лупембе (в бассейне Конго). Это один из наиболее прекрасных образцов искусства палеолитических мастеров. Эти остроконечники явно связаны с особым родом или родами деятельности, о которых речь пойдет ниже.

Специализированные виды орудий санго распространяются на север не далее 15-й параллели, что точно совпадает с северной границей современного суданского пояса. Мы, однако, не обладаем надежными данными о том, насколько была заселена Сахара между концом ашеля и появлением более развитого атера — эквивалента субсахарских культур «среднего каменного века», поскольку известно очень немного стоянок этого времени.

Северная Африка имеет наибольшее количество общих черт с бассейном Средиземного моря в целом, и здесь появляются культуры, принадлежащие к мустьерской традиции. Известны минимум три местных варианта этой традиции: один (или более) из Нубии — как с бифасами, так и без них [107, с. 148—193; 169, с. 194—314], из Киренаики [177, с. 105—134] и из Магриба [98, с. 271—307; 17, с. 43—58]. Указанные варианты отличаются разными способами техники скола: леваллуа и обработкой дисковидных нуклеусов. Доминирует техника леваллуа, поэтому эти североафриканские археологические местонахождения называются иногда «леваллуа-мустьерскими». Весь этот, по существу, мелкий инвентарь состоит из множества стандартизированных скребковых и остроконечниковых форм и ножей из отщепов. Орудия демонстрируют лишь минимальное типологическое разнообразие, встречаются поврежденные лезвия.

Мустьерская культура прослежена в одной из наиболее крупных и впечатляющих стоянок Северной Африки: в пещере Хауа Фтеах был обнаружен 45-футовый культурный слой, состоящий из отложений жилого мусора и золы очагов. Мощный слой мустье залегает над слоями культуры с удлиненными ножевидными пластинами и схожими с ними отщепами. Мустье датируется здесь как минимум 49—40 тысячами лет. Несколько стоянок известно на побережье Алжира, где пещеры, образовавшиеся в результате повышения уровня моря в последний межледниковый период, были заселены группами мустьерских охотников. В Магрибе мустье прослеживается от Сахары вплоть до Атлантического побережья Марокко. Мустьерские люди часто посещали источник Эль-Геттар в Южном Тунисе, где многочисленные фрагменты костей животных сви-

детельствуют об их богатых охотничьих трофеях. В одном из горизонтов этой стоянки была обнаружена груда камней сферической формы; нескольким из них эта форма была придана преднамеренно. Неизвестно, однако, использовались ли эти камни в качестве метательных снарядов для охоты или же служили пестами, которыми толкли продукты собирательства [106, с. 1—79].

Особый интерес представляет пещера в Марокко — Джебель Ирхуд. Она, подобно пещере Хауа Фтеах, была, возможно, заселена в течение длительного времени, так как здесь имеется мощный культурный слой, содержащий множество предметов материальной культуры и костей животных, а также очаги и два человеческих черепа [84, с. 49—62; 17, с. 137—146]. Достигнув рубежей Сахары, мустьерская традиция, похоже, внезапно исчезает: до сих пор здесь не было обнаружено достаточно надежного археологического материала этого периода.

Указанные мустьерские коллекции представляют уже вполне развитую археологическую традицию, и в настоящее время в нашем распоряжении имеется мало доказательств ее появления в Северной Африке в результате эволюции ашельских орудий. Это дает возможность предполагать, что мустьерская традиция появилась в этих районах либо в результате диффузии, либо была принесена мигрантами с другого континента. Вариант из Киренаики имеет много общих черт с вариантом из Палестины, однако оба они отличаются от нубийского варианта, для которого типично большое число зазубренных орудий, а также от магрибского варианта, который, в свою очередь, демонстрирует своеобразную региональную специфику. В это время в Северной Африке появляются некоторые евро-азиатские виды животных — медведь, европейский носорог и олень — и с ними, возможно, появляется неандертальский человек, производитель мустьерских орудий.

Мустьерские и «преориньяжские» ливийские орудия (времень).

1—4 — мустьерские орудия из Джебель Ирхуд (Марокко); 1—2 — остроконечники с односторонней обработкой (один с подретушированным основанием); 3 — скребок с двумя боковыми рабочими краями; 4 — скребок со сходящимися рабочими краями [17]; 5—9 — «преориньяжские» орудия из Хауа Фтеах (Киренаика), слои 69—176: 5 — отщеп, полученный при ретуши рубила; 6, 7 — ножевидные пластины со спинкой, со следами использования; 8 — шило-резец; 9 — проторезец [177]; 10—13 — мустьерские орудия из Хадж Крелем (Киренаика); 10 — остроконечник; 11 — боковой скребок с двумя рабочими краями; 13 — боковой скребок, изготовленный из отщеп леваллуа; 12 — дисковидный нуклеус [176]. Ливийский «преориньяк» представляет раннюю традицию изготовления ножевидных пластин, родственную джабрудской и амудской культурам Леванта и схожую с ними; на смену ему приходят мустьерские культуры

В этот период мы можем впервые для Африки выделить несколько культур, различающихся региональной спецификой. Они развивались одновременно в рамках следующих археологических традиций: санго, мустье и фаурсмит. Появление этих культур следует рассматривать как результат минимально специализированного приспособления человека к широкому кругу типов окружающей среды. Каждый из локальных вариантов может быть связан с деятельностью *Homo sapiens Neandertalensis* или его ближайшего родственника из более южных районов Африки — *Homo sapiens Rhodesiensis*.

Наиболее древние ископаемые останки, отождествленные с *Homo sapiens*, были обнаружены в европейских отложениях конца среднего плейстоцена — в Штейнгейме (Германия) и Сванскомбе (Англия), где фрагментам черепа сопутствовали орудия среднего ашея. Эти останки датируются концом среднего плейстоцена, вероятно, между 200 и 150 тысячами лет назад. Имеются также менее древние ископаемые останки из Франции. Хронологически останки *Homo sapiens* отстоят от известных нам останков *Homo erectus* на значительный период времени, и представляется очевидным, что к появлению ранних сапиентных форм привели эволюционные изменения конца среднего плейстоцена. Для последних характерен увеличившийся (приблизительно с 1100 до 1300 куб. см) объем мозга, близкий к объему мозга современного человека. В то же время лицо и массивные надбровные дуги остаются типичными для *Homo erectus*, хотя и в несколько смягченном виде. В настоящее время мы не можем сказать, представляли ли эти изменения основную линию развития человека, или же они ограничивались более узкими рамками Европы. Однако уже около ста тысяч лет спустя в заселенных человеком южных областях Европы, Азии и Северной Африки был широко распространен сапиентный вид, более приспособленный, чем *Homo erectus*.

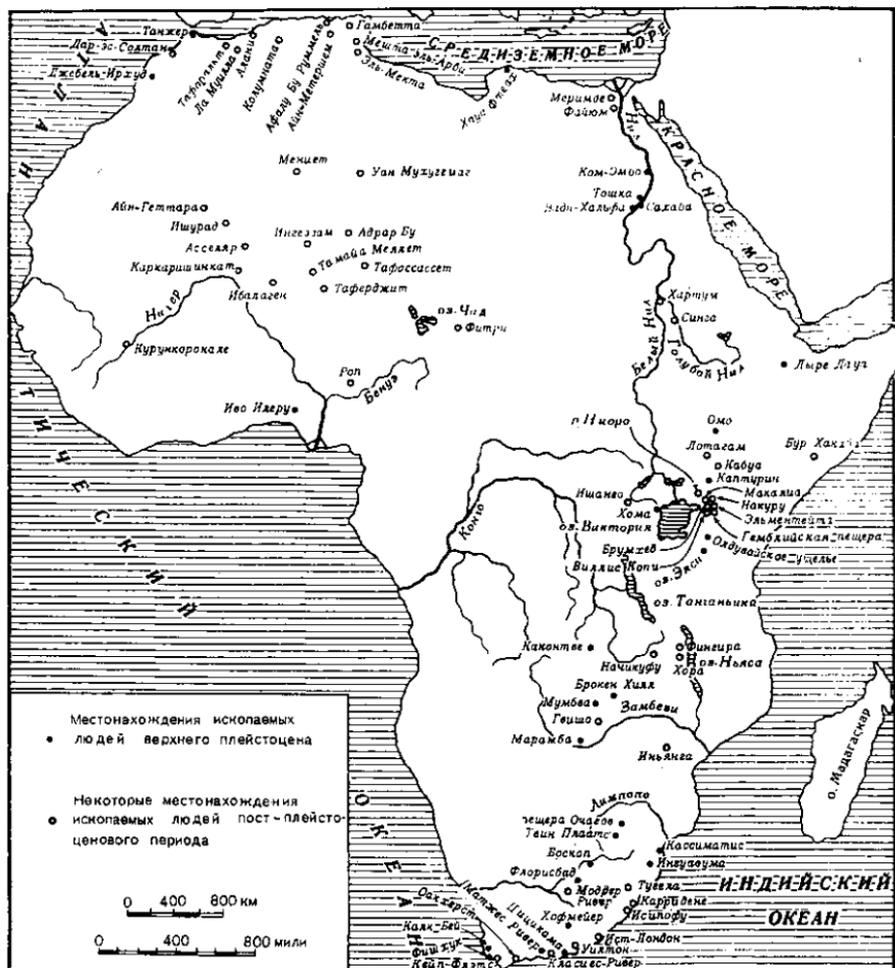
Несмотря на то что новое население было в значительной степени неоднородно, для всех его представителей характерен достаточно массивный надбровный валик, способствовавший деятельности мощного жевательного механизма и столь же мощных челюстей. Эти отличительные черты наиболее типичны для родезийского человека [197] и классического неандертальца из Западной Европы, хотя вместе с тем нередки и

локальные варианты, встречающиеся в пределах одного местонахождения (в Брокен Хилл, например). Таким образом, отмеченная неоднородность населения дает основания выделять в нем различные палеорасы. В других отношениях неандертальский человек близко напоминает человека современного физического типа. Так, остальные части костяка — таз, кости конечностей, верхних и нижних, — едва ли можно отличить от соответствующих частей скелета современного человека.

Неандерталец известен по двум фрагментам челюсти в мустьерских слоях пещеры Хауа Фтеах и, как уже упоминалось, по двум черепам из пещеры Джебель Ирхуд. Фрагмент челюсти с характерными неандертальскими признаками был обнаружен также в пещере в Восточной Эфиопии (Дыре Дауа) [250, с. 231—238]. Это наряду с находками мустьерского материала в Нубии позволяет предположить, что направление расселения неандертальцев в северо-восточных частях континента было обращено на юг.

Родезийский человек населял обширные области к югу от Сахары: от тропиков (стоянки Няраси у оз. Эясси [258, с. 252—307], Брокен Хилл в Центральной Замбии и, возможно, Олдувайское ущелье, где ископаемые останки были обнаружены на участке VEK IV [156, с. 3—9]), вплоть до районов в Капской области, где в зимнее время выпадают осадки (стоянка Эландсфонтейн) [226, с. 345—362], т. е. на протяжении 3500 миль. Почти полностью сохранившийся череп из Брокен Хилл отличается необычно массивными лицевой частью и надбровными дугами, однако в других отношениях этот череп, а также принадлежащие этому же скелету кости таза и конечностей сходны с соответствующими элементами строения современного человека. Череп был обнаружен вместе с каменными орудиями, типичными для мелкого инвентаря культурного комплекса санго [48, с. 7—32]². Здесь же найдены, впервые в Африке, намеренно обработанные орудия из кости. Встречаются и сфероиды, однако другие крупные орудия отсутствуют [60, с. 105—111]. Фауна представлена в основном видами, типичными для редколесья и саванн. Вместе с тем черепная крышка из Эландсфонтейна, близ залива Салданья, в северной части Капской области, связана с развитой ашельской культурой (фаурсмит ?) и саванной фауной [71, с. 98—101; 227, с. 11—19; 229, с. 63—74]. Описанные находки показывают, что

² Ранее эта культура была известна под названием «протостиллбей».

Стоянки ископаемого человека, относящиеся к верхнему плейстоцену и частично к постплейстоценовому периоду [57]

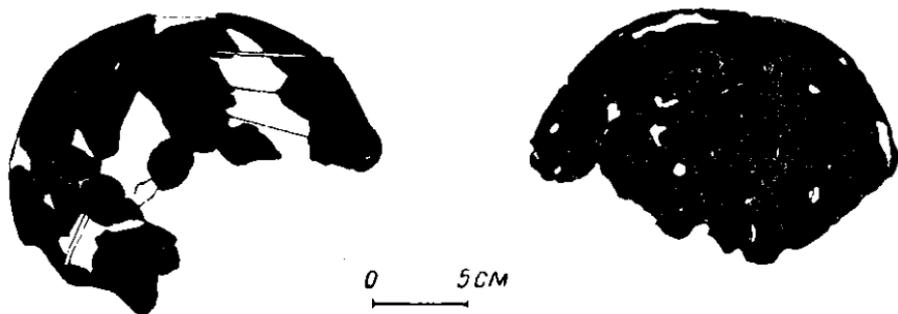
родезийский тип человека относится приблизительно к началу верхнего плейстоцена, от 60 до 40 тысяч лет назад, судя по датировкам из Каламбо. По-видимому, это население могло заполнить весь диапазон биотопов, освоенных человеком к этому времени к югу от Сахары.

Если изолирующие палеогеографические факторы обусловили, как мы полагаем, биологическое и культурное приспособление человека, то расхождение, прослеживаемое по ископаемым останкам ранних *Homo sapiens*, объясняется селекционным действием естественного отбора на генофонд. Однако подвижность, необходимая для успешной охоты и собирательства, при благоприятных обстоятельствах способствовала распространению генов, внесенных извне путем скрещивания, и быстрой передаче селекционно усовершенствованных характеристик. Существует мнение, что именно этим путем человек современного физического типа вытеснял неандертальское население приблизительно от 40 до 30 тысяч лет назад.

Подобная смена населения явилась относительно внезапной в Европе, Юго-Восточной Азии и в большинстве районов Африки, и это предполагает, что человек современного физического типа появился в каком-либо другом районе земного шара. Представляется вероятным, что так называемое смешанное население пещер горы Кармел (Израиль), характеризующееся сочетанием неандертальских и сапиентных черт, свидетельствует о появлении раннего вида *Sapiens* в результате развития неприспособившегося неандертальского вида. В данном случае, однако, решающая роль в решении проблемы принадлежит датированию ископаемых останков.

В случае подтверждения дальнейшими находками гипотезы о раннем появлении человека современного физического типа в Юго-Западной Азии можно было бы предполагать, что вытеснение неандертальского и родезийского населения началось одновременно и в Северо-Восточной, и в Восточной Африке, поскольку указанные генетические изменения должны были происходить в пределах относительно обширного региона.

Наиболее древние ископаемые останки современного человека на Африканском континенте были найдены в Восточной Африке. Они представлены фрагментами черепа из Канжеры (оз. Виктория, залив Кавирондо) [147, с. 27—29; 240, с. 191—204], а также двумя черепами в лучшей сохранности, но без лицевой части и фрагментами третьего черепа, недавно обнаруженными в отложениях конца среднего или начала верхне-

Череп из Омо:

боковой вид справа и боковой вид слева, колесо I, формация Кибис, Эфиопия.
(По М. Х. Дюю)

го плейстоцена в южной части бассейна р. Омо, близ оз. Рудольф [161, с. 1137—1143].

Оба черепа, найденные около Омо, принадлежали взрослым особям, и поддающиеся изучению часть костяка и фрагменты лица относятся к черепу I. Этот череп по сравнению с черепом II менее массивен, выше, шире и отличается более совершенным закруглением в задней части. Вместе с тем фрагменты челюсти говорят о сравнительно развитом подбородке. Несмотря на массивность черепа и костей конечностей, внешне они, по существу, ничем не отличаются от соответствующих частей скелета современного человека. Относящийся к тому же времени череп II более массивен и груб; он разительно отличается от черепа I. У него низкий и покатый лоб; задняя часть угловата, с выпуклостями и рельефными отпечатками мышц. Будучи по основным своим характеристикам сапиентным, этот череп, как утверждается, имеет черты, присущие ископаемым людям из Брокен Хилл и Канжеры и даже *Номо егестус*. Предположительно датирующийся тем же временем череп из Канжеры и фрагменты черепа III (бассейн р. Омо) вновь принадлежат людям современного типа. В свете всего сказанного представляется совершенно ясным, что население Восточной Африки в этот период отличалось значительным разнообразием физических типов и что описанные ископаемые останки древних сапиентных видов, вероятно, относились к тому основному стволу, из ответвлений которого впоследствии образовались современные африканские расы. Действительно, было высказано предположение [34, с. 101—104], что отсюда

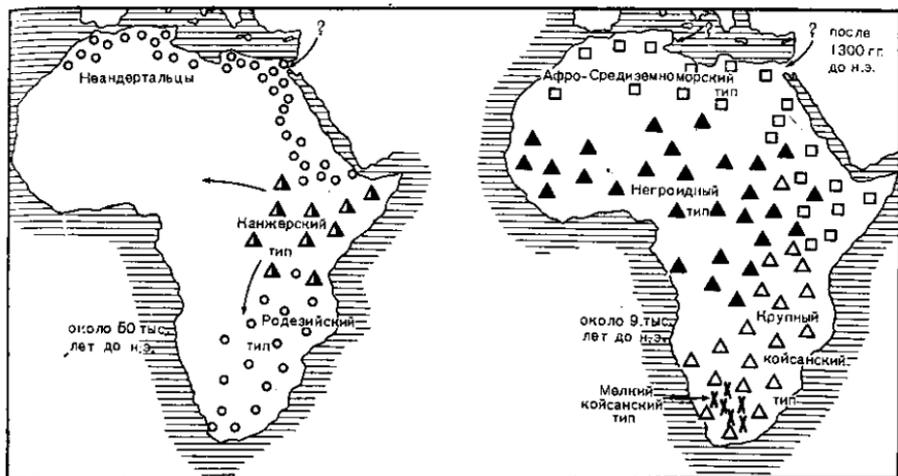

Схема возможных изменений в составе населения Африки [34]

произошли как бушменская, так и негроидная расы и что разнообразие физических типов, наблюдаемое у ископаемых людей со второй половины верхнего плейстоцена, может, по всей вероятности, быть наилучшим образом объяснено с точки зрения естественного отбора и характерной для этого времени способности к существованию в различных экологических условиях. Таким образом, население засушливых саванн и травянистых степей Восточной и Южной Африки в результате одновременного действия естественного и социального отбора относится в основном к койсанской расе. Районы же с повышенным выпадением осадков Экваториальной и Западной Африки являются той областью, где шло развитие африканских негроидов. Известно некоторое число «гибридных» видов; эта морфологическая дифференция продолжалась в течение 10—20 тысяч лет. В этот период происходило первоначальное скрещивание, а также быстрое вытеснение населения неандертальского и родезийского типов, которое завершилось около 20 тысяч лет до н. э. (если верна датировка ископаемых останков в Синге, в Судане) [4].

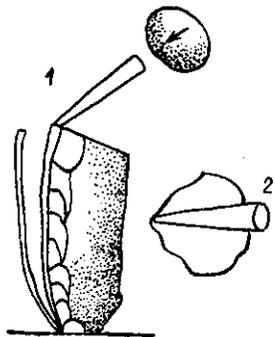
По всей вероятности, это время было отмечено значительной текучестью в составе человеческих коллективов; в противном случае приток генов бы понизился. Вместе с тем сравнительно быстрые темпы этих изменений предполагают наличие не только

высокого интеллекта, но и лучшего, чем прежде, приспособления к внешнему миру наряду с обусловившими это приспособление производственными навыками.

Наборы орудий верхнего плейстоцена

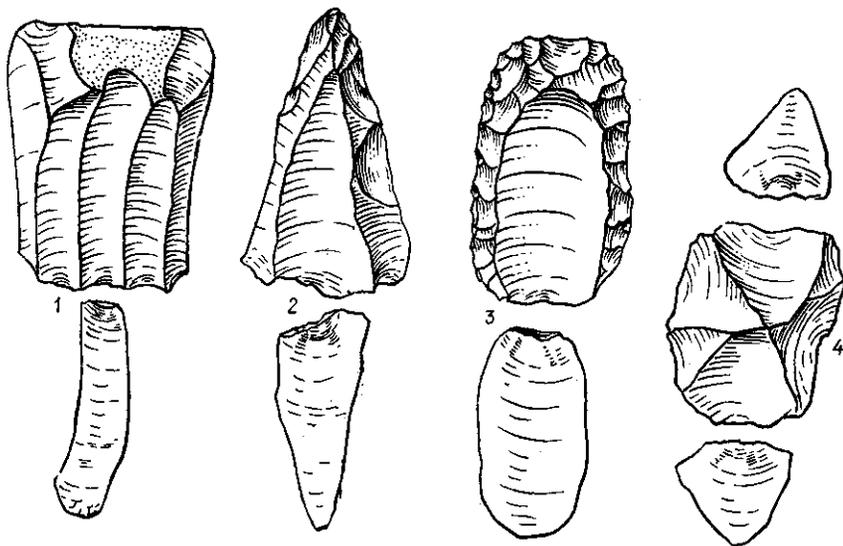
Орудия труда, принадлежавшие древним представителям человека современного физического типа от 30 до 20 тысяч лет назад, в каком бы районе Старого света они ни встречались, безусловно, превосходят по своим качествам все более ранние орудия. Для нового инвентаря особенно типичны ножевидные пластины, изготовлявшиеся путем откола от ядрища при помощи отбойника. Из этих, если можно так выразиться, заготовок выделялось много стандартных орудий: скребки разнообразной формы, шилья, долота (или резцы), ножи с затупленной спинкой и множество других изделий, включая остроконечники широкие и узкие, в форме листа и с черешком. Такова общая модель для верхнепалеолитических культур Западной Европы, Северной Азии и Северной Африки. В более холодных климатических условиях, ближе к границе оледенения, эти культуры содержат еще ряд орудий из кости, слоновой кости и оленьего рога; при этом поражает великолепная и высокоразвитая художественная традиция их производства.

Во многих областях Африки южнее Сахары вплоть до 10 тысяч лет назад и, возможно, несколько позднее продолжала, однако, практиковаться старая техника изготовления отщепов и орудий типа пластин из уже обработанных ядрищ. В прошлом этот факт истолковывался в том смысле, что после конца среднего плейстоцена внешние влияния на Африку превосходили по своему объему распространение собственно африканских культурных достижений. Это истолкование подразумевало чрезвычайную консервативность африканской культуры и ее создателей. Новейшие аналитические исследования археологических коллекций «среднего каменного века», из пещеры Монтагю в Капской области, из пещеры Очагов в Трансваале и из пещеры Леопардовой горы в Замбии [133; 171, с. 232—289; 180] показывают, однако, что изготовлявшиеся при помощи отбойника ножевидные пластины представляли собой неотъемлемую часть этих коллекций в то же самое время, когда эти орудия были распространены в Европе и Северной Африке. Вместе с тем нельзя не отметить, что в африканских культурах они обычно составляют меньшую часть по сравнению с разнообразными типами отщепов. Поэтому становится очевидным, что дли-

Техника скола пластин при помощи отбойника:

1 — вид сбоку, одна пластинка только что сколота; 2 — вид сверху. (По Ф. Борду)

Типы подготовленных нуклеусов и полученных «заготовок», обнаруженные на стоянках «среднего каменного века»:

1 — ножевидная пластинка; 2 — пластинка со сходящимися гранями; 3 — овальная пластинка типа леваллуа; 4 — дисковидная пластинка

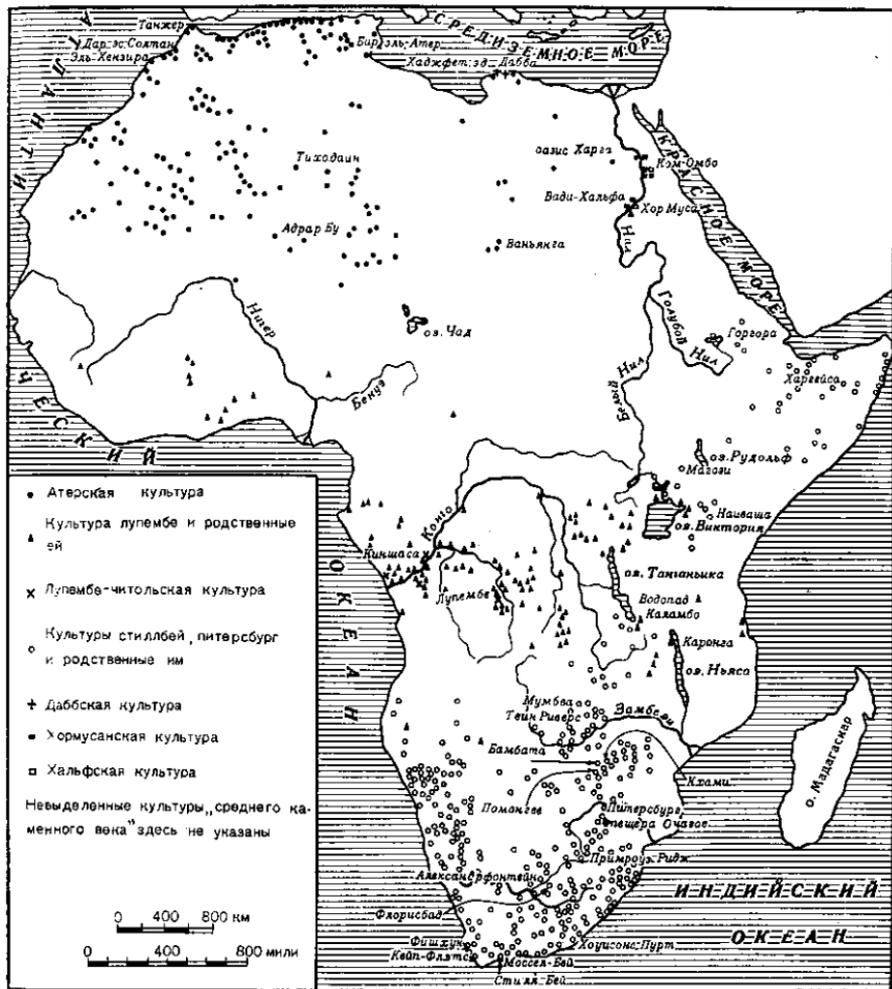
тельное сохранение техники изготовления орудий из заранее обработанных ядрищ объясняется не каким-либо пережиточным существованием неандертальских генов или же врожденным консерватизмом, как полагали некоторые специалисты, а скорее склонностью производивших их людей к определенным формам отщепов и ножевидных пластин. Пластины могли скалываться с этих ядрищ и затем служить для изготовления разнообразных скребков и остроконечников — наиболее распространенных типов орудий африканского «среднего каменного века».

Подобно тому как в Африке появляется множество отличных друг от друга, регионально обособленных культур «среднего каменного века», в других частях Старого света в относящихся к тому же времени слоях верхнего палеолита обнаруживаются разные культуры ножевидных пластин. И вряд ли можно сомневаться, что такое разнообразие типов отражает более избирательный, чем прежде, подход человека к эксплуатации появившихся в это время новых различных видов окружающей среды. Так, все в новых районах человек совершенствовал орудия, специально предназначавшиеся для обработки определенных разновидностей материала или же для охоты на определенные виды животных, наиболее эффективными, с его точки зрения, для данных условий окружающей среды способами.

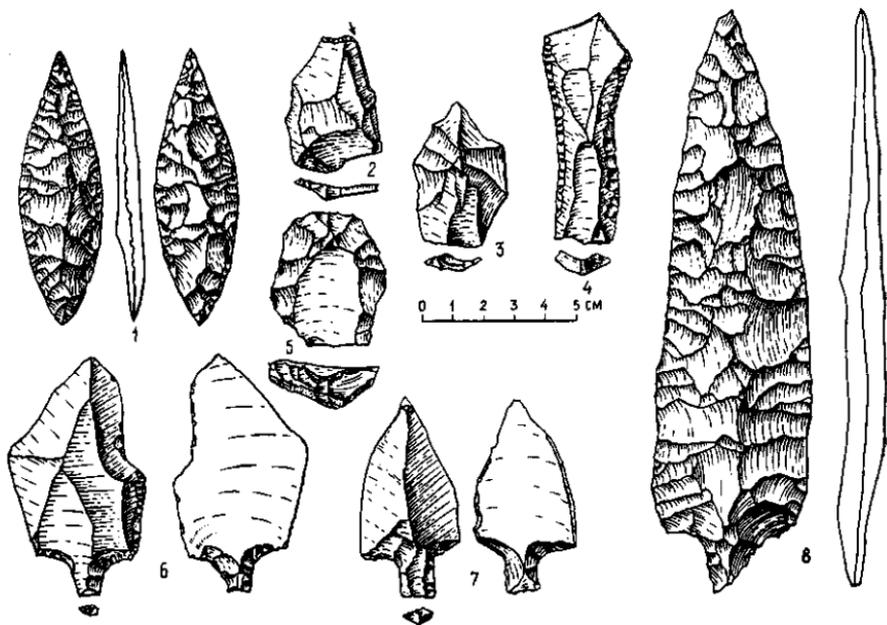
В Северо-Западной Африке мустье сменилось культурой с дисковидными нуклеусами и техникой леваллуа, где множество ретушированных орудий имеют рукоятку или специально обработанный для нее черенок. Эта культура носит название «атер», по стоянке³ в Восточном Алжире [15, с. 269—334; 43, с. 87—130; 239, с. 771—820]. Она прослеживается от Марокко до Триполи и южнее, в Сахаре, до 15-й параллели. Известны три основных этапа ее развития. Поздний атер выявлен и в таких восточных районах, как оазис Харга в Западной пустыне Египта [44, с. 81—90, 116—23]; возможно, он распространился по долине Нила до Нубии. Характерные для позднего атера черешковые орудия встречаются также в Северном Чаде [8, с. 233—242]. Исходя из столь широкого распространения атера в Сахаре, его можно рассматривать как археологическую культуру, специально приспособленную к природным условиям «цветущей пустыни» верхнего плейстоцена.

В долине Нила, однако, местная мустьерская традиция никогда не дает черешковых остроконечников и развивается в

³ Бир-эль-Атер. (Прим. ред.)

Распространение культур верхнего палеолита и «среднего каменного века» [57]

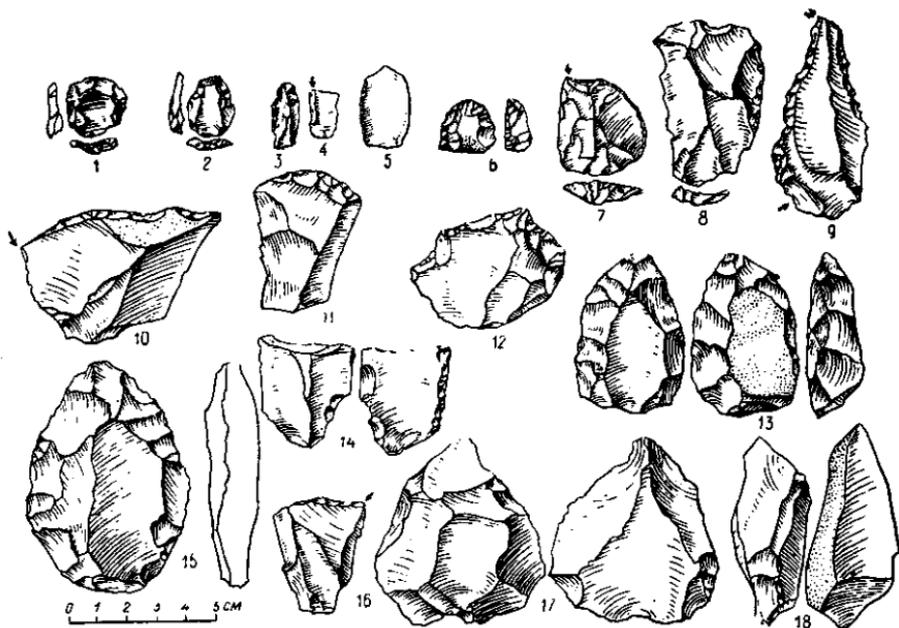

Атерские орудия из Айн-Фритиссы (Средний Атлас, Марокко) (1—7) (по Ж. Тиксье) и из Адрар Бу (Тенере, Нигер) (8) [124]:

1 — листовидный наконечник с двусторонней обработкой; 2 — угловой резец; 3 — отщеп леваллуа; 4 — скребок с двумя вогнутыми рабочими краями; 5 — нуклеус леваллуа; 6 — черешковый остроконечник, изготовленный из отщепа леваллуа; 7 — черешковый наконечник стрелы; 8 — черешковый остроконечник с двусторонней обработкой. Кремь

хормусанскую культуру, для которой также характерен мелкий инвентарь из отщепов, изготовленный с применением техники леваллуа и отличающийся большим количеством зазубренных орудий. С течением времени происходит уменьшение размеров орудий, и следующий этап — хальфский — представлен небольшими отщепами, изготовленными той же техникой, и небольшими ножевидными пластинами, которые оказываются тем меньше, чем моложе стоянка, достигая в верхних слоях, приблизительно датированных XII тысячелетием до н. э., размеров микролитов. На этих более поздних стоянках наблюдается также аналогичное увеличение количества ножевидных пластин [108, с. 315—391; 167, с. 392—460].

Резкое прекращение производства орудий из заранее обработанных ядрищ прослеживается по материалу пещеры Хауа Фтеах в Киренаике, где местная леваллуа-мустьерская традиция

Нубийско-мустьерские, хормусанские и хальфские орудия из долины Нила [262].

Хальфские орудия (1—5):

1, 2 — маленькие отщелы леваллуа; 3 — ножевидная пластина со спинкой; 4 — резец; 5 — боковой скребок с противопоставленным рабочим краем; все из кремня.

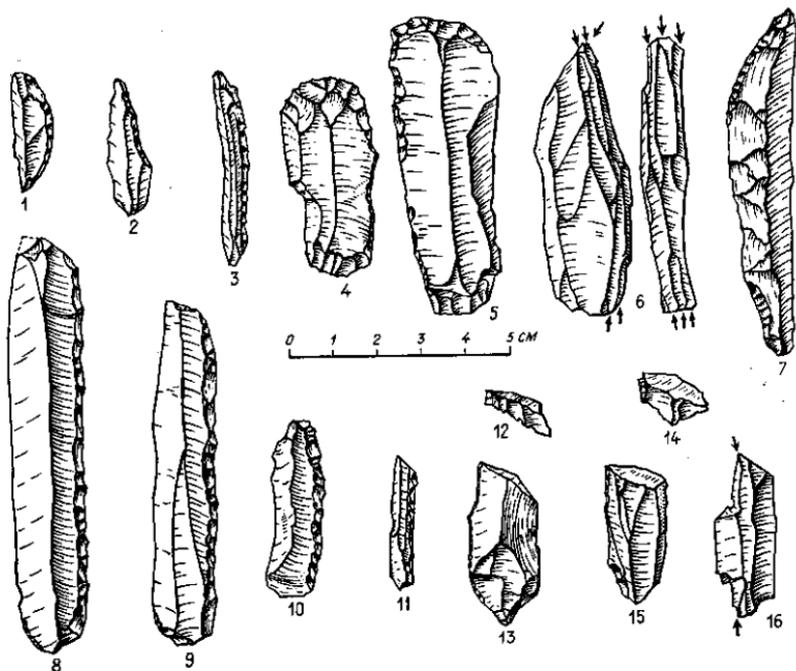
Хормусанские орудия (6—9):

6 — короткий концевой скребок (поздний хормусан); 7 — боковой скребок—резец; 8 — отщеп леваллуа со следами использования; 9 — орудие с зазубренными краями и резовыми гранями. Феррикритовый песчаник и кремневый известняк.

Нубийское мустье, тип А (10—14, 16—18):

10 — боковой скребок с резовою гранью; 11 — концевой скребок; 12 — сверло; 13 — остроконечник—нуклеус леваллуа; 14 — орудие с зазубренными краями; 16 — сверло; 17 — нубийский нуклеус, тип 1; 18 — нож с необработанной спинкой. Тип В: 15 — би-фас. 10—18 — феррикритовый песчаник

вытесняется верхнепалеолитической культурой ножевидных пластин, изготавливаемых при помощи отбойника. Эта культура, получившая название «даббская», по пещере Хаджет-эд-Дабба, представлена многочисленными ножевидными пластинами правильной формы с затупленной спинкой, а также разнообразными скребками и резами (или сверлами). Время существования даббской культуры — приблизительно от 40 до 50 тысяч лет назад, когда она была вытеснена другой культурой ноже-

Орудия даббской культуры из пещеры Хаджфет-эд-Дабба (Киренаика) [176].

Познедаббские орудия (1—7):

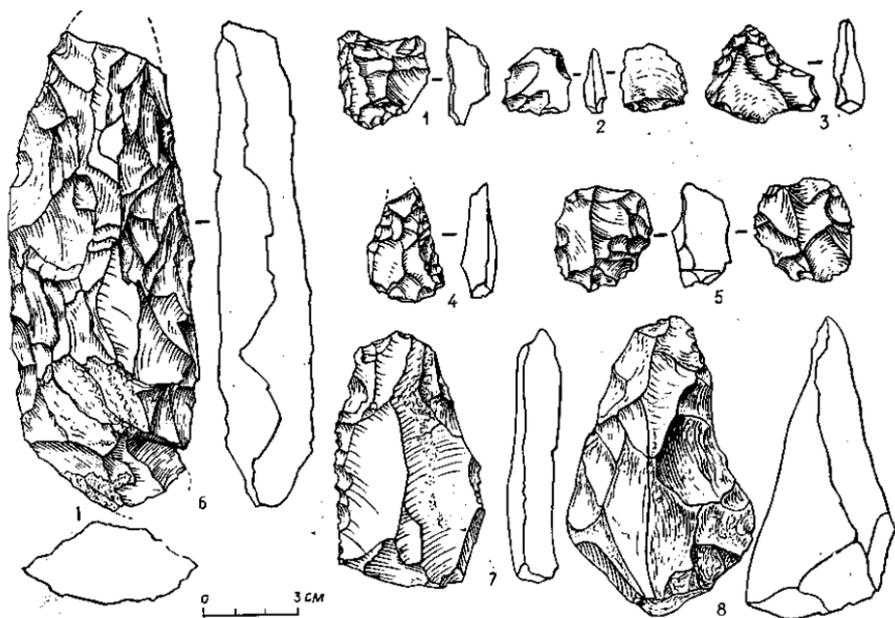
1 — сегментовидное орудие; 2, 3 — микропластины со спинкой; 4, 5 — концевые скребки; 6 — резец; 7 — ножевидная пластина со спинкой.

Раннедаббские орудия (8—16):

8—11 — ножевидные пластины и микропластины со спинкой; 12, 14 — осколки, полученные при подточке ножевидных пластин; 13, 15 — ножевидные пластины с подточенным лезвием; 16 — угловой резец. Кремль

видных пластин с повышенным количеством микролитов, известной под названием «восточнооранской» [177, с. 135—228].

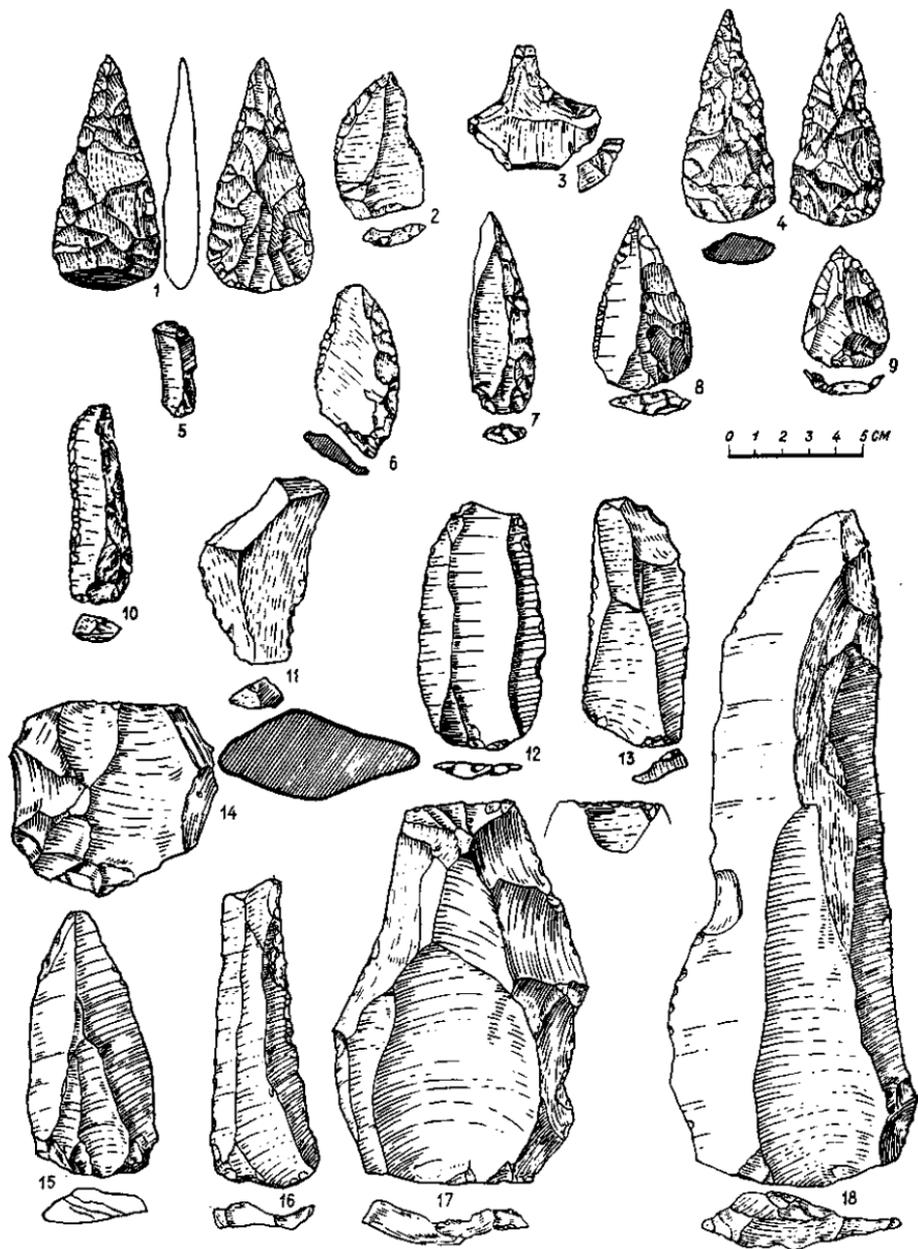
До сих пор, однако, даббская культура известна лишь по этим двум пещерам. Вызывает удивление тот факт, что она, по-видимому, никогда не распространялась в южном направлении — в Сахару и в западном — в Триполитанию. В то время как атер может рассматриваться в качестве культуры, хорошо приспособленной для условий пустыни, даббская культура, судя по всему, ограничивалась прибрежными средиземноморскими районами.

Орудия культуры «среднего каменного века» из Твин Риверс (Замбия):

1 — угловой скребок; 2 — отщеп, сколотый с небольшого дисковидного нуклеуса, со следами использования; 3 — скребок со сходящимися рабочими краями; 4 — скребок со сходящимися рабочими краями, острие отсутствует; 5 — небольшой боковой скребок; 6 — наконечник копья с двусторонней обработкой; 7 — скребок с зазубренным рабочим краем; 8 — рубило. 1, 2, 4—7 — кварц. 3 — кремнистый известняк, 8 — долерит. Между 32 и 22 тыс. лет назад

К югу от Сахары культуры, приспособленные к местным условиям, появляются начиная приблизительно от 30 тысяч лет назад. Если радиоуглеродные датировки, полученные недавно по материалу пещеры Монтагью в Капской области и Бушменской горной пещеры в Трансваале, верны, то возраст некоторых из этих культур может оказаться даже 50 тысяч лет. В районе Африканского рога ранняя культура этого периода, известная как «леваллуазская», связана с Северо-Восточной Африкой. Позднее здесь появляется культура с прекрасно отретушированными листовидными остроконечниками и скребковым инвентарем — «сомалийский стилбей». Последняя связана с культурным ареалом восточно- и южноафриканских саванн и травянистых степей, где встречаются многочисленные разновидности скребков и остроконечников [50, с. 160—225]. Все это в основ-

ном мелкий инвентарь: ножи, метательные остроконечники, скребки. Иногда, как, например, в Замбии, встречаются сферойды — вероятное свидетельство существования метательных дубинок с каменными головками. Сферойды могли также служить для точения и шлифовки. На некоторых стоянках в саванне наблюдается постепенное увеличение числа крупных орудий (водопад Каламбо и Твин Риверс).

Природа сырьевого материала и размеры используемых для производственных нужд каменных глыб, безусловно, являлись важными факторами, обусловливавшими форму и отличительные признаки каменных орудий. При использовании твердых пород кварцита или окаменевшего глинистого сланца предпочтение отдавалось продолговатым, треугольным отщепам или ножевидным пластинам, требующим незначительной ретуши. Размеры откалываемых кусков и само строение кварца, обсидиана или мелкозернистого кварцита были таковы, что эти породы использовались для изготовления многочисленных орудий с двусторонней ретушью, в основном небольших размеров. Большая часть культур этого региона известна лишь по общим описаниям, и для их обоснованного сравнения, а также для лучшего понимания их различий необходимо более точно очертить границы между этими культурами и установить их значение.

На стоянках в Грегори Рифт техникой леваллуа и техникой ножевидных пластин изготавливались орудия «кенийского стиллбей» — довольно короткие и грубые остроконечники, а также одно- и двухлезвийные (со сходящимися лезвиями) скребки [2].

Орудия бамбатанской и питерсбургской культур.

Бамбатанские («родезийский стиллбей») из пещеры Бамбата (Родезия) 2—4. 2 — отщеп со спинкой и с подретушированным вогнутым рабочим краем, фельзит (?); 3 — сверло, халцедон; 4 — остроконечник с двусторонней обработкой, кварц.

Верхний питерсбург — из пещеры Очагов (5—10) и пещеры Мвуду (1) (Трансвааль):

1 — остроконечник с двусторонней обработкой, фельзит; 5 — ретушированная микропластина, кварц; 6 (фельзит) и 10 (глинистый кварц) — боковые скребки с двумя рабочими краями; 7 — боковой скребок, кремнистый известняк; 8, 9 — остроконечники с односторонней обработкой, глинистый сланец.

Средний питерсбург, из пещеры Очагов (11—15):

11 — отщеп, сколотый с радиального нуклеуса, со следами использования, кварцит; 12, 13 — четырехгранные отщепы леваллуа с отретушированными лезвиями, соответственно кварцит и фельзит; 14 — дисковидный нуклеус, кварцит; 15 — треугольный отщеп, сколотый с подготовленного нуклеуса, со следами использования, глинистый сланец.

Нижний питерсбург, пещера Очагов (16—18):

16 (фельзит) и 18 (глинистый сланец) — слегка отретушированные ножевидные пластины с плоскими основаниями; 17 — отщеп леваллуа с горизонтальной ретушью, кварцит

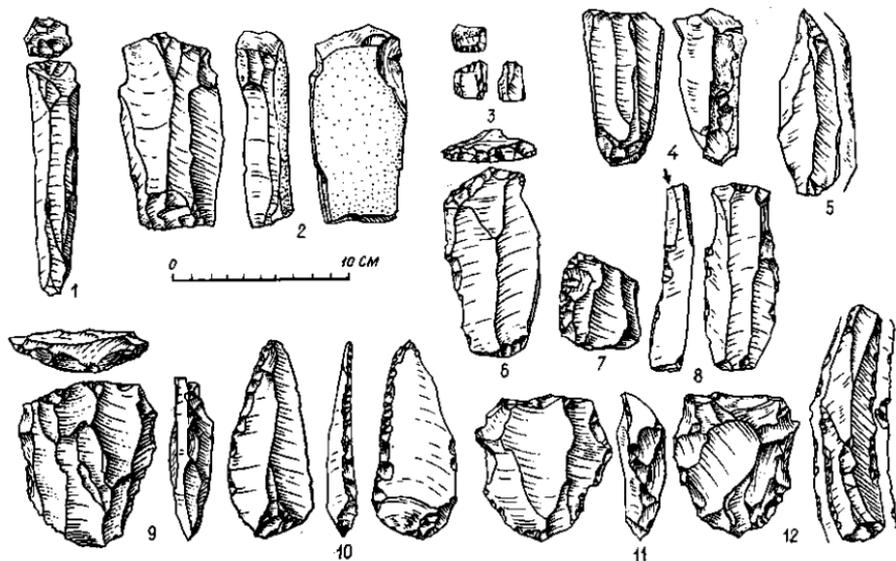
Последние делали главным образом из обсидиана. В Родезии создатели культуры бамбата использовали, как правило, пятнистый кварц и халцедон; остроконечники с одно- и двусторонней обработкой и скребки изготовлялись здесь из треугольных и неправильной формы отщепов, часто откальвывавшихся от дисковидных нуклеусов [70, с. 73—151]. В Трансваале три этапа культуры питерсбург были стратиграфически выделены и описаны по материалу пещеры Очагов. Здесь при помощи техники леваллуа и техники обработки дисковидных ядрищ изготовлялись ножевидные пластины. Ранняя фаза представлена крупными пластинами, отщепами леваллуа и минимальной ретушью; средняя фаза — более стандартизированными формами и меньшими размерами орудий, но все еще с незначительной ретушью; последняя фаза — орудиями еще меньших размеров, в ряде случаев с тонкой ретушью [171; 172, с. 737—764; 213].

Новейшие исследования стоянок по среднему течению р. Оранжевой установили три этапа местного «среднего каменного века», прослеженных на материале ножевидных пластин, скальывавшихся с ядрищ из окаменевшего глинистого сланца.

Этап 1 представлен очень крупными широкими пластинами, которые в этом и в последующих периодах характеризуются, как правило, лишь прерывистой ретушью края орудия и несут следы использования. Некоторые пластины имеют затупленную спинку; этап 2 представлен резцами и отретушированными остроконечниками; в материале этапа 3 они изредка встречаются вновь. Небольшое число концевых скребков присутствует в материале всех трех этапов. Особый интерес представляют стоянки, относящиеся к двум последним этапам. В Оранже I, на стоянке с археологическим материалом этапа 2, сохранились следы восьми скоплений камня, в большинстве своем полукруглой формы, которые могли служить основаниями для плетней или ветроломов. Внутри этих скоплений и вокруг них были сосредоточены каменные орудия и отходы производства. Следы существования крупного сооружения подобного типа обнаружены и на другой стоянке — Зеekoгат 27, относящейся к этапу 3. Это единственные известные к настоящему моменту стоянки, дающие представление о поселениях «среднего каменного века», и в этом их особое значение.

В южной части Капской области по материалу пещеры Скилдергат в Фишхук [130, с. 106—107]⁴ можно выделить по край-

⁴ Устное сообщение Б. Энтони.

«Средний каменный век» р. Оранжевой [213].

Фаза 3 (1—5):

1 — концевой (фронтальный) скребок; 2, 4 — призматические нуклеусы с одной и двумя поверхностями скола; 3 — микронуклеус; 5 — ножевидная пластина с фрагментом спинки, со следами использования.

Фаза 2 (6—12):

6 — концевой (фронтальный) скребок; 7 — боковой скребок с выпуклым рабочим краем; 8 — резец; 9 — нуклеус с одной ударной площадкой; 10 — отретушированный остроконечник с урезанным основанием; 11 — нуклеус леваллуа; 12 — ножевидная пластина с ретушью, со следами использования. 3 — яшма, остальное — глинистый сланец

ней мере два варианта «среднего каменного века». Ранняя фаза содержит орудия из твердого кварцита; тут в большом количестве представлены зазубренные (в форме дубового листа) остроконечники и скребки. Поздняя фаза (отождествляемая с классическим стиллбеем) отличается разнообразными листовидными орудиями с одно- и двусторонней обработкой, изготовленными, как правило, из мелкозернистого кварцита. К востоку от Моссел-бей и других стоянок (например, пещера Монтаньо, Класиес-Ривер с Геелхутбоом) прослеживается еще один вариант, для которого характерны орудия из твердого кварцита: треугольные пластины с незначительной ретушью, удлиненные пластины, остроконечники с двусторонней обработкой и пластины с затупленной спинкой [134, с. 131—140].

Как уже отмечалось, природные условия конголезских лесов обусловили появление одного из наиболее специализированных видов каменных изделий в масштабе всего континента. Здесь вновь, на материале культурного комплекса лупембе, прослеживается тенденция перехода от крупных, грубых орудий к орудиям небольших размеров, причем появляется множество более сложных типов. К двум наиболее распространенным в этом регионе типам орудий относятся рубило или тесло с двусторонней ретушью, часто с рабочим краем в виде полукруглого долота, и удлиненное копьеобразное орудие с острием и рубящими краями. Первое из них, нуклевидное рубило, свидетельствует о значении обработки дерева; копьевидные же формы являлись, вероятно, комбинированными орудиями, служившими в качестве мачете и метательного острья. Техника леваллуа в археологических коллекциях раннего лупембе либо встречается редко, либо отсутствует совсем; в поздних фазах, однако, она представлена широко. Сырьем служил мелкозернистый кварцит или в случае его отсутствия кварц [183, с. 129—164]. Выбранные примеры призваны показать разнообразие типов каменного инвентаря этого времени. Основное значение каменных орудий (речь идет и о них самих, и об археологическом контексте стоянок, где они залегали) заключается в том, что они могут дать представление об образе жизни изготовивших их людей.

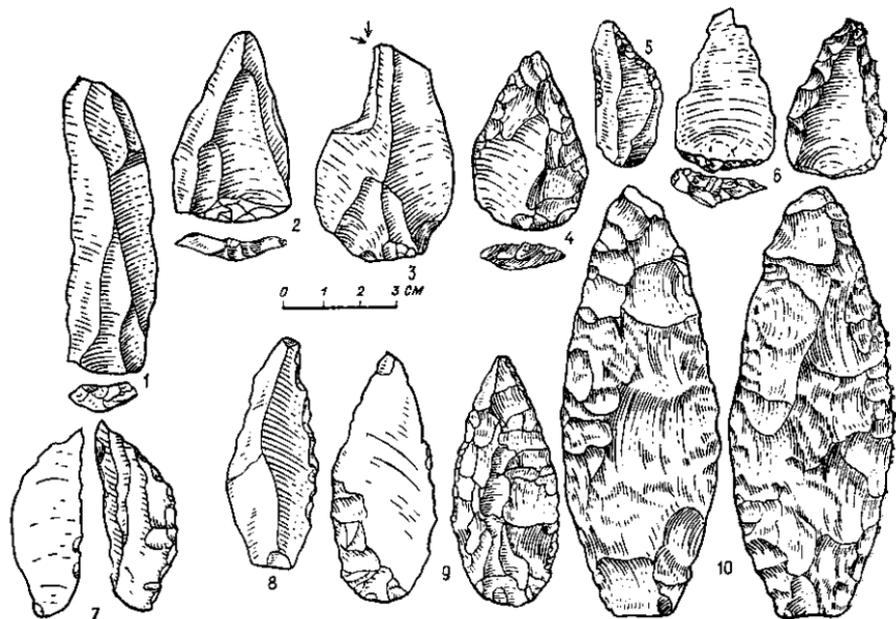
Техника изготовления каменных орудий, приспособленная к местным условиям (что типично для позднего плейстоцена), может рассказать о направлениях и интенсивности разработки ресурсов окружающей среды их создателями, а также об обусловленном этими факторами образе жизни. В настоящее время исследования такого рода находятся лишь в начальной стадии; причина этого — недостаток или полное отсутствие надежных данных. Тем не менее возможно выдвижение гипотез, принимаемых как временное решение вопроса, с тем, однако, что по мере накопления нового материала они будут пересматриваться.

Образ жизни человека верхнего плейстоцена

Как уже было отмечено, человек населял теперь все природные зоны от морского побережья до высокогорных плато и от границ леса до районов, ныне представляющих собой безводную

Поселение «среднего каменного века» на стоянке Оранжа I, район плотины Ван дер Клоф Дам (среднее течение р. Оранжевой).

На рисунке видны скопления булыжников и рассеянные необработанные камни [213].

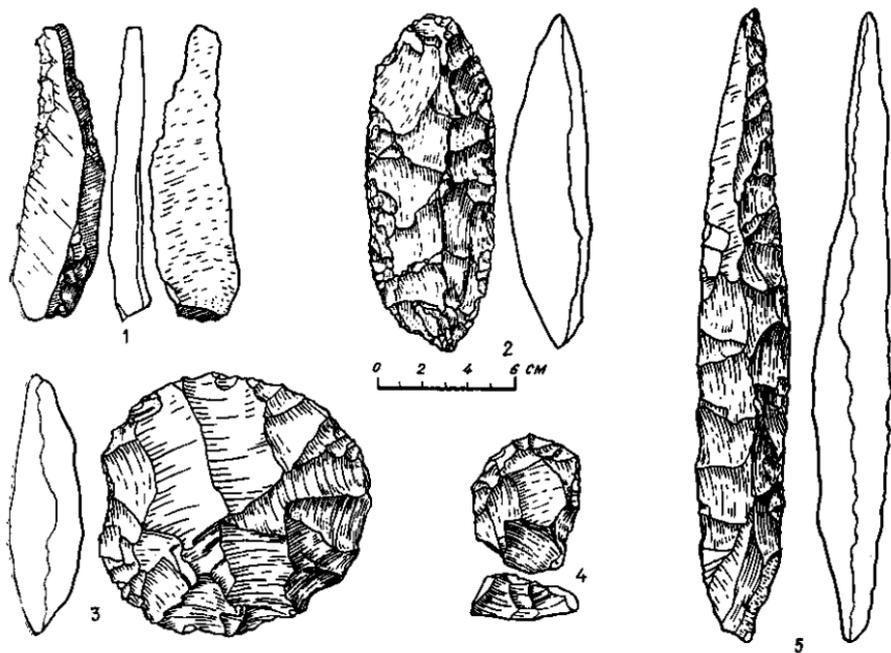
Орудия культуры мосселбей (1—5) с типовой стоянки [134]:

1 — ножевидная пластина; 2 — треугольный отщеп; 3 — двугранный резец; 4 — остроконечник с односторонней ретушью; 5 — ножевидная пластина со сколотой под тупым углом верхушкой. Кварцит.

Орудия культуры стиллбей со стоянок в юго-западной части Капской провинции (6—10) [100; 101]:

6 — остроконечник в форме «дубового листа» (орудие с зазубренными сходящимися лезвиями); 7 — отщеп со спинкой; 8 — скребок с зазубренным краем; 9 — остроконечник с частичной двусторонней обработкой; 10 — листовидный остроконечник с двусторонней обработкой. Кремнезём.

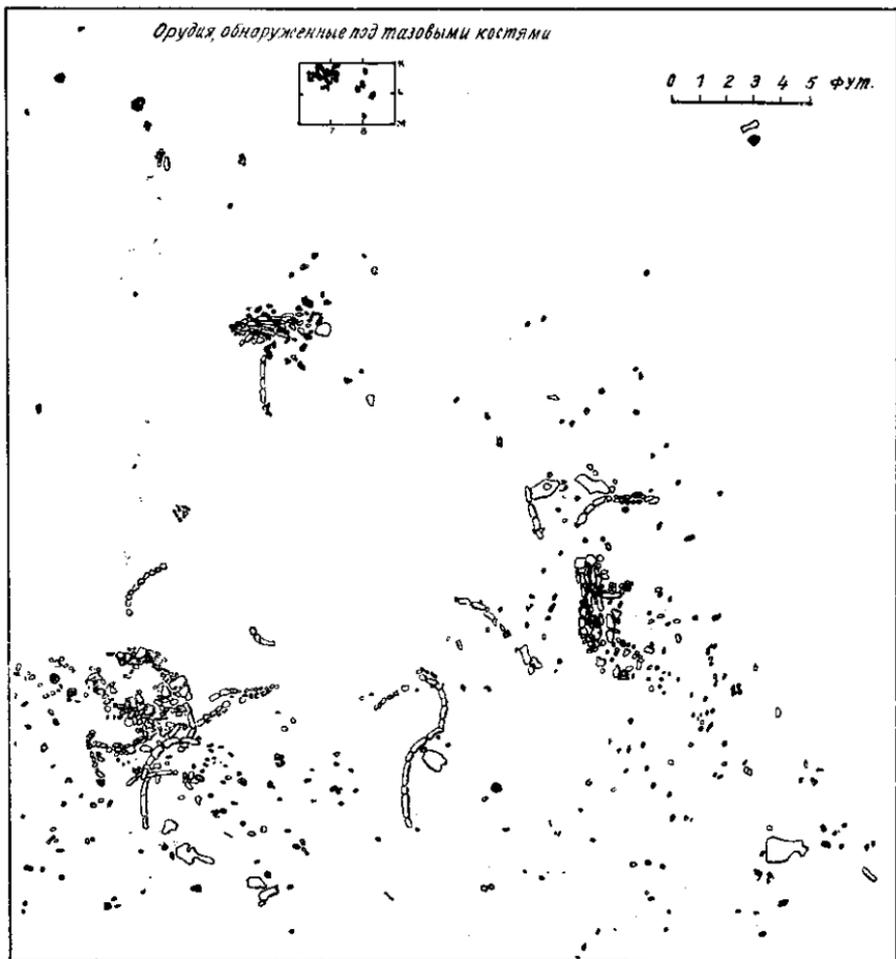
пустыню; число стоянок должно поэтому отражать всеобщее увеличение плотности человеческого населения. Большинство их все еще располагается вблизи постоянных водных источников, однако появляются стоянки и у временных источников. Примером могут служить атерские стоянки в Сахаре, обнаруженные в междюнных отложениях Мавританского Адрара, а также стоянки Юго-Западной Африки, в пустыне Намиб, где болота и сезонные водоемы или даже дыни «tsamma» удовлетворяли потребности в воде человека и животных, на которых он охотился. Начиная с этого времени много пещер и горных расселин регулярно заселялись человеком, и, судя по многообразию типов

Орудия культуры лупембе из Калина Пуан, Киншаса (Республика Заир):
 1 — ножевидная пластина с ретушью и следами использования; 2 — обоюдоострое нуклеидное рубило; 3 — диск; 4 — концевой—боковой скребок; 5 — кольцевидное орудие с двусторонней обработкой. Полиморфный песчаник. (По Ж. Ненквину)

орудий, содержащихся в их отложениях, это были стоянки, на которых человек практиковал множество самых различных видов деятельности. Глубина залегающих находок на некоторых стоянках (например, более 30 футов в пещере Класиес-Ривер на южном побережье ЮАР) указывает, что это были едва ли не постоянные жилища, куда регулярно доставлялись охотничьи трофеи и продукты собирательства.

Изучение оставшегося от трапез костного материала началось недавно. Однако уже сейчас он свидетельствует не только о большем на единицу каменного инвентаря содержании костей в слоях позднего «среднего каменного века» в сравнении с ранними слоями этого же периода, но и об общей тенденции к охоте на определенные, часто быстро передвигающиеся виды животных. Так, во Флорисбаде, в травянистых степях Оранжевого свободного государства, существовала специализированная

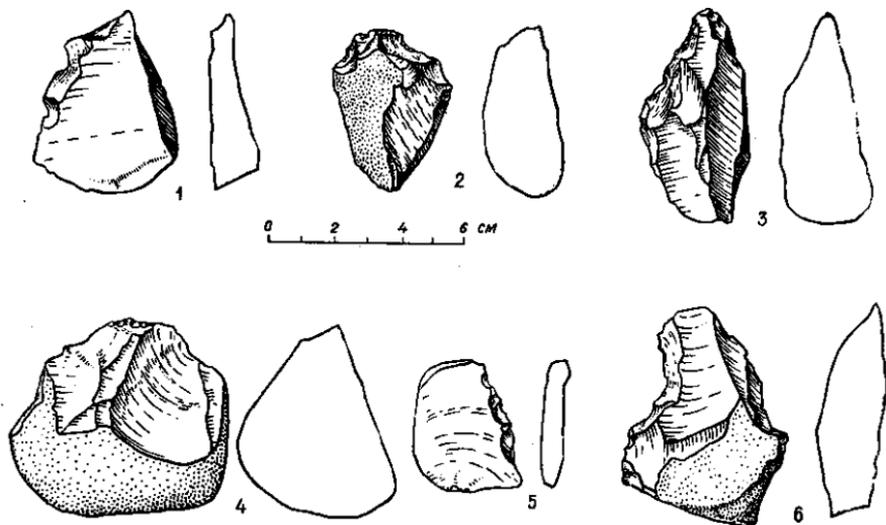
Стоянка, где происходила разделка слоновых туш (Мванганда, Каронга, Малави). Датируется началом верхнего плейстоцена. Расчлененные и разломанные кости слонов и связанные с ними орудия (обозначенные черным цветом) обнаружены у края неглубокой лощины, образовавшейся в результате эрозии

охота на быков, а в Твин Риверс, в замбийской саванне, наиболее часто встречаются костные останки бородавочника и зебры [71, с. 98—101]⁵. Несмотря на то что было сделано мало подсчетов общего количества особей, представленных этими останками, а также процентного содержания сохранившихся различных частей скелета, создается впечатление, что на стоянку доставлялись лишь определенные части туш животных. Это согласуется с практикой современных охотников-собирателей, которые часто разделявают и поедают часть убитого ими животного непосредственно на месте охоты. Более того, костные останки указывают на то, что на стоянку приносились в основном туши средних и мелких животных, поскольку останки крупных травоядных животных представлены, как правило, незначительным или фрагментарным материалом. Такие крупные животные, как слон или гиппопотам, скорее всего — опять же по аналогии с современной практикой — разделялись и поедались там, где они были добыты, причем для этого на место прибывали все члены коллектива.

Такая стоянка, приблизительно датированная началом «среднего каменного века», открыта в северо-восточной части Малави Рифт. Она располагалась на берегу существовавшего тогда озера. Здесь были обнаружены расчлененные и разломанные кости слона, залежавшие тремя скоплениями вместе с каменными орудиями — в основном отщепами и небольшими скребками, которые использовались для отделения мяса от костей. На этой стоянке люди, похоже, находились лишь в течение времени, необходимого для отделения мяса от костей и его поедания; отсюда можно заключить, что обнаруженные здесь орудия были связаны исключительно с разделкой туш [62].

Лагерь мустьерских охотников вблизи Хадж Крейем в Вади Дерна, в Киренаике, вероятно, представляет собой еще одну такую временную стоянку для разделки туш, использовавшуюся однократно в течение нескольких дней или же многократно в течение очень короткого времени; сюда, однако, доставлялось удивительно большое количество добытых животных [176, с. 141—156]. Приблизительно подсчитано, что общее число особей различных видов животных доходило здесь до пяти-десяти берберийских овец, трех-четырёх зебр, двух-трех буйволов и одной газели. Здесь же было обнаружено около тысячи скребков и ножей из отщепов, по предварительным оценкам состав-

⁵ Из неопубликованной работы Х. Б. С. Кука.

Орудия, использовавшиеся для разделки слоновых туш в Мваянганде:

1 — скребок с выемкой; 2 — концевой скребок; 3 — скребок со сходящимися рабочими краями; 4 — чоппер с односторонней обработкой; 5 — скребок с зазубренным рабочим краем; 6 — скребок с вогнутым лезвием. Кварцит

лявших примерно половину их первоначального числа (до того как в результате эрозии была уничтожена часть стоянки). Поскольку эти орудия были сосредоточены на сравнительно небольшом участке, их владельцев приходится считать ненасытными едоками! Орудия и костные останки пищи залегают на площади приблизительно 1800 кв. футов, из чего можно заключить, руководствуясь уже использовавшейся цифрой — 140 кв. футов на человека, необходимых для жизни современных бушменов, — что эта группа состояла человек из тринадцати.

В Калькбанке, в Трансваале, у края несохранившегося сезонного водоема, был раскопан еще один лагерь охотников позднего «среднего каменного века». Здесь костные останки образуют большие кучи, и около 38 отдельных особей 13 различных видов представлены почти 4 тысячами костных фрагментов, определенное число которых, как предполагается, было обработано и превращено в орудия. За исключением двух зернотерок, небольшое количество сопутствующих каменных орудий (38) напоминают материал стоянки в Малави [173, с. 85—116].

Хотя употреблявшиеся в пищу виды животных, несомненно, появились в результате интенсивного естественного отбора, на

стоянках «среднего каменного века» представлено, как правило, большее количество видов по сравнению со стоянками ашеля. Так, на 6 африканских ашельских стоянках можно опознать от 8 до 19 видов, тогда как для 10 стоянок «среднего каменного века» это число будет колебаться от 12 до 49 [179]. Это определенно указывает на то, что теперь охоте придавалось большее значение и в ней использовались более эффективные и выборочные методы. Хотя в нашем распоряжении имеется мало непосредственной информации о применявшихся методах, судя по охотничьей мустьерской стоянке в ущелье Вади Дерна и множеству стоянок у воды, преследуемую дичь, как правило, загоняли в пропасть или в воду. В это время, возможно, широко применялся и загон с помощью огня.

К рассматриваемому периоду у каменных орудий, несомненно, появляются рукоятки, и, вероятно, лучшим свидетельством этого является атерский черенок. В травянистых степях и лесостепи наиболее распространены были метательные острия, деревянные заостренные концы которых можно было использовать и для рубки. Острия, обнаруженные в открытой местности, характеризуются обычно односторонней обработкой, меньшим весом и размерами и предположительно являются остриями дротиков. Формы удлиненные, с двусторонней обработкой, встречающиеся, как правило, в лесостепных районах, скорее напоминают острия копий и ножей [59, с. 130—132, 156—157]. В источнике на Флорисбадском холме была обнаружена метательная палка, датируемая приблизительно 35 тысячами лет [52, с. 135—140]. В Каламбо вместе с ашельским материалом нашли короткую дубинку, напоминающую используемое охотничье орудие для метания в цель; выше уже упоминалось об орудии со стоянки Центральной Африки, возможно представляющем собой дубину с каменным наконечником [120, с. 520—521; 51, с. 403—417]. В результате исследования позднеашельских (горизонтов на стоянке у водопада Каламбо была получена интересная дополнительная информация, касающаяся образа жизни в верхнем плейстоцене. Эти данные свидетельствуют об изменениях в материальной культуре, в результате которых ашельские орудия претерпели ряд модификаций — теперь они отвечали требованиям населения, эксплуатировавшего одновременно саванную и лесную среду обитания. Стоянки здесь располагались на песчаных и гравийных банках близ воды, а также у границ леса. Поскольку отложения, в которых они были обнаружены, со времени своего образования остались полузатоплен-

ными, здесь сохранилось множество деревянных и прочих растительных фрагментов, хотя, к сожалению, совсем не сохранилась кость. Тип природной среды точно установлен в результате анализа пыльцы и сохранившихся микроскопических растительных остатков: съедобные фрукты и орехи относятся к видам, регулярно употребляемым в пищу в настоящее время. Так как эти фрукты созревают в большинстве случаев к концу сухого сезона, стоянки, вероятно, заселялись именно в это время.

Исходя из точек скопления орудий в этих горизонтах, можно определить места, где они изготовлялись и использовались. В одном из горизонтов был обнаружен составленный из больших необработанных камней полукруг, занимавший участок площадью примерно 8X3,5 фута. Хотя мы не располагаем прямыми доказательствами, можно предположить, что эти камни предназначались для крепления секций плетня. В двух точках находились скопления (3X2 фута) утрамбованных и обугленных травяных стеблей и фрагментов дерева, заполнявшие неглубокие впадины,— это были, возможно, ложбины для ночевок, снабженные сгоревшими впоследствии спальными принадлежностями.

Имеется множество данных об использовании огня — обугленные бревна, древесный уголь и окрашенные в красный цвет участки ржавчатой глины. Не подлежит, следовательно, сомнению, что к этому времени — около 60 тысяч лет назад — человек в Африке регулярно пользовался огнем и умел его добывать. Некоторым деревянным фрагментам, найденным на стоянках, похоже, придавали форму с помощью огня. Кроме уже упоминавшейся дубинки здесь встречаются деревянные орудия с одним и двумя заостренными концами и короткие, обрубленные под углом палки, которые могли служить в качестве палок-копалок.

Данные этнографии и результаты экспериментов свидетельствуют, что дереву можно придавать бесчисленное количество форм и сделать это легче с помощью контролируемого обжига и выскабливания, чем при использовании орудий из камня. Обладание подобными навыками явилось, вероятно, весьма важным фактором в обеспечении того очевидного успеха, с которым обитавший в смешанных лесостепных районах человек одновременно эксплуатировал оба эти вида природной среды.

Таким образом, теперь имеются некоторые новые данные, на основании которых можно предположить, что неандертальцы и родезийские люди в отличие от людей среднего плейстоцена

обладали новым видом самосознания — заботой о явлениях, не имевших непосредственного отношения к удовлетворению таких биологических потребностей, как, например, еда или спаривание. Эволюционные изменения зависят от индивидуальной изобретательности и от способности не только передавать указанные навыки, но и сохранять и использовать их образно, посредством памяти. Более того, это предполагает наличие определенной социальной общности, достаточно прочной и замкнутой для того, чтобы в ее рамках могли развиваться только ей присущие культурные традиции, но в то же время достаточно гибкой и восприимчивой к новым идеям, чтобы ускорить постоянно прогрессирующее приспособление образа жизни к природным условиям.

Имеются доказательства того, что в рассматриваемый период в Европе и Азии сознательно и бережно хоронили умерших, помещая в могилы пищу и оружие. Можно предположить, что это указывает на заботу не только о будущей жизни усопшего, но и о благосостоянии самого коллектива.

Социальные мотивы приобретают теперь значение как для обеспечения дальнейшего существования коллектива, так и для бережного захоронения умерших. Покойников хоронили, так сказать, для страховки будущего благополучия и демонстрации заботы о предках и ныне живущих. Еще большее отношение к делу имеет в этой связи находка в пещере Монте Цирцео, в Италии, неандертальского черепа, помещенного в центре выложенного камнями круга, — это означает, что нормы общественной жизни стали теперь регулироваться при помощи ритуала. Хотя эти примеры имеют неафриканское происхождение, они все же свидетельствуют о возникающем общественном сознании, которое, будучи взято вкуче с биологическими и культурными факторами, могло появиться лишь во всемирном масштабе.

На нескольких пещерных стоянках в Африке, как и на стоянках в Европе и Азии, были обнаружены специально подобранные скопления таких природных материалов, как красный железняк, лимонит и марганец, из которых могла изготавливаться краска, на что, впрочем, и указывает присутствие этих материалов. В основе искусства лежит ритуал. Цитируя Бернарда Кэмпбела, можно оказать: «Ритуал является особой формой языкового общения, содержащей множество информации, однако в отличие от языка смысловое значение ритуала находится в зависимости от его социального контекста» [39, с. 315].

Если ритуал являлся одним из главных путей накопления и передачи достигнутых навыков, то для регулирования поведения индивида и обеспечения стабильности социальной организации необходимы были также и определенные санкции общества. Ввиду необходимости теперь могли появиться правила, регулирующие структуру рода и разделение труда между полами — коллективная охота мужчин и собирательство женщин и детей. В то же время, для того чтобы коллектив представлял собой объединенное и обособленное целое, необходимы узаконенные нормы, регулирующие отношения между членами данного коллектива и соседних групп.

Ограничение действий, в особенности направленных на удовлетворение первейших биологических потребностей, означало возникновение конфликта, и данные о таких конфликтах, которые предоставляет в наше распоряжение археологическая летопись, относятся именно к этому времени. Один из неандертальцев, захороненных на горе Кармел, был убит деревянным копьем, которое пронзило его таз. У человека из Брокен Хилл на голове сбоку было круглое отверстие, которое могло быть сделано простым, заостренным в форме конуса деревянным копьем, хотя раненый и прожил еще некоторое время. На другом черепе, из Флорисбада (Оранжевое свободное государство), заметна трещина фронтальной кости. Сами по себе эти раны можно, безусловно, объяснить различными причинами. Они не обязательно должны были появиться в результате драки двух или нескольких членов коллектива, однако взятые во всей совокупности фактов они указывают на появление «социального сознания и самосознания» (вновь процитируем Кэмпбела), которое соразмеряло запросы индивида с потребностями коллектива, в котором он жил [там же, с. 320—321]. Эти данные, рассматриваемые вместе с фактами усилившейся региональной специализации, проявившейся с началом африканского «среднего каменного века», возможно, указывают на всевозрастающую заинтересованность коллектива в размерах своей территории.

Вместе с тем исследования в Ираке показывают, что для жизни общества рассматриваемого времени характерны не конфликты, а терпимость и забота о нетрудоспособных. Один из захороненных в пещере Шанидар неандертальцев имел серьезную травму руки, которая должна была мешать ему надлежащим образом выполнять свои обязанности в коллективе. Тем не менее после ранения он прожил несколько лет, что означает

терпимое к нему отношение и содействие со стороны сородичей, несмотря на его нетрудоспособность [234].

Достижение сознательности действий и объединения коллектива в единое целое, так же как и передача производственных навыков, осуществлялось в основном с помощью речи. В этой связи представляется вероятным, что первые реальные успехи в попытках передачи информации не только о материальных предметах, но и об абстрактных понятиях относятся именно к этому времени. На это указывает фактический материал, который, несмотря на свою ограниченность, свидетельствует, что жизнь неандертальского человека регулировалась ритуальными и правовыми нормами.

Было выдвинуто предположение, что речь в отличие от коммуникации при помощи звуков и жестов, возможно, находится в связи с необходимостью обозначения предметов [140, с. 439—457]. Для начальной стадии развития речи нет необходимости предполагать существование запаса слов большего, чем набор простейших и основных понятий, относящихся к охоте и собирательству или передаче информации о производстве орудий и приготовлении пищи. Способность к передаче информации — например, о том, что дичь, фрукты, вода и сырье для производства орудий встречаются в определенных местах, или о том, какие материалы и какая технология наиболее соответствуют изготовлению определенных типов орудий, или о том, как наиболее эффективно применять эти орудия (возможно, как ими правильно пользоваться), или же о содержании понятий времени и числа,— являлась основой для более тесной интеграции и развития более высокого общественного сознания, а также для повышения общей экономической эффективности коллектива.

Способность к общению при помощи слова лежит, по всей вероятности, в основе различных направлений культурного развития и разнообразия типов орудий, которое характеризует культуры верхнего плейстоцена, а также в основе возрастания числа экологических ниш и заселяемых в этот период стоянок. Если первые шаги на пути к социально дифференцированному и стабильному обществу были сделаны неандертальцем, то окончательно эта цель была достигнута лишь с появлением человека современного физического типа.

Основные культурные достижения, которые появились за последующие 35 тысяч лет и которые представлены африканским «средним каменным веком» и верхнепалеолитическими

культурами Европы и Азии,— развитие знаний в области техники и искусства, в области украшений, живописи, наскальных изображений и музыки, развитие эстетических критериев и этических норм,— настолько превосходят достижения прежних периодов, что не приходится сомневаться в обусловленности всех успехов *Homo sapiens* способностью говорить и обладанием полностью развитой системой языкового общения.

Быстроту, с которой были вытеснены все более ранние сапиентные виды, легче объяснить, если принять предположение, что язык в том виде, в каком он нам известен, был присущ лишь человеку современного физического типа. Обладание речью дало человеку способность делать заключения, выделять и распознавать явления, а коллективу людей — средство стабилизации общества (необходимого условия для развития цивилизации по установившимся за тысячелетия путям).

Глава V

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ОБЩЕСТВА ОХОТНИКОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ

Факт распространения около 35 тысяч лет назад *Homo sapiens* означает, что при исследовании последующих периодов археолог будет иметь дело с прагматическим умом современного человека, а также с новыми моделями образа жизни и верованиями, которые сложились в результате появления речи и языка. Это обеспечивает прочную основу для понимания модели образа жизни различающихся между собой специализированных коллективов охотников и собирателей конца верхнего плейстоцена. Теперь оказываются возможными более осмысленные параллели между образом жизни этих охотников и собирателей и народов, существовавших в недалеком прошлом, находившихся на сходном уровне общественного развития.

Возрастающее число обнаруженных предметов материальной культуры и ископаемых останков позднего плейстоцена и раннего голоцена дает также более точную информацию о доисторическом прошлом, кроющемся за генетическими и культурными различиями современных африканских народов. По мере приближения к нашим дням появляется все большее количество такого рода данных. Встречается больше захоронений и больше стоянок, распространившихся теперь в пределах всех доступных для обитания природных зон; во многих случаях прослеживается также культурное многообразие, о котором говорит, например, такой богатейший источник, как искусство наскальной живописи. Все это обеспечивает исследователью доисторического периода прочную основу для реконструкции истории социально-экономического развития. Безусловно, во многих отношениях эти данные все еще несовершенны и, по-видимому, они никогда не будут достаточно полными, чтобы обеспечить ту точность, которая характеризует археологию исторического периода. В наше время, однако, необходимо ясно

представлять, что археология доисторического периода, в сущности, скорее связана с общими процессами культурной эволюции, чем с последовательным рядом определенных событий или отдельными личностями. Обнаружение связей между недавним прошлым и современностью все более убеждает нас в достоверности реконструкции поздних этапов доисторического периода, и чем ближе мы к современности, чем больше пользуемся данными этнографии, лингвистики и этноистории, тем увереннее мы делаем какие-либо выводы.

Климат раннего голоцена

В конце верхнего плейстоцена и раннем голоцене окружающая среда вновь претерпела значительные изменения. Некоторые перемены, вероятно, совпали с колебаниями температурных поясов, хотя в тропиках и субтропиках эти колебания были не столь заметны, как, скажем, в Европе в ледниковом и послеледниковом периодах. Тем не менее изменения окружающей среды оказали, видимо, существенное влияние на образ жизни значительной части населения. Поздний плейстоцен, занявший период приблизительно от 15 до 10 тысяч лет назад, отличался прохладным климатом и незначительными испарениями на всем континенте [13, с. 125—147]. В некоторых областях Тропической Африки влажность и выпадение осадков были все еще выше современного уровня, однако в других районах, к югу от Сахары и на невысоких возвышенностях, начали, судя по полученным данным, доминировать более засушливые природные условия [195, с. 131—154]. Известно, что приблизительно с VIII тысячелетия до н. э. климат начал становиться более теплым и влажным. Этот процесс завершился около 2500 г. до н. э. [66; 136]. Данный период совпадает с бореальным и атлантическим периодами Европы. Восточноафриканские озера в рассматриваемое время содержали значительные массы воды, но спустя примерно четыре тысячи лет они начали высыхать [200, с. 290—291].

Сходные изменения произошли в Северной Африке и Сахаре. По имеющимся данным, около 11 тысяч лет назад в долине Нила преобладал влажный климат, однако к середине VIII тысячелетия в Нубии климат стал засушливым и Нил во время наводнений стал приносить сюда меньше воды. Впоследствии происходили дальнейшие колебания климата: последний влажный период длился приблизительно до начала III тысяче-

летия до н. э. До этого же времени были распространены крупная фауна и растительность в уздах. На это указывают петроглифы и другие изображения раннединастического периода, а также археологические находки. Пять столетий спустя, однако, и фауна и растительность исчезли, и установился чрезвычайно засушливый климат, который существует по сей день [37, с. 72—82].

В течение, вероятно, большей части верхнего плейстоцена северные и южные границы Сахары проходили на 60—125 километров ближе к центру пустыни, а уровень осадков, который ныне колеблется от $\frac{1}{4}$ до 3 дюймов, достигал 2—8 дюймов и даже более [181, с. 119—166]. Расположенный в Южном Феццане, на восточной оконечности тассилийского массива, один из богатейших в мире ансамблей первобытного искусства охватывает два влажных (около 5600—4000 лет до н. э. и 3500—2500 лет до н. э.) и два засушливых (промежуточный между этими влажными и последующий) периода, что хронологически соответствует сходным периодам Египта и неоднократно прослеживается в других областях Сахары [182, с. 215—240].

В конце плейстоцена и раннем голоцене Сахара, по всей вероятности, представляла собой в высшей степени благоприятную среду обитания для охотников, рыболовов и скотоводов. В местности, которая ныне является пустыней Тенере, между дюнами располагались пресноводные озера [124, с. 235—276, 313—328], оз. Чад занимало площадь, ровно в 8 раз большую, чем в настоящее время; плоскогорья были покрыты средиземноморскими лесами, и на всей территории распространились крупные животные [105, с. 230—245; 181, с. 170—190]. Начавшийся после V тысячелетия постепенный процесс высыхания обусловил, по-видимому, сложение современных границ Сахары, окончательно установившихся около середины III тысячелетия.

Последствия этих климатических изменений должны были сказаться не столько в областях с повышенным выпадением осадков, сколько в засушливых районах, где благоприятность или неблагоприятность для человека окружающей среды определяется даже малейшими колебаниями уровня осадков, влажности и температуры. Проведенные исследования показали, что засушливые климатические условия стимулируют более мобильный образ жизни человека и животных. Исходя из этого, можно предположить, что засушливый климат способствовал более быстрому и более широкому распространению

важных изобретений и производственных навыков, имевших прямое отношение к жизнеспособности коллектива. Подобные климатические условия вызвали, таким образом, необходимую адаптацию социальной и экономической структур тех обществ, на которые особенно повлиял новый климат.

*Общая модель археологических культур
раннего голоцена*

Итак, в основе многообразия типов археологических культур позднего плейстоцена и раннего голоцена лежали экологические перемены. Однако основным стимулом для возникновения социальных и экономических структур с менее подвижными границами, на что, собственно, и указывает разнообразие типов каменного инвентаря, служили, по всей вероятности, культурные контакты, диффузия и передвижения народов. Наличие множества сходных черт, позволяющих объединить различные археологические коллекции одного региона в культуры, наиболее вероятно, является, как мы уже видели, результатом приспособления к сходным условиям среды обитания. Вместе с тем указанные перемены можно рассматривать как результат длительной эксплуатации природных ресурсов при помощи более эффективных методов. Варианты, относящиеся к одному периоду и лишь незначительно отличающиеся друг от друга, как, например, «верхнепалеолитическая» коллекция орудий из Накифу в районе замбийского медного пояса и орудия, изготовленные из того же материала в Мучинге, в 400 километрах к северо-западу, следует, вероятнее всего, рассматривать как результат превосходства одного коллектива над другим. Такие варианты могут подчеркивать и особую специфику, например относительную изоляцию охотничьих коллективов, обитавших в те времена в редко заселенных саваннах Центральной Африки.

Коренные различия в технологии производства и типологии орудий неизбежно должны, однако, выходить за рамки простейших характерных различий. В ряде случаев (например, в долине Нила в конце плейстоцена) разнообразие типов орудий, не связанное, по-видимому, с природой использовавшегося сырьевого материала, предполагает наличие нескольких взаимосоключающих традиций. В настоящее время, правда, неизвестно, чем отличались производившие эти орудия народы: физическим типом или же иными немаловажными характеристиками.

Распространение культур позднего плейстоцена и голоцена [57]

В отношении поздних этапов доисторического периода Африки, как, впрочем, и других районов земного шара, часто выдвигались гипотезы о вторжениях на континент мигрирующих народов. Согласно этим гипотезам, в Африке мигранты продвинулись в области южнее Сахары; они принесли с собой новую технологию и новые типы орудий, которые впоследствии распространились в большинстве районов субконтинента. Эти волны белых и черных мигрантов, которые захлестнули Африку, как гунны Европу, согласно различным точкам зрения, либо вытеснили местное, более древнее население, либо ассимилировались с ним. В подтверждение миграционной теории приводились результаты изучения ископаемых останков, обнаруженных в Африке южнее Сахары; эти результаты свидетельствуют о несомненных различиях в физическом типе обитавших здесь людей. Кроме того, исторический материал предоставляет в наше распоряжение множество примеров, которые могут служить доказательством существования крупных миграций народов в более позднее время.

Однако возрастающее количество предметов материальной культуры и ископаемых останков, относящихся к периоду до распространения производящего хозяйства и обусловленного им всеобщего роста населения, указывает на то, что проведение аналогий с историческим временем не только неблагоприятно, но и ошибочно. Более полное понимание природы и форм миграций банту, происходивших с начала нашей эры, также делает в высшей степени невероятным существование в первоначально предполагавшихся масштабах каких-либо передвижений народов в ранние доисторические времена.

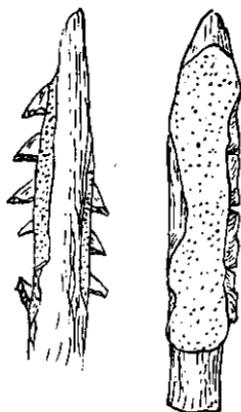
Это, естественно, не означает, что все прослеживаемые в постплейстоценовых культурах каменного века изменения могут быть объяснены в рамках автохтонного развития. Миграции и передвижения народов, безусловно, имели место, и мы видели это на примере распространения атерского культурного комплекса в Сахаре, по-видимому в то время необитаемой. Но поскольку помимо передвижений народов существует множество иных факторов, вызывающих изменения в археологических культурах, необходимо удостовериться в надежности материала, прежде чем приписывать подобные изменения действию миграций. Для находившихся в полуизоляции, но обладавших высокой мобильностью коллективов охотников и собирателей, не враждовавших между собой из-за земель и вод в той степени, какая была характерна для земледельческих народов позднего

времени, наиболее важным фактором в историческом развитии явилась, вероятно, диффузия, обусловленная культурными контактами. Замечено, что в Африке, подобно другим районам земного шара, изобретения или производственные навыки, стимулирующие выбор источников питания, способствующие повышению качества пищи и более легкой ее добыче, а также имеющие престижную ценность, несомненно, будут взяты на вооружение, даже если в силу традиционного консерватизма и предрассудков этот процесс на некоторое время замедлится. Поэтому в отношении первобытных охотников и собирателей наиболее правдоподобной, по всей вероятности, кажется гипотеза о распространении не столько народов, сколько представлений и навыков. И этой гипотезе, пожалуй, не найти лучшего подтверждения, чем распространение на Африканском континенте техники микролитов, которое началось около 15 тысяч лет до н. э.

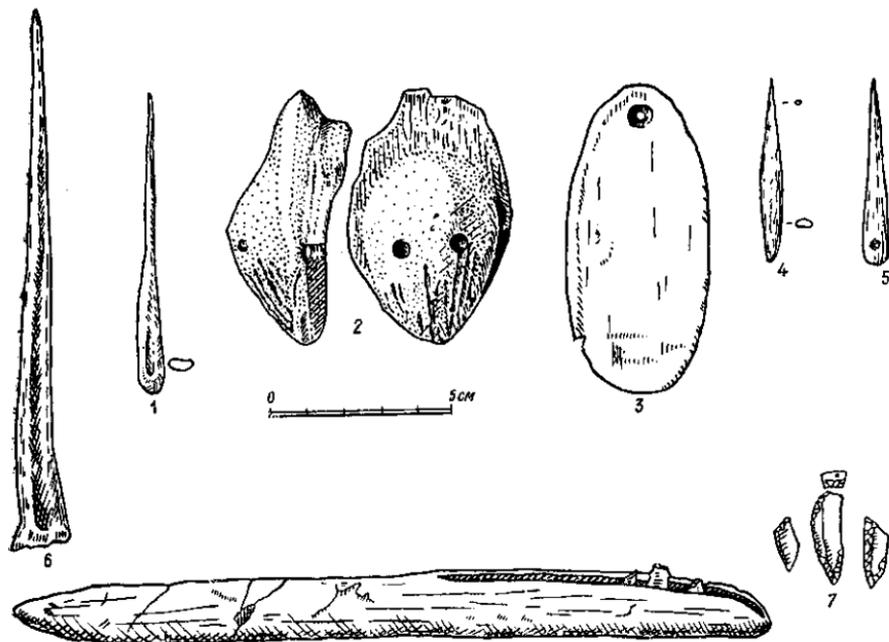
Микролитическая техника

Микролиты представляют собой небольшие пластинки или отрезки ножевидных пластин и отщепов, часто (но не всегда) геометрической формы, которые при помощи ретуши затуплялись с одного или нескольких краев, противостоящих острой рабочей части. Затупленные концы позволяли прикреплять рукоятку, а из нескольких микролитов, закрепленных при помощи смолы, изготовляли составные виды орудий и оружия. Для подобных целей можно было использовать камедь и различные виды растительных смол, которые встречаются в природе и в настоящее время. Какое именно вещество применялось, зависело от растительности каждого отдельного региона. В разогретом состоянии такие смолы тягучи, а при охлаждении они становятся твердыми, обеспечивая достаточно жесткое и прочное сцепление.

Микролиты использовались в качестве зубцов у гарпунообразных дротиков, как наконечники стрел, составные части лезвий для ножей, серпов, пил и т. п. В этот период каменные рабочие части прочих орудий также имеют тенденцию к уменьшению, на что указывают, например, скребки и разнообразные формы лезвий топоров и тесел. Поскольку для изготовления микролитов требовались лишь небольшие каменные фрагменты, теперь в этих целях могли применяться наиболее подходящие мелкозернистые породы. В бассейне Конго и юго-западной части

Микропластины и микролиты, укрепленные при помощи смолы в специальных отверстиях основы, образуют зубы метательного орудия и лезвие ножа

Украшения и костяные орудия из Северной Африки [41]:
 1—шило (верхний капсий, Айн-Рилано); 2—антропоморфная маска (известняковая плита, верхний капсий, Эль-Мекта); 3—костяная подвеска (неолит, Редейеф); костяная проколка (неолит, Бу Забуин); 5—игла (неолит, Дар-эс-Солтан); 6—костяное сверло (оранская культура, Тамар Хат); 7—«серп» с микролитами, закрепленными в специальных отверстиях в костяной ручке, в половину натуральной величины (верхний капсий, Колумната)

Капской области на смену кварциту приходит халцедон. В большинстве районов центральноафриканских саванн вместо пятнистого жильного кварца применяется кристаллический кварц. В областях южно-африканского Высокого Велда наряду с затвердевшими сланцевыми глинами теперь используются агат, халцедон и кремнистый известняк. В нубийской части долины Нила, наконец, для некоторых поздних культур характерно использование только нильского кремнистого известняка, встречающегося здесь в виде галек небольших размеров.

Имеются также данные, что в некоторых коллективах для изготовления проколов и украшений в это время использовалась кость, а иногда и слоновая кость. Несмотря на то что спорадическое применение этих материалов продолжалось в течение длительного времени (как, например, в пещере Брокен Хилл, где были обнаружены сверла и орудия типа шпателя, или в Нубии — орудия поздних, около 15 800 лет до н. э., этапов хормусанской культуры), тщательная обработка костяных орудий появилась и начала распространяться лишь к концу плейстоцена. Из кости выделялись в основном сверла и проколки: примером может служить каданская культура¹ Нубии (приблизительно 10 600—9600 лет до н. э.), восточнооранская культура пещеры Хауа Фтеах (примерно 13 000—7000 лет до н. э.), капсийская и оранская культуры Магриба, а также помогванская культура Родезии (около 7450—5740 лет до н. э.). Для поздних этапов особенно характерно использование кости для древков и наконечников стрел, причем последние, несомненно, насаживались так, как это делают в настоящее время и бушмены Калахари.

Новые составные орудия явно имели ряд преимуществ перед старым макролитическим инвентарем. Разборные, они снабжались рукояткой, установленной в наиболее удобном положении, а их составные части обладали небольшим весом и были легки в транспортировке. Что касается стрел, то они могут показаться слишком легким оружием для охоты на антилопу или буйвола, однако с наконечниками, смоченными ядом, они становились грозным оружием.

Где и когда были изобретены лук и стрелы, до сих пор нельзя сказать со всей определенностью. Не подлежит сомнению, что столь значительное изобретение должно было весьма

¹ Название культуры является искажением названия небольшого холма — Джебель абд-эль-Кадир, близ которого были сделаны находки этого материала.

быстро распространиться за пределы района своего появления, вне зависимости от того, где это произошло. Первые свидетельства использования лука, обнаруженные на северогерманской равнине, относятся к IX тысячелетию до н. э. Представляется вероятным, однако, что небольшие черешковые зазубренные остроконечники, датируемые североафриканским поздним атером, могли служить наконечниками стрел еще раньше. Есть основания полагать, что лук и стрелы к IX тысячелетию до н. э. были также известны (хотя, возможно, и не всегда применялись) в Африке южнее Сахары, где в Замбии и бассейне Конго встречаются микролитические коллекции этого периода. Наскальная живопись убедительно свидетельствует об использовании лука в Сахаре начиная с VI тысячелетия. В Замбии на одной из стоянок, датируемых серединой III тысячелетия, был обнаружен подлинный фрагмент лука [89, с. 246—261]. Между прочим, эта стоянка — Гвишо Спрингс, расположенная у границы травянистых степей, известных под названием равнин Кафуэ, дала также интересные данные о возможном использовании в рассматриваемый период ядов: здесь были обнаружены многочисленные стручки кустарника *Swartzia*, которые в настоящее время бушмены Калахари употребляют для изготовления отравленных стрел. Эта находка приобретает еще большее значение в свете того факта, что все другие растения, остатки которых обнаружены в различных количествах в Гвишо Спрингс, относятся к съедобным видам и, несомненно, доставлялись на стоянку для употребления в пищу².

Для производства микролитов необходимы, как правило, ножевидные пластины, откальваемые от ядрищ при помощи отбойника. Этот способ особенно эффективен для получения узких удлиненных заготовок, из которых можно было сделать множество разнообразных орудий. Там, где сырьевой материал встречается в больших количествах (как, например, на тунисском плато с его эоценовыми отложениями кремнистого известняка и кремния), для производства микролитов ножевидные пластины должны были иногда раскалываться на куски необходимой длины. Обычно, однако, ядрища были небольших размеров, что позволяло получать пластины и отщепы желаемой длины.

Одно время бытовало мнение [254, с. 257—290; 239, с. 797—

² Из неопубликованной работы Б. М. Фэгэна о растительных остатках, обнаруженных в горячих источниках Гвишо (Лочинвар, Замбия).

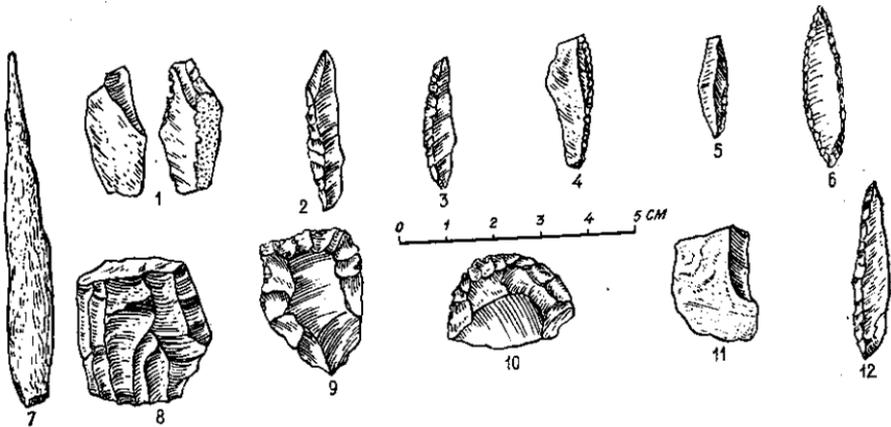
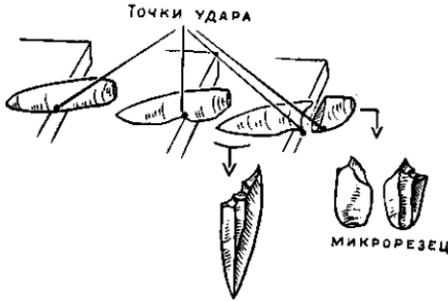
808] (оно, безусловно, существует и по сей день), что использовавшийся для раскалывания удлиненных отщепов особый способ прорезки, получивший название микрорезцово́й техники, был обусловлен наличием определенных культурных и генетических связей. Таким образом, тот факт, что эта техника (или ее модификации) широко представлена во многих районах континента, в свое время интерпретировался в качестве доказательства передвижений народов, распространявших указанную технику. Подобное истолкование нельзя отбросить при рассмотрении тех районов (Кения Рифт, например), где о таких миграциях свидетельствуют дополнительные данные. Однако по отношению к другим областям (например, водопад Каламбо или бассейн р. Оранжевой) нет оснований предполагать, что за микрорезцово́й техникой скрывается что-либо более сложное, чем технологически оправданный продольный раскол удлиненного отщепа в определенной точке.

Отщепы, сколотые прямым ударом, использовались в Северной Африке с конца среднего плейстоцена, а в Африке южнее Сахары — со времени первого межледникового периода. Вместе с тем типичная культура верхнего палеолита — даббская, для которой характерно использование ножевидных пластин, изготовлявшихся при помощи отбойника, прослеживается в Киренаике начиная с периода около 40 тысяч лет назад. Если археологические орудия верхнего палеолита были несколько совершеннее орудий, изготовлявшихся из уже обработанных ядрищ, то неясно, почему даббская культура не распространилась в течение короткого времени в Северной и Южной Африке, подобно тому как этот тип культур распространился в Европе и Азии. По всей очевидности, она не совсем подходила к африканским природным условиям. Лишь с XV тысячелетия до н. э. в Северной Африке

Серповидный отщеп типа скобеля из кремнистого известняка, укрепленный при помощи смолы, в рукоятке из рога носорога. Пещера в Плеттенберхбей (восточная часть Капской провинции) [54]

Возможная интерпретация микрорезцово-техники. Для того чтобы расколоть ножевидную пластину, ее помещают на камень-«наковальню»; с помощью каменного молота на ней делают выемку. Когда выемка становится достаточно глубокой, пластина раскалывается на две части. Большая из них, с характерным следом, выбрасывается; верхняя часть подвергается дальнейшей обработке, и из нее выделяется микролит, часто геометрической формы. (По Ж. Тиксье).

Орудия оранской (иберо-маврской) культуры из слоя VII пещеры Тафралът, Марокко (по Ж. Рошу):

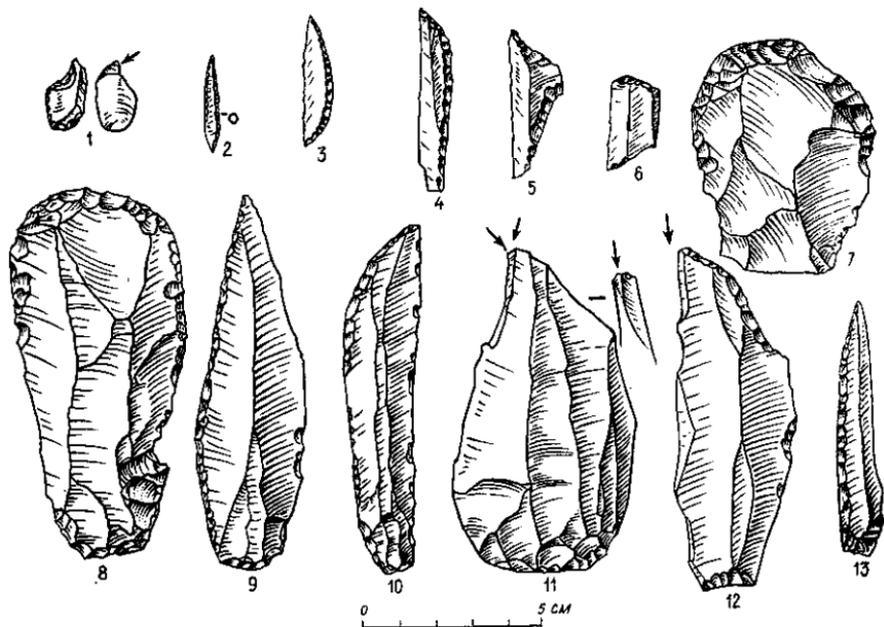
1 — микрорезец; 2—5 — микропластина со спинкой; 6 — пластина с двумя спинками; 7 — костяная проколка; 8 — нуклеус, от которого откалывались микропластины; 9—10 — короткие концевые скребки; 11 — резец; 12 — микропластина со спинкой и подретушированным основанием. Кремль и кремнистый известняк

обнаруживаются следы широкого распространения техники изготовления ножевидных пластин при помощи отбойника. В этот период в Северо-Восточную Африку широко проникает, вытесняя даббскую культуру в Киренаике [177, с. 185—228], оранская традиция изготовления ножевидных пластин не-

больших размеров. Предположительно сходные с ней археологические коллекции долины Нила также демонстрируют общее уменьшение размеров орудий с затупленной спинкой, многие из которых достигают теперь размеров микролитов; в это время в Африке начинают использоваться и микрорезцы. Исходя из этого, появляется возможность предположить, что распространение по континенту микролитической технологии, основанной на применении отщепов и небольших ножевидных пластин, изготовлявшихся при помощи отбойника, было вызвано потребностью в небольших отщепах и пластинах для производства составных орудий.

Неизвестно, было ли это первоначально связано с распространением лука и стрел, однако в таком предположении нет ничего невероятного. Захоронения позднего плейстоцена в Джебел Сахаба, к северу от Вади Хальфа в Суданской Нубии, датируемые XII—X тысячелетиями до н. э., содержали останки большого количества людей, погибших насильственной смертью [262, с 954—955], Судя по костям, все они были убиты оружием, имевшим в качестве наконечника микролиты или другие небольшие каменные вкладыши. В одном из захоронений было обнаружено 110 таких вкладышей. Их расположение заставляет предполагать, что они поразили покойника, будучи наконечниками метательных орудий; два из них так и застряли в черепе. В костях других пяти захороненных также были обнаружены застрявшие каменные орудия. Кажется наиболее вероятным (хотя это, безусловно, нельзя утверждать со всей определенностью), что мы имеем дело с наконечниками стрел, а не копий. Если бы эти наконечники насаживались на копьё, то естественно было бы ожидать более глубокого входного отверстия раны, куда проникло коническое острие использовавшегося оружия.

Оранский культурный комплекс и коллекции изготовленных при помощи отбойника ножевидных пластин из долины Нила представляют собой интересное явление, поскольку маловероятно, чтобы они могли эволюционировать из даббской или атерской культур с их весьма отличной технологией изготовления отщепов и ножевидных пластин. Оранская культура внезапно появляется как в Киренаике, так и немного спустя в Магрибе, и представляется вероятным, что она могла быть привнесена сюда извне, возможно, из Юго-Западной Азии, где были распространены верхнепалеолитические культуры ножевидных пластин, с которыми она могла быть связана. Вместе с тем нет ничего невероятного в том, что она могла прийти с

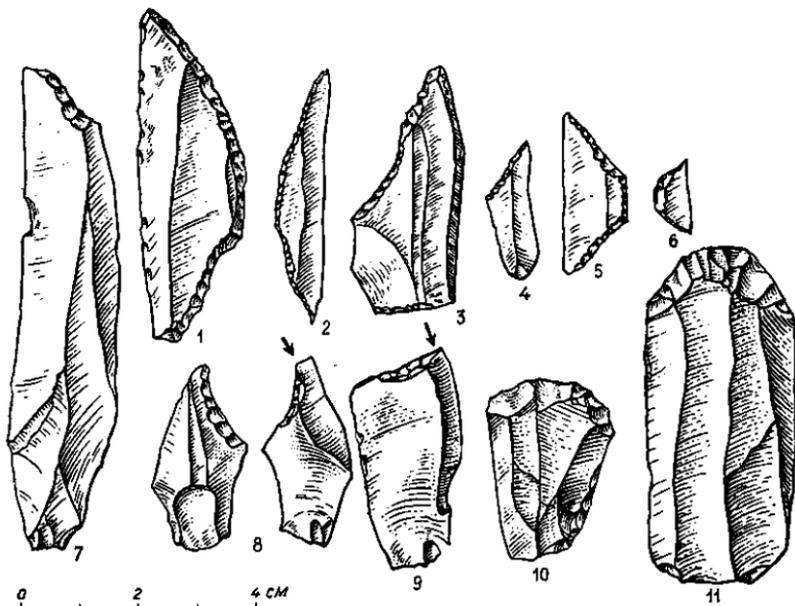

Характерные орудия капсийской культуры из Эль-Мекта (Тунис) [254]:

1 — микроросец; 2 — шило; 3—6 — микролиты; 7, 8 — концевые скребки; 9, 10, 13 — ножевидные пластины со спинкой; 11—12 — резцы. Кремень

Иберийского полуострова. В то же время, учитывая, как мало нам известно из археологии районов возвышенностей у Красного моря, было бы неблагоприятно делать слишком далеко идущие предположения о привносном характере оранской культуры, что до сих пор остается недоказанным.

Сходные проблемы возникают при рассмотрении капсийской и ливийско-капсийской (в Хауа Фтеах) культур. На некоторых стоянках они следуют за оранской культурой, а также совпадают по времени с ее поздними этапами. Существует определенное сходство между верхнепалеолитическим пещерным искусством Сицилии и наиболее ранними петроглифами Северной Сахары, что предполагает для этого периода возможность связей с Южной Италией. Капсийская культура неотделима от огромных раковинных холмов: раковины улитки *Helix* являлись для населения тунисского и восточноафриканского плато основным источником пропитания [254, с. 127—254]. О происхожде-

Орудия кенийско-капсийской культуры (фаза А) из Гемблейской пещеры (Кения) [146]:

1—3, 7—ножевидные пластины и микропластины со спинкой и усеченной верхушкой; 4—6—микролиты; 8—микрорезец; 9—угловой резец; 10, 11—концевые скребки. Обсидиан

нии этих культур возможно лишь делать предположения; в настоящее время более реалистично искать их корни на территории Северной Африки, а не за пределами континента.

На приозерных стоянках Грегори Рифт была открыта отчасти сходная культура, получившая название кенийско-капсийской. Ее начальные этапы датируются столь ранним временем, как VI и, возможно, даже VIII тысячелетие до н. э. [83, с. 158; 256, с. 672—673; 146, с. 90—171]. Основной характеристикой этой культуры является использование удлинённых ножевидных пластин из обсидиана, подобных орудиям из мелкозернистого эоценового кремня у капсийцев Северной Африки. В обоих случаях форма орудий была до некоторой степени обусловлена природой сырьевого материала. Типология орудий, безусловно, объединяет обе культуры более чем что бы то ни было. При этом, однако, нельзя забывать, что в доисторическом отношении Северо-Восточная Африка совершенно не изучена,

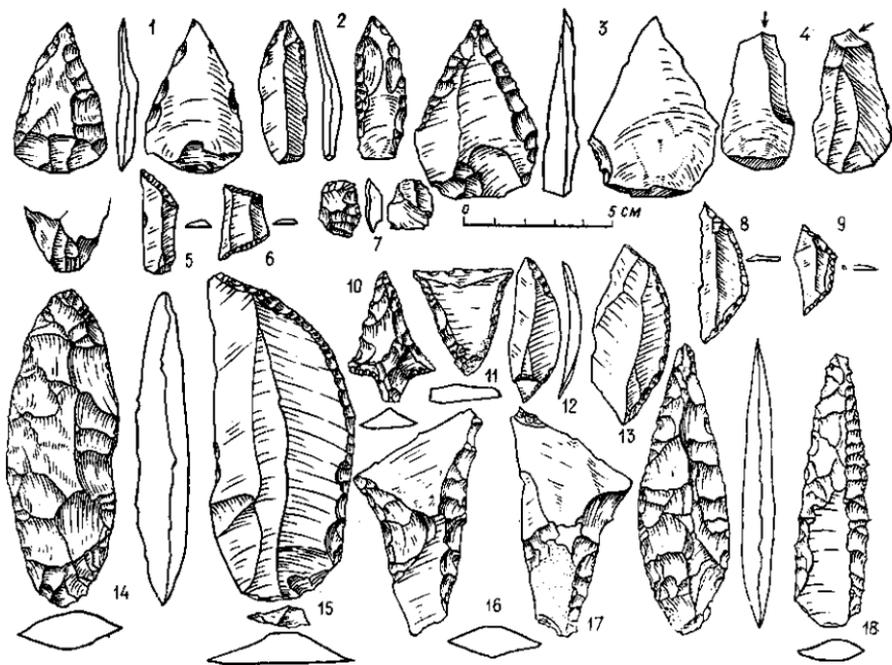
поэтому не исключена возможность, что кенийско-капсийская культура, как и малоизвестная харгейсанская культура ножевидных пластин из района Африканского рога [50, с. 218—255], имела связи с Северной Африкой через Эфиопское плато.

Приблизительно с XV тысячелетия до н. э. во многих областях Африки южнее Сахары техника изготовления ножевидных пластин при помощи отбойника распространяется в соединении с орудиями, относящимися к так называемым магозийским культурам [54, с. 166—184; 68, с. 153—167]. Последние представляют собой сочетание развитой техники «среднего каменного века», основывающейся на обработке дисковидных нуклеусов и технологии леваллуа, и техники «позднего каменного века» с ее производством микролитов из ножевидных пластин, изготовленных при помощи отбойника. Магозийские орудия свидетельствуют о появлении более совершенных способов обработки, а также о применении техники отжимной ретуши для изготовления листовидных и треугольных наконечников стрел и дротиков, которые ранее не встречались в южной части континента. Небольшие ядрища, от которых откалывались ножевидные пластины, вероятно, зажимались между пятками, как это до сих пор делается в Северо-Восточной Анголе и Северо-Западной Замбии при изготовлении оружейного кремня. Это один из наиболее характерных и существенных этнографических пережитков. Что же касается отжимников, то они, по-видимому, изготовлялись из рога при помощи молотка из твердых пород дерева [54а, с. 171—183].

Известна коллекция магозийских орудий из горной пещеры в Хоуисонс Пурт, в восточной части Капской области; она датируется приблизительно XVIII тысячелетием до н. э. В бассейне Конго существовал находившийся на том же этапе развития материальной культуры комплекс, известный под названием «лупембе-читольский». Для него характерна тщательная двусторонняя обработка орудий, а также появление новых форм: топора «транше» и орудий с затупленной спинкой, изготовлявшихся из фрагментов ножевидных пластин и отщепов.

Происхождение африканских рас

Именно с завершающего периода плейстоцена мы можем проследить возникновение автохтонных африканских рас: средиземноморской, негроидной и бушмено-готтентотской. Большая часть ископаемых останков относится к концу плейстоце-

Орудия культуры Хоуисонс Пурт (1—9) из окрестностей Грейамстауча, восточная часть Капской области (по Дж. Дикон):

1 — остроконечник с частично двусторонней обработкой; 2 — отщеп кагуа; 3 — остроконечник с односторонней обработкой; 4 — резец; 5 — ножевидная пластина с усеченной верхушкой; 6 — трапециевидный микролит; 7 — небольшой скребок с выгнутым рабочим краем; 8, 9 — сегментовидные микролиты. 7 — кристаллический кварц, остальные — кремнезем.

Орудия лупембе-читольской культуры (10—18) из Мбаламбалы, Дундо, Ангола (по Дж. Д. Кларку):

10 — черешковый наконечник с двусторонней обработкой; 11 — топор «транше» с односторонней обработкой; 12, 13 — ножевидные пластины со спинкой; 14 — ножевидное рубило с двусторонней обработкой; 15 — отщеп со спинкой; 16 — топор «транше» с двусторонней обработкой; 17, 18 — остроконечники с двусторонней обработкой. Полиморфный песчаник и халцедон

на или раннему голоцену, однако встречаются и более древние находки. Множество ископаемых останков явно свидетельствует о древности и широком распространении многочисленной койсанской расы. Об этом, в частности, говорят открытие массивного флорисбадского человека (Оранжевое свободное государство), который жил, возможно, 40 тысяч лет назад [240, с. 191—204], находка черепа, датирующегося приблизительно

17 тысячами лет, в Синга, близ Хартума [240, с. 199; 260, с. 29—41], а также множество других, в основном менее древних, ископаемых останков. По мнению ряда специалистов, останки людей койсанского типа, обладавших большим мозгом, относятся к так называемой боскопской расе (по названию местечка в Трансваале, где впервые были сделаны эти находки). Вместе с тем заметные различия в самом ископаемом материале, а также его плохая сохранность в настоящее время делают подобное заключение преждевременным, если даже не вводящим в заблуждение. В Южной Африке древнейшие останки койсанского, или бушменского, населения относятся к периоду лишь около 11 тысяч лет назад; они были обнаружены в нижних слоях пещеры Матжес-Ривер на южном побережье [163]. Исходя из этого, можно заключить, что именно тогда в южных районах континента произошло разделение народов, нареченных не совсем точно бушменами и готтентотами. Эти народы эволюционировали от общего предка в течение относительно длительного периода — верхнего плейстоцена. Еще один ископаемый человек из Южной Африки — из Твин Плаатс, позднеплейстоценовой стоянки в Северном Трансваале, — отличается смешанными негроидными и бушменскими чертами [132; 246, с. 125—127].

До сих пор нам известно очень немного о происхождении негроидной расы. По мнению одних исследователей, негроиды появились в Африке недавно; другие находят достаточно оснований считать, что, подобно бушменам, негроиды ведут свое происхождение от древнейшего африканского населения, которое представлено ископаемыми останками в Канжере. В своем развитии предки современных негроидов, безусловно, претерпели ряд эволюционных изменений, обусловленных отбором, генетическим дрейфом, подвижностью людских коллективов, непосредственным влиянием окружающей среды на фенотип, а также на скрещивание и интербридинг.

Установить действительное происхождение негроидов весьма сложно, поскольку их прародина или район, предположительно за нее принимаемый, находится в Западной и Экваториальной Африке, где не сохраняются ископаемые останки. Поэтому ископаемый материал встречается, как правило, лишь в окраинных районах тропического леса и в большинстве случаев имеет сравнительно позднее происхождение.

Исходя из сказанного, понятен особый интерес, который представляет пещерное захоронение, обнаруженное в 1965 г. в

Иво Элеру, близ Бенина, в районе нигерийского тропического леса; радиоуглеродным методом оно датируется приблизительно 11 тысячами лет назад (9250 ± 200 лет до н. э.). Вместе с костяком были обнаружены микролитические орудия, и, хотя подробный отчет о раскопках до сих пор не опубликован, предварительное обследование дает возможность предположить, что костяк этот принадлежал негроиду, сохранившему, однако, некоторые примитивные архаичные черты [191, с. 48; 219].

Ископаемые останки, также имеющие отношение к интересующему нас вопросу, были обнаружены на прибрежной стоянке рыболовов у оз. Эдуард, датируемой, вероятно, VII тысячелетием до н. э. Тогда как череп обладает малым количеством черт, сходных с негроидными, и все еще сохраняет примитивные черты, характерные для не претерпевших эволюционных изменений предков, кости конечностей отличаются общей стройностью, типичной для классического западноафриканского негроидного типа [248].

Множество находок, датируемых в основном периодом приблизительно между 5400 и 1300 г., было сделано в Сахаре. По морфологическому признаку все эти находки были разделены на три группы: с характерными западноафриканскими негроидными чертами (например, ископаемые останки, обнаруженные в Ибалагене, Тин Лалу и Асселяре и датируемые в настоящее время около 4440 г. до н. э.); с более грубым сложением и некоторыми архаичными чертами и вместе с тем сходные с суданским негроидным типом (ископаемые останки из Тамайа Меллет, Эль Геттар и Таманрассета), а также останки, принадлежавшие высоким, стройным негроидным видам с удлинёнными чертами лица (Эль Геттар № 1). Все эти палеоантропологические находки не дифференцируются по регионам, хотя является очевидным, что в постплейстоценовый период Сахару населяли народы, относившиеся к нескольким древним расовым типам и подтипам [45, с. 15—99].

Негроидные суданские черты прослеживаются также у ископаемых людей, обнаруженных на нильской стоянке рыболовов «Ранний Хартум», датирующейся, вероятно, V тысячелетием до н. э. или ранее [82]. То, что негроиды обитают на верхнем Ниле в течение длительного времени, не вызывает сомнений, и можно полагать, что ископаемые останки из позднеплейстоценовых захоронений каданской микролитической культуры (в Джебель Сахаба) помогут пролить дополнительный свет на эту проблему. Морфологические черты данного иско-

паемого материала до сих пор, к сожалению, не установлены, и специалисты расходятся во мнениях, относить ли людей каданской культуры к суданским негроидам или же к другому расовому типу, отличающемуся высоким ростом и крепким сложением и получившему название по двум стоянкам в Магрибе «раса Мешта-Афалу». Представители последней связаны с оранской культурой Северо-Западной Африки [33; 93]. Вместе с тем один или два обнаруженных в Юго-Восточной Сахаре костяка также обладают чертами, присущими и людям Мешта-Афалу. Поэтому, если между указанными двумя расовыми типами и не существует (что является общепризнанным) прямой связи, которая могла бы возникнуть как следствие переселений народов, то нет ничего невозможного в том, что северо-западный африканский тип и население Верхнего Нила, создавшее весьма сходную (каданскую) культуру, могли произойти от общего предка где-нибудь в Северной Африке или, возможно, в Юго-Западной Азии.

Негроидное население Сахары явно не имеет никакого отношения к расе Мешта-Афалу, однако выделенный в Северо-Западной Африке другой расовый тип, по утверждению исследователей, связан с ней более близко. Указанный тип менее известен по сравнению с Мешта-Афалу, он появляется несколько позже, и в раковинных кучах принадлежащие ему ископаемые останки связаны с орудиями капсийской культуры. Люди этого типа имели менее крепкое сложение, они были стройны, обладали удлинненными черепами и лицами; все это сближает их с архаичным средиземноморским типом [249, с. 102—104; 14, с. 193—195].

В этой связи особый интерес имеет то, что ископаемые останки, связанные с кенийско-капсийской и другими, более поздними родственными культурами Восточной Африки, также принадлежат расовому типу с удлинненными черепами, представители которого обладали высоким ростом, что и позволило назвать этот тип афро-средиземноморским [147; 260, с. 183—185; 73, с. 634—635]. Фрагменты костяков, обнаруженных в уилтонских слоях (± 3000 лет до н. э.) пещеры у Матжес-Ривер на южном побережье ЮАР, также были признаны небушменскими. Их связывают с ископаемыми останками долихоцефальных людей, найденными в Кении. Однако, прежде чем предполагать какое-либо распространение на юг древнего средиземноморского расового типа, необходимо удостовериться, что указанные ископаемые останки представляют население, доста-

точно отличное от современных народов Восточной Африки и Верхнего Нила. Это необходимо для предотвращения такой ситуации, когда мигранты оказались бы предками одного из этих народов (в особенности нилотов), претерпевшими в конечном пункте миграций ряд эволюционных изменений.

Прежде чем станет возможным в полном объеме воссоздать картину образования автохтонных африканских народов, понадобятся большие по масштабу исследования и большее количество материала. В настоящее время, однако, вырисовывается картина развития двух основных рас — негроидной и койсанской, а также нескольких расовых подтипов. Койсанская раса была широко распространена в саваннах и травянистых степях Восточной и Южной Африки, где впоследствии произошло генетическое размежевание небольшого числа бушменов и многочисленных готтентотов. Негроиды развивались в лесных и саванных областях Западной Африки, где в дальнейшем выделились дополнительные расовые подтипы.

Серологические и прочие генетические параллели между бушменами, готтентотами и негроидами, несомненно, свидетельствуют об их общем генофонде, хотя морфологические и генетические признаки указывают на длительный период относительной изоляции, в течение которого каждая из указанных рас развивалась самостоятельно путем приспособительного отбора, мутаций и следующего за скрещиванием обширного увеличения генотипов [228, с. 168—176; 243, с. 112—200].

В какой степени окружающая среда способна обуславливать морфологические изменения, видно на примере пигмеев конголезских лесов. Наиболее древний археологический материал из основных лесных районов относится к позднему периоду второй половины «среднего каменного века», и кажется вероятным, что до этого времени лесные районы не использовались человеком для постоянного обитания.

То, что эволюция пигмеев за последние 20 или менее тысяч лет была обусловлена скорее генетической приспособляемостью, а не скрещиванием, подтверждается тем, что банту, переселившиеся в лесные районы всего лишь несколько столетий назад, оказались к настоящему времени морфологически близкими к пигмеям и отличными от населения саванн, от которого они отделились. Это показывает, что конвергентное развитие морфологических черт в районах тропического леса явилось основным фактором, вызвавшим отмеченную близость [115, с. 92—110].

Генетическое происхождение древних североафриканских рас до сих пор остается невыясненным. Однако, прежде чем искать решение проблемы за пределами континента, следует рассмотреть такую возможность — не могли ли эти народы претерпеть эволюционные изменения в результате мутаций, отбора и расхождения со своими предками — народами начала позднего плейстоцена, поскольку жаркий и сухой климат способствует отбору таких характеристик, как высокий рост, стройное сложение и уменьшение веса.

Постепенно становится ясным, что распространение африканских рас (за исключением бантуязычных народов) в Сахаре и к югу от нее происходило в глубокой древности — вплоть до 10 или более тысяч лет назад. В те времена бушмены и готтентоты, негроиды и афро-средиземноморские народы в большинстве своем заселяли те же районы, что и в настоящее время, хотя, безусловно, в ряде случаев их нынешнее расселение не соответствует в точности расселению тех дней.

Интенсивное собирательское хозяйство народов долины Нила

В период между концом плейстоцена и появлением производящего сельского хозяйства, т. е. приблизительно между 5000 и 3200 лет до н. э., в долине Нила сложилась чрезвычайно интересная ситуация. Мы встречаем здесь сосуществование культурных традиций, сохранивших свою самобытность вопреки возможности взаимодействия и свободного обмена идеями. Ухудшение климата в конце плейстоцена и начале постплейстоцена, вероятно, вынудило народы, создавшие эти традиции, к существованию в большей близости друг от друга, чем ранее, а истощающиеся ресурсы пустыни придали особое значение заселению самой долины Нила, результатом чего явилась концентрация там населения [37, с. 74; 230, с. 326—355].

Себильская культура (около 13 000—9000 лет до н. э.) представляет собой продолжение среднепалеолитической традиции, приведшей к производству микролитов геометрической формы. Каданская (около 12 500—4500 лет до н. э.) — культура микролитов, изготовлявшихся из небольших отщепов лучевой формы и ножевидных пластин. Сильсильская (около 13 000 лет до н. э.) — также микролитическая культура, однако отличающаяся использованием микрорезцовой техники для изготовления больших орудий или пластин и рядом черт, сближающих ее с оранской культурой Северо-Западной Африки. Для себекской

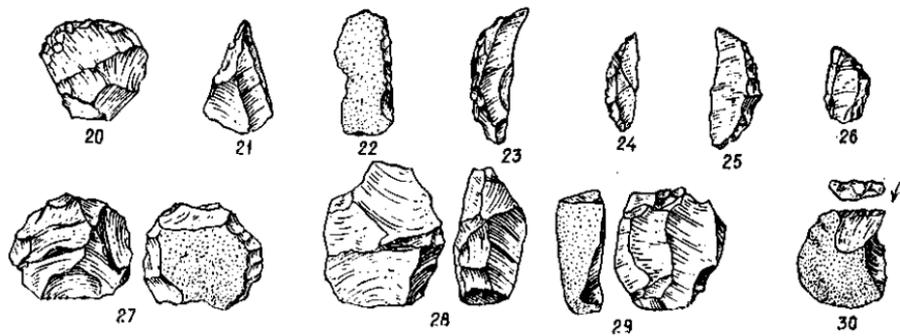
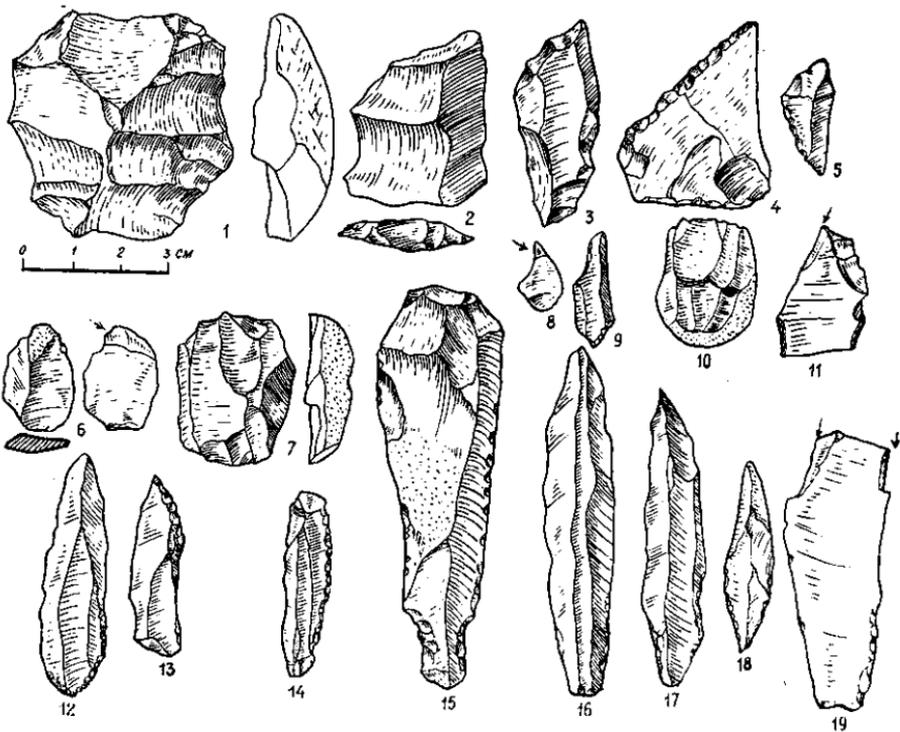
культуры (около 13 000—12 000 лет до н. э.) характерно преобладание удлинённых ножевидных пластин при отсутствии микрорезцово́й техники.

Экономическую основу жизни носителей этих культур составляла охота на крупных саванных животных — буйволов, коровьих антилоп, газелей и гиппопотамов, которые изобиловали в этих районах. Практиковалось и рыболовство, а начиная с периода около 12 тысяч лет назад в некоторых местностях стали собирать и толочь дикорастущие злаки [107]. Количество верхних и нижних частей зернотерок на некоторых стоянках указывает на особую роль, которую приобрели в это время хлебные злаки. Именно при подобной ситуации можно ожидать начала сознательного посева злаков, приведшего к возникновению земледелия и в конечном счете сложению цивилизации династического периода.

Могильник в Джебель Сахаба и находящийся поблизости, на другой стороне Нила, еще один подобный могильник свидетельствуют о длительном существовании коллективов, больших по численности, чем предполагалось в результате исследования индивидуальных жилищ, разбросанных на территории, выходящей к реке, и занимавших, как кажется, четко очерченное защищенное пространство. Если общее количество людей — мужчин, женщин и детей (последних было 24 из 59, т. е. более 40% захороненных), — погибших от ранений, является характерным, то должно было существовать постоянное соперничество за права в охоте и собирательстве, а также за благоприятные для рыбной ловли участки на реке [262, с. 954—955].

Использование морских и пресноводных пищевых ресурсов

Рыба является особо важным источником протеина, и начиная с VI тысячелетия до н. э. или, возможно, несколько ранее мы наблюдаем усиление роли рыболовства и использования прочих фаунистических и растительных пищевых ресурсов озер и рек. Многочисленные доказательства существования прибрежных коллективов рыболовов, пользовавшихся костяными гарпунами и рыболовными крючками и к тому же охотившихся на крокодилов и гиппопотамов, имеются в долине Нила и районе озер, некогда существовавших в Южной и Центральной Сахаре [10; 263, с. 1—46; 181, с. 170—190]. Такие же коллективы известны и к югу от Сахары: по берегам оз. Рудольф (около V тысячелетия до н. э. [201, с. 69—73]), в пещере Гембл

на берегу оз. Накуру в Грегори Рифт [190, с. 86—87] и в Западном Рифте, в Ишанго, на берегу оз. Эдуард (VII тысячелетие до н. э.). Здесь люди могли обитать на плавающих на поверхности воды травянистых островах [111]. Такие коллективы промыслили и охотой, однако употребление в пищу даров рек и озер, по всей очевидности, сделало их более оседлыми и более независимыми от сезонных источников питания.

С конца плейстоцена начинают также регулярно использоваться морские продукты, и с этого времени на африканском побережье встречаются, как на открытых пространствах, так и в пещерах, многочисленные раковинные кучи. Мы уже упоминали об употреблении в пищу моллюсков людьми капсийской культуры на восточной оконечности Атласа. Широко использовало моллюсков, крабов, устриц и т. п. и прибрежное население оранской культуры, а также люди «позднего каменного века» южного побережья ЮАР. Здесь, на одной из пещерных стоянок, Матжес-Ривер, приблизительно за восемь тысячелетий образовался более чем 30-футовый слой раковинного и жилого мусора [163]. Стратиграфия жилых горизонтов этой и других южноафриканских пещер показывает постеленный переход от охоты и собирательства моллюсков к хозяйству, все более и более зависимому от морских продуктов. На стоянке Матжес-Ривер в III тысячелетии до н. э. до некоторой степени внезапно появляется большое количество рыбьих костей [101, с. 17—324; 87, с. 80—94; 216, с. 181—195]. Наиболее вероятно, что рыба добывалась не удилищем с леской, а путем сооружения

Культуры позднего плейстоцена долины Нила [230: 231].

Орудия себильской культуры (средняя и верхняя фазы) из Ком Омбо, Египет (1—7), приблизительно 13—9 тыс. лет до н. э.:

1 — дисковидный нуклеус; 2—4 — отщепы со сколотым под тупым углом основанием; 5 — микропластина со спинкой; 6 — микрорезец; 7 — обоюдоострый микропунклеус. Кремнистый известняк.

Орудия сильсильской культуры из Джебель Сильсила, участок III (8—13), приблизительно 13 тыс. лет до н. э.:

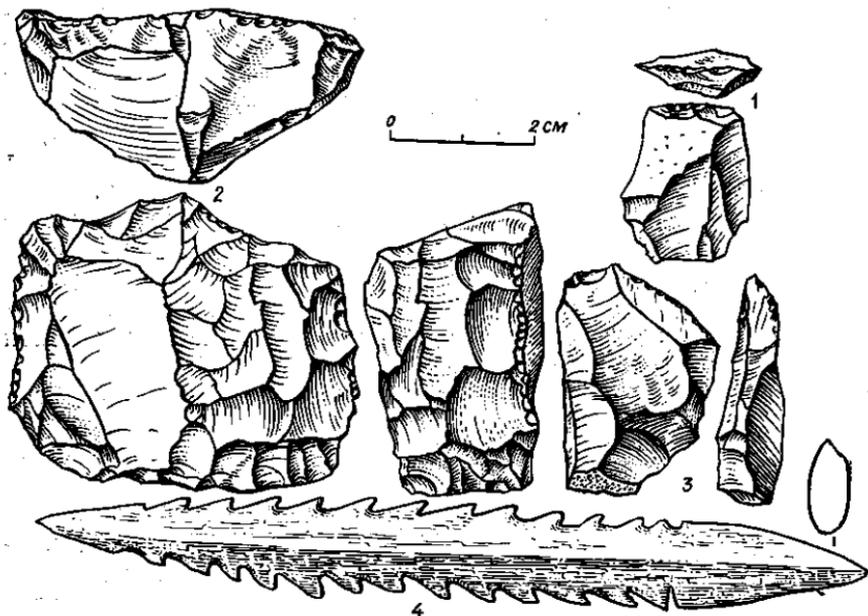
8 — микрорезец; 9, 13 — микропластины со сколотым под тупым углом основанием; 10 — нуклеус, с которого скалывались микропластины; 11 — резец; 12 — ножевидная пластина с ретушированным основанием. Кремль и кремнистый известняк.

Орудия себекской культуры из Джебель Сильсила (14—19), залегавшие над сильсильскими слоями, приблизительно 13—12 тыс. лет до н. э.:

14 — микропластина со спинкой; 15 — концевой скребок; 16—18 — орудия, обработанные ретушью тина уштата, отретушированы преимущественно основания; 19 — резец.

Орудия каданской культуры из Абд-эль-Кадира, Вади Хальфа (20—30), приблизительно 12—4,5 тыс. лет до н. э.:

20 — концевой скребок; 21 — остроконечник; 22 — боковой скребок; 23—26 — сегментовидные микролиты; 27, 28 — дисковидные микропунклеусы; 29 — микропунклеус, микропластина; 30 — резец. Кремнистый известняк.

Орудия ишангской культуры из основных, содержащих ископаемые останки, горизонтов, расположенных на террасе десятиметровой высоты в Ишанго, у оз. Эдуард [111], приблизительно 6,5—6 тыс. лет до н. э.: 1 — концевой скребок; 2 — нуклевидный скребок; 3 — отщеп со следами использования. Кварц. 4 — костяной наконечник гарпуна

запруд, что до сих пор практикуется в ряде районов, или же с помощью копий, которые металась с прибрежных скал или с плотов. Некоторые из подобных занятий запечатлены в наскальной живописи [32, с. 353—360; 102, с. 51—53].

Португальские и голландские хронисты XVI и XVII столетий сообщают, что «страндлуперы», как они называют этих людей, часто использовали в пищу мясо выброшенных на берег китов и тюленей, причем все члены группы располагались лагерем вокруг добычи до тех пор, пока она не поедалась полностью. В самом деле, этот источник получения мяса был настолько обильным, что народы, обитавшие на юго-западном побережье, нередко сооружали плетни и заслоны от ветра из китовых ребер. Большинство народов «позднего каменного века» в то же время занимались и охотой. Используя ими способы и приемы, безусловно, были столь же разнообразны как и изготовлявшиеся ими орудия.

С V тысячелетия до н. э. в Северной Африке и Сахаре особую роль, по-видимому, получает легкое метательное оружие: лук со стрелами и дротик, а также, насколько можно судить по наскальной живописи, силки и западни. О сахарских охотниках непосредственно предшествующего периода известно немного, однако они, вероятно, использовали наконечники стрел и дротиков, изготовленные в атерской традиции. Именно поэтому не было проведено соответствующего различия между их стоянками и каменным инвентарем, с одной стороны, и так называемыми неолитическими коллективами, столь широко распространенными в этих районах после V тысячелетия до н. э., — с другой. К этому периоду относится датируемый приблизительно 6010 г. до н. э. жилой горизонт в Фоззигариен. Здешние обитатели охотились на крупную дичь: слонов, носорогов, гиппопотамов, гигантских буйволов и многочисленных крупных антилоп и газелей, представлявших богатую эфиопскую фауну, существовавшую тогда в Сахаре и Северной Африке.

Проведенные за последнее время исследования показали, что первые археологические коллекции с преобладающим содержанием микролитов, характерные для «позднего каменного века», появились в южных районах Центральной Африки около XII тысячелетия до н. э., т. е. гораздо раньше, чем предполагалось прежде. Однако в более южных областях они получили широкое распространение намного позже³. В Родезии,

³ Несколько радиоуглеродных датировок наиболее ранних образцов техники изготовления ножевидных пластин «позднего каменного века»:

Горное убежище Кисесе, Танзания, ранний «поздний каменный век» — 14 550 ± 213 лет назад.

Проспект Фарм, Кения, кенийско-капсийская культура — 10 560 ± 1650 лет назад.

Иво Элеру, Нигерия, микролитическая культура, не получившая названия, — 11 200 ± 200 лет назад.

Калонда I, Ангола, позднечитольская культура — 12 970 ± 250 лет назад.

Мвела Рокс, Замбия, постначикуфский слой 1 — 9720 ± 550 лет назад.

Пещера Леопардовой горы, Замбия, Начикуфу 1 — 16 715 ± 95 лет назад, а также «протопоздний каменный век» — 21 550 ± 950 лет назад.

Пещера Помонгве, Родезия, помонгванская культура — 12 200 ± 100 лет назад.

Пещера Тшангула, Родезия, помонгванская культура — 12 200 ± 250 лет назад.

Матжес-Ривер, Капская область, Южная Африка, культура смитфилд А — 11 250 ± 400 лет назад.

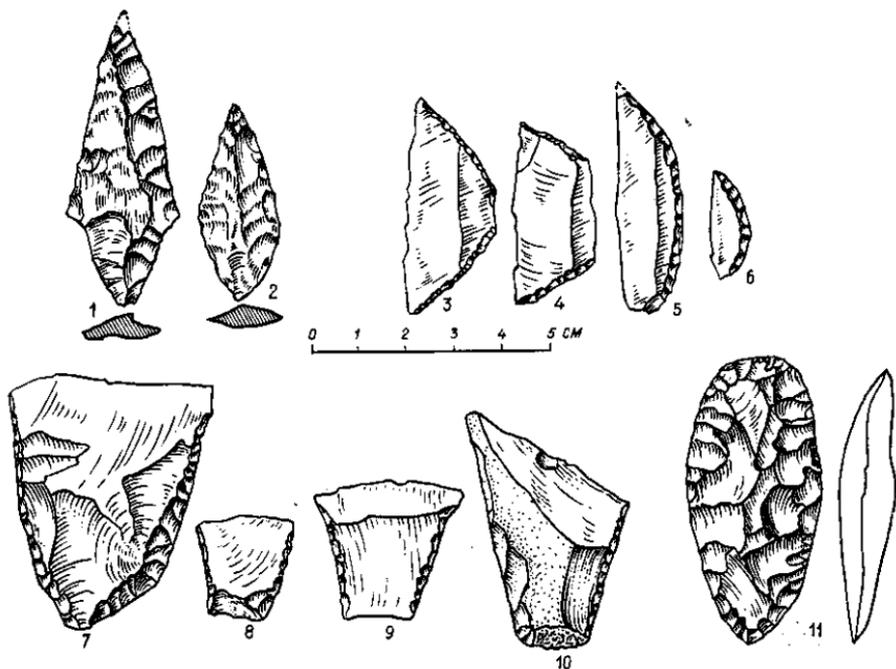

Микролитические орудия «среднего каменного века» из Старого Ойо (Нигерия) [266]:

1—4 — сегментовидные микролиты и микропластины со спинкой; 5 — микроноклеус; 6, 7 — фрагменты с расщепленными концами (pièces esquillées); 8 — дисковидный микроноклеус. Кварц

Оранжевом свободном государстве и на южном побережье ЮАР встречаются относящиеся к одному и тому же периоду культуры с преобладанием крупных боковых, концевых и нуклевидных скребков. Эти культуры датируются приблизительно временем 10 000—8000 лет до н. э. в Родезии и 9000 лет до н. э. в Матжес-Ривер. В Оранжевом свободном государстве такая культура получила название «смитфилд А». Орудия «позднего каменного века» отличаются большим разнообразием и специализацией в сравнении с орудиями любого предшествующего периода. Это, по всей видимости, явилось следствием более тесной интеграции социальной структуры, а также большей способности к выбору и интенсивной эксплуатации содержащихся в пределах освоенной территории ресурсов.

Образ жизни народов, населявших экваториальные области и влажные леса Западной Африки, скорее всего существенно отличался от образа жизни населения саванн и редколесья. Получить сколько-нибудь точное представление о господствовавшем здесь типе хозяйства, к сожалению, сложно ввиду многочисленности сохранившегося костного материала, хотя основу для реконструкции верной картины может составить знание современного лесного биома. Каменные орудия представлены в основном микролитами, служившими наконечниками стрел, возможно, с поперечными лезвиями, а также небольшими скобелями и скребками [266, с. 261—271; 91, с. 68—69]. Допустимо предположить по аналогии с образом жизни пигмеев и подобных им обитателей лесов, что значительная часть потребляемого мяса добывалась за счет животных, живших на деревьях. Некоторые коллективы, вероятно, охотились на антилоп и лесных кабанов с помощью сетей и копий; другие поль-

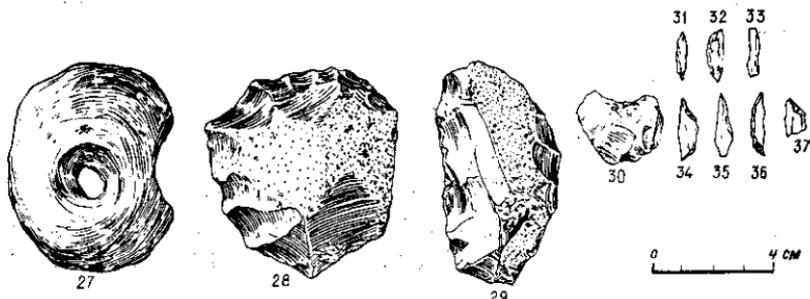
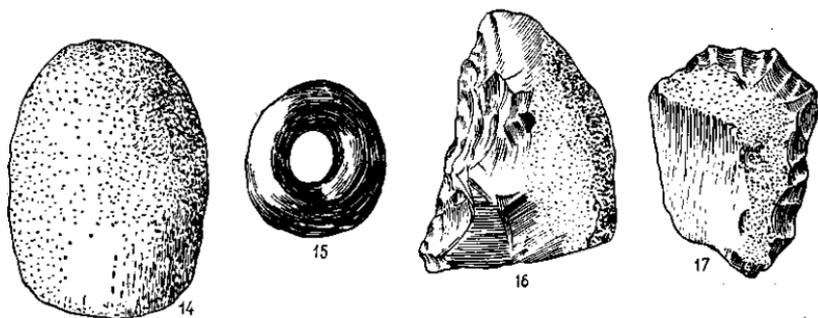
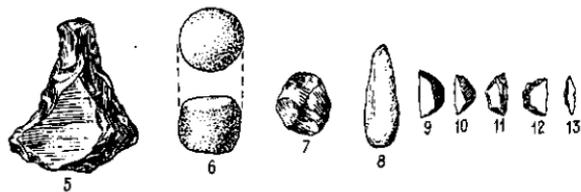
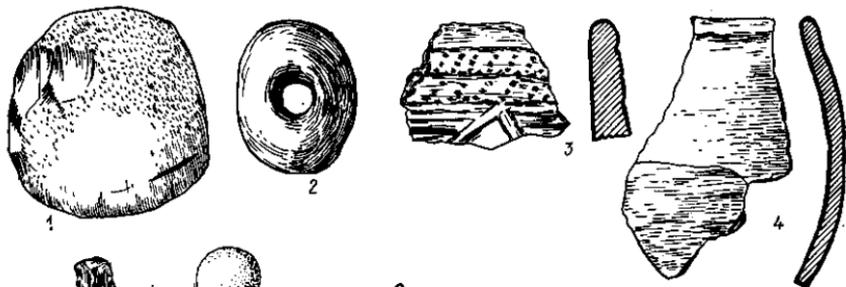

Орудия читольской культуры из районов нижнего течения Конго и Северо-Восточной Анголы, приблизительно от 11 тыс. лет до н. э. до начала нашей эры:

1 — черешковый остроконечник с двусторонней обработкой; 2 — листовидный остроконечник из долины Киншаса (по Х. ван Моорселю); 3, 4 — трапециевидные орудия; 5 — ножевидная пластина со спинкой; 6 — сегментовидный микролит; 7—10 — топоры «транше»; 11 — нуклеидное рубило с двусторонней обработкой из Каумы, Ионди и Лусеки (Ангола) [54 а]. Полиморфный песчаник и халцедон

зовались луком и стрелами. Все коллективы должны были стремиться к добыче мяса слонов и гиппопотамов. Можно ожидать, что в лесных районах, где дичь, как правило, встречается редко, все большее место занимала растительная пища.

В южных и западных областях бассейна Конго в отличие от Западной Африки сложилась несколько иная ситуация: здешние охотники читольской культуры использовали одновременно открытые травянистые пространства пустыни Калахари и многоярусные леса по берегам рек. Иные пути добычи пищи и разнообразные пищевые ресурсы обусловили особое значение некоторых видов орудий [19; 54а, т. I, с. 153—170, т. II, таблицы]. Так, на плато встречаются многочисленные листовидные и

0 4 CM

черешковые наконечники стрел и дротиков, а в долинах доминируют трапецевидные и треугольные орудия, которые могли служить наконечниками с поперечным лезвием или использоваться для обработки дерева.

В лесистых саваннах Замбии и Малави, т. е. в южных районах Центральной Африки, люди начикуфской культуры, начальный этап которой относится к наиболее ранним культурам «позднего каменного века», известным в Южной Африке [49, с. 86—98; 180], похоже, придавали одинаковое значение охоте и собирательству. Сегментовидные и полукруглые микролиты свидетельствуют об использовании наконечников как с заостренным, так и с поперечным лезвием, а многочисленные типы крупных скребков дают возможность предположить широкое использование дерева и продуктов его обработки. Из дерева, очевидно, делали загоны для дичи, столбы для привязи домашних животных и разнообразные ловушки. С изготовлением последних, вероятно, связаны некоторые из многочисленных камней, обычно плоских и имеющих в центре высверленное отверстие. Значительно различающиеся по своим размерам, эти камни, возможно, являются составной частью пружинного капкана, подобного тем, которые употребляются до сих пор. Камни с высверленным отверстием, несомненно, использовались для разнообразных операций, одна из которых состояла в утяжелении палки-копалки при работе на каменной почве. Бушмены Южной Калахари пользовались таким приспособлением еще в начале нашего столетия.

Другим примечательным орудием этого периода является топор со шлифованным лезвием — изделие, очевидно весьма отли-

Орудия и керамика начикуфской культуры из пещеры Начикуфу (Северная Замбия) [49], приблизительно 8 тыс. лет до н. э. — 1600 г. н. э.

Начикуфу III, слой С (1—13):

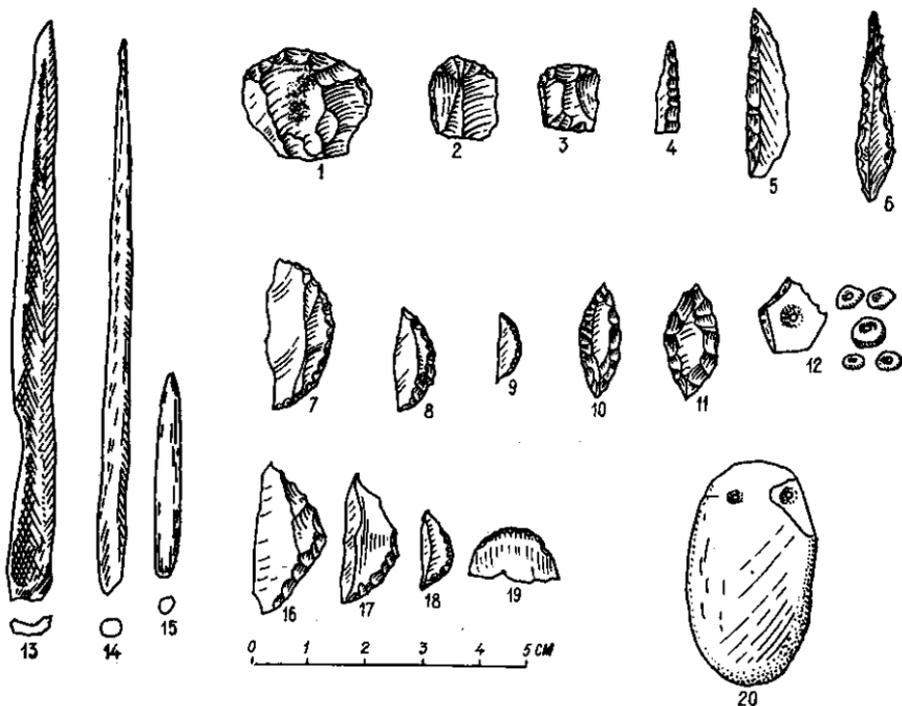
1 — топор со шлифованным лезвием; 2 — просверленный камень; 3, 4 — керамические фрагменты; 5 — скребок с двумя вогнутыми рабочими краями и удлиненным концом; 6 — шлифованный кварцевый цилиндр; 7 — дисковидный микроноклеус; 8 — отшлифованный костяной предмет (проколка для губ?); 9—12 — сегментовидные микролиты; 13 — микролит, затупленный с обеих сторон. 1 — диорит; 2 — сланец; 5, 13 — кремнистый известняк; 7, 9—12 — кварц.

Начикуфу III В, слой D (14—26):

14 — топор со шлифованным лезвием, диорит; 15 — просверленный камень, мыльный камень; 16 — нуклеидный скребок, кварцит; 17 — концевой скребок, кварцит; 18 — скребок с несколькими выемками, кремнистый известняк; 19 — костяное шило; 20 — скребок с выпуклым рабочим краем, кварцит; 20—25 — микролиты в форме выпуклых полумесяцев и трапеций, кварц; 26 — бур, кремнистый известняк.

Начикуфу I (27—37):

27 — просверленный камень, сланец; 28 — боковой-концевой скребок, кварц; 29 — двойной боковой скребок, кварцит; 30 — чешуевидный фрагмент (*outil écaillé*), кварц; 31—35, 37 — микролиты, кварц; 36 — бур, кремнистый известняк

Орудия и украшения ултонской культуры (1—12) из Капской провинции, Южная Африка (по М. К. Баркиту):

1—3 — короткие концевые скребки; 4, 5 — прямые микролиты со спинкой; 6 — шило; 7—9 — сегментовидные микролиты; 10—11 — орудия в форме «двойного полумесяца»; 12 — проныи из скорлупы страусовых яиц; 3, 4, 12 — из горного укрятия Ултон, прочие из Кейп Флэкс. Кремнистый известняк и халцедон.

Орудия из матопанской культуры (= «родезийский ултон») из пещеры Амадзимба, Матоп Хилл, Родезия (по С. К. Куку и К. Р. Робинсону):

13 — плоское костяное шило; 14 — костяная проколка со скошенным основанием; 15 — рукоятка факела; 16—19 — микролиты в форме сегментов и полумесяца, кварц; 20 — подвеска из сланца

чающееся от неолитических топоров. Один из них (из Мвела Рокс в Северной Замбии) относится к очень раннему времени — 10 тысяч лет назад [49]⁴. Многие топоры не совсем подходят для рубки деревьев, однако, снабдив топорием, их, возможно, использовали для разбивания пчелиных гнезд при добыче

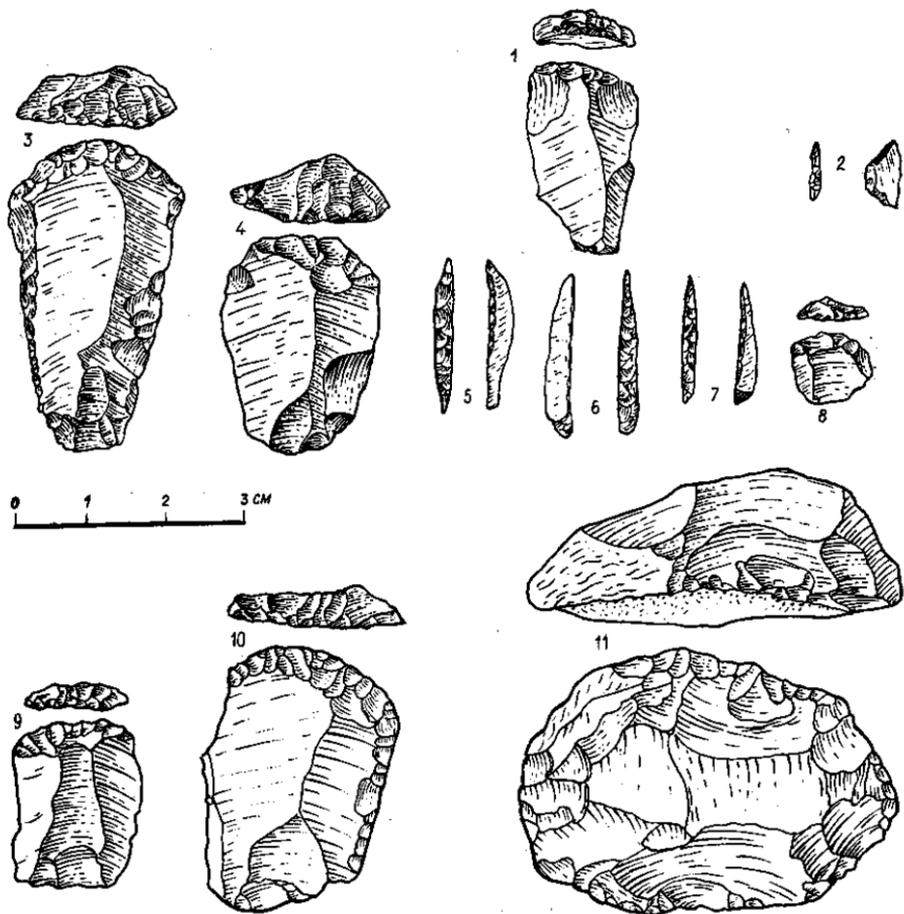
⁴ Начикуфу: слой I Y807, древесный уголь — 10 820 ± 340 лет назад. Мвела Рокс: 4'6" — 7' alk — 11 700 ± 280 лет назад.

меда из дуплистых деревьев или же для обдирания и обработки коры в целях изготовления одежды, веревок и сосудов.

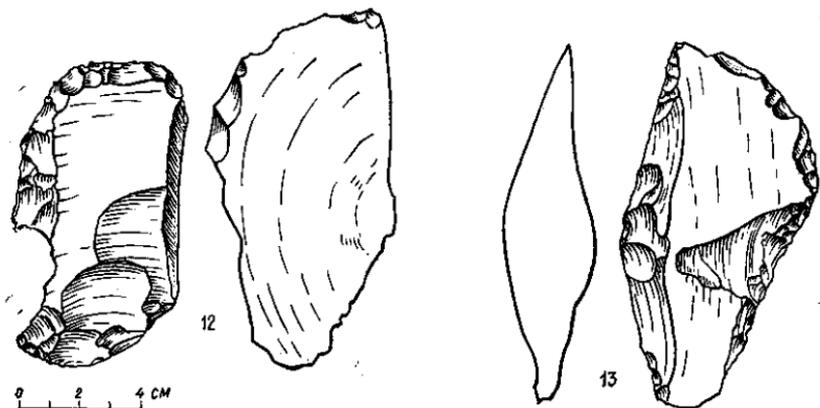
Для начикуфской культуры характерно присутствие множества верхних и нижних частей зернотерок. С их помощью приготавливались по меньшей мере два вида пищи, так как на некоторых нижних камнях встречаются овальные желобки, а на других — округлые чашевидные углубления. Верхние камни имеют плоскую, ровную поверхность для растирания зерен; торцевая поверхность по всей окружности употреблялась для толчения. В центре этих камней часто находится небольшая впадина, предназначенная для удержания зерен и предотвращения их выталкивания с нижнего камня, прежде чем они будут размолоты. Население лесистых саванн имело в своем распоряжении множество дикорастущих фруктов и орехов, и некоторые из них, такие, как фрукты *mubu* и *musuku*, поныне собираются и употребляются в пищу бантуязычными народами.

В более открытых парковых и кустарниковых саваннах Восточной и Южной Африки встречаются разнообразные археологические коллекции из камня и кости, в которых особое место принадлежит весьма необычным типам микролитов и небольших скребков — это орудия размером с ноготь большого пальца, которые, вероятно, насаживались на рукоятку в виде ручного скобеля. Эти орудия обычно приписывались различным региональным вариантам уилтонского культурного комплекса, хотя теперь лишь немногие исследователи доисторического периода стали бы утверждать, что эти варианты объединяло нечто большее, чем весьма общее параллельное развитие технологии изготовления каменных орудий [125, с. 557—582].

Там, где для производства каменного инвентаря использовался в основном затвердевший глинистый сланец, как это было в районах Высокого Велда в Трансваале, Оранжевом свободном государстве и северо-восточной части Капской области, встречаются наряду с микролитами многочисленные скребковые формы крупных размеров, многие из которых напоминают концевые скребки верхнего плейстоцена. Недавние исследования в Оранжевом свободном государстве выявили шесть фаз каменного производства, свидетельствующих о более сложном характере последовательности культурных этапов, чем предполагалось ранее. В свете этого теория единого развития культурного комплекса, известного под названием смитфилдского, должна в настоящее время претерпеть определенные изменения. Наиболее ранняя фаза (смитфилд А) предшествует фазам,

представленным в основном микролитическим инвентарем, для производства которого применялись агат и халцедоновая галька (что соответствует региональному варианту уилтона). Затем следуют фазы, не содержащие микролитов (смитфилд С), и, наконец, в завершающей фазе вновь отдается предпочтение крупным скребковым формам из затвердевшего глинистого сланца, а также костяным орудиям и керамике; при этом микролиты исчезают окончательно [211; 212 214]. В первые десятилетия нашего века все еще встречались бушмены, которые

Орудия «позднего каменного века» из района среднего течения р. Оранжевой [212].

Фаза 1 (= смитфилд А) со стоянки Зеекогат (13: 12, 13 — крупные скребки с выпуклыми рабочими краями, затвердевшая сланцевая глина, приблизительно 9 тыс. лет до н. э. Фаза 3 и переходная фаза 3/4 (= смитфилд С) из скального укрытия Глен Эллиот (1, 2, 5—11), приблизительно 600—300 лет до н. э.: 1 — расщепленный фрагмент (pièce esquillée); 2 — сегментовидный микролит; 5 — ножевидная пластина со спинкой; 6, 7 — вытянутые остроконечники со спинкой; 8 — небольшой скребок с выпуклым рабочим краем; 9 — небольшой концевой скребок; 10 — боковой—концевой скребок; 11 — нуклеидный скребок (галечниковый скребель). Агат и халцедон. Фаза 6 (= смитфилд В): 3, 4 — концевые скребки, залегавшие с керамикой и костяными орудиями, затвердевшая сланцевая глина. После 1200 г. н. э.

могли продемонстрировать процесс изготовления этих орудий — куйн и использование их для скобления, рубки, выскабливания кож, выделки из них одеял, отделения мяса от костей, а также для производства деревянных дубинок, луков и стрел. В рамках смитфилдского культурного комплекса было выделено несколько региональных «культур».

Наскальная живопись

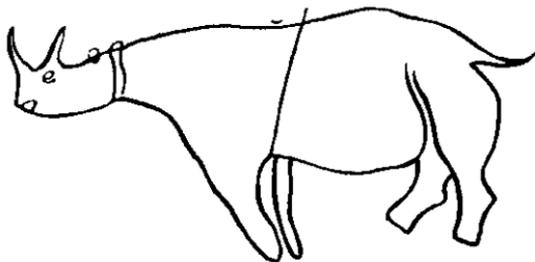
К поздним этапам этих «уилтонских» и «смитфилдских» традиций Центральной Танзании, Родезии, ЮАР и Юго-Западной Африки относится такая сокровищница искусства, как рисунки на скалах или в пещерах и горных укрытиях, а также петроглифы на гладкой поверхности скал в открытой местности. Хотя все эти наскальные изображения, за исключением наиболее древних петроглифов, вероятно, ненамного старше двух тысяч лет, утонченный и вполне стилистически развитый характер самых древних из них тем не менее указывает на то, что возникновение такого искусства должно быть отнесено в прошлое по меньшей мере к началу голоцена [95; 235; 265].

Именно наскальное искусство дает нам возможность проникновения во многие сферы жизни народов «позднего каменного века». Какая-то часть изображений была, безусловно, создана под влиянием магических или ритуальных представлений: симпатической магии, призванной обеспечивать успешную охоту, магии дождя, ритуала инициации или же ритуала, связанного с высвобождением души умершего. Но большая часть изображений была, судя по всему, чисто изобразительной. Их создатели черпали вдохновение в желании отобразить события и реалии повседневной жизни коллектива: удачную охоту и использование масок в виде звериных голов; обитавших в округе животных, особенно имевших самое вкусное мясо; битвы; пляски; собирательство растений и меда и многие другие бытовые сцены.

Все это, как правило, произведения столь высокого класса, что напрашивается вывод о существовании непревзойденных мастеров, в совершенстве владевших линией и цветом; их произведения могут быть поставлены в один ряд с наиболее жизненными и доставляющими наибольшее эстетическое наслаждение шедеврами мирового искусства. Пигмент добывался размельчением различных минералов — гематита, марганца, каолина — и смешиванием полученного порошка с каким-либо жировым или смолистым растворителем. Пигмент хранили иногда в сосудах из рога и наносили с помощью кисти из перьев или деревянной (костяной) лопаткой. Бушменские художники поздних периодов из Басутоленда при раскрашивании своих прекрасных полихромных произведений, возможно, распыляли краски при помощи рта или же наносили их кистью с тонким волосом, который вычесывали из стеблей *velosia* [265].

Такие же прекрасные натуралистические изображения представляют собой петроглифы, высекавшиеся на твердой поверхности скал на вершине какого-либо холма, откуда охотники наблюдали за пасущейся внизу, в долине, добычей. Долбление осуществлялось при помощи любого подходящего твердого и заостренного куска породы, однако техника нанесения контуров на твердую долеритовую поверхность в течение длительного периода оставалась неизвестной исследователям. Было даже высказано предположение, что для этих целей использовались алмазы. Но в таком случае художники весьма тщательно их собирали, покидая стоянку! Недавно удалось установить, что петроглифы высекались подходящими для этой цели острыми отщепами из местной породы, которые прорезали контуры в жел-

Петроглиф, изображающий в натуралистическом стиле белого носорога. Долеритовое обнажение в Босфонтейн Фарм, № 607, район Крюгерсдорп (Трансвааль)

то-коричневом, сравнительно мягком и обычно толстом выветренном слое, образовывавшемся во влажных условиях на поверхности долерита, и обнажали невыветренную породу фиолетового цвета. В течение столетий кислые почвенные воды, собиравшиеся в выдолбленных контурах петроглифов, углубляли эти контуры за счет нетронутой поверхности, и, когда наружный слой выветривался, петроглиф все еще оставался предохраненным, хотя уже и слабее [221, стр. 281—285].

Общие черты образа жизни

Во многих из этих охотничьих коллективов изготавливались украшения: бусы, подвески и другие предметы из раковин, кости и слоновой кости. Там, где встречалась скорлупа яиц страуса, она использовалась для изготовления бус, надевавшихся на длинные нити, которые обертывались вокруг тела или нашивались на кожаные передники. Если эту скорлупу найти было нельзя, применялись различные морские и пресноводные раковины, перламутр и пр. Население лесных районов, несомненно, использовало для изготовления одежды кору деревьев; в саваннах употреблялись кожи, нередко искусно сшитые. Тело часто разукрашивалось красной, черной и белой краской, а волосы иногда покрывались серебристым спекуляритовым порошком.

Размеры стоянки зависели от наличия и обилия источников пищи. В ряде случаев, особенно на прибрежных стоянках, многосемейные коллективы могли включать до 50 человек и более. Но обычно стоянки были меньших размеров, и их, должно быть, населяли 15—25 человек, составлявших шесть или менее основных семейных групп. Они, как правило, обитали в укрытиях, сооруженных из ветвей, тростника или циновок,— остатки такого поваленного укрытия были обнаружены в Гвишо Спрингс и датированы серединой III тысячелетия до н. э. [188, с. 16—

22]. Можно ожидать, что расположение этих остатков на жилой стоянке основной семьи не будет существенно отличаться от размещения скоплений камней в Оранжа I, хотя эти стоянки разделены четырьмя тысячами лет [61].

Если в настоящее время может быть доказано, что «поздний каменный век» начался значительно раньше (около 12 тысяч лет назад), чем предполагалось прежде, то можно убедиться и в том, что в некоторых районах он просуществовал намного дольше, чем считали до недавних пор, несмотря на длительные контакты с создателями производящего хозяйства, особенно в пустынях Южной Африки и лесах Конго. Действительно, в горах Бейнса в Юго-Западной Африке, коллективы оватжимба и поныне используют камень для производства орудий [165]. Отсюда вытекает, что начиная приблизительно с V тысячелетия до н. э. Африку населяли народы, находившиеся на различных уровнях экономического развития. Первоначально земледельцы и скотоводы в основном обитали в северных районах, затем обработка земли и знание металлургии железа распространились к югу от Сахары и достигли пояса саванн и лесов Западной Африки, ознаменовав начало крупных экономических перемен. С течением времени эти перемены сказались и на большей части континента. Однако коллективы охотников и собирателей продолжают существовать в некоторых частях континента вплоть до сегодняшнего дня и являются для этнографов и археологов одним из важнейших источников в их попытках реконструировать образ жизни народов «позднего каменного века».

Множество сцен повседневной жизни, запечатленных наскальной живописью, не дает возможности представить охотника «среднего каменного века» жалким голодающим дикарем. Скорее придется склониться к представлению, что ему требовалось нечто большее, чем положенная ему доля «сладкой жизни». Имевшиеся в распоряжении бушменов и негроидов Тропической Африки природные богатства окружающей среды, хорошее знание ими своей страны, особенностей растений и животных, с которыми они соседствуют, общая незначительность потребностей, обладание примитивной, но эффективной технологией, способной удовлетворить эти потребности, а также обладание досугом, который давал возможность отображать все события, отсутствие соперников — все это подкрепляет утверждение, что охотничий образ жизни был не просто «способом пропитания», но в ряде случаев, несомненно, являлся «главенствующим типом образа жизни человеческих видов» [141, 304—320].

Глава VI

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И СОВРЕМЕННЫЕ НАРОДЫ

Начальные этапы развития производящих форм хозяйства

Охотничий образ жизни, по-видимому, имел множество привлекательных сторон для значительной части населения африканского «позднего каменного века», которое обитало в богатых в природном отношении саваннах к югу от Сахары, где оно было в состоянии прокормиться «ягодами, саранчой, змеями, печеными гусеницами, мясом антилоп и оленей». Что касается населения более засушливых и неплодородных земель, то все члены коллектива не могли быть удовлетворены «постной пищей», которую давали эти земли. Поэтому не должно вызывать удивления, что обитавшие там народы, когда под действием обстоятельств стали возможными или даже необходимыми фундаментальные изменения в экономическом базисе засушливых северных районов континента, перешли от простого потребления природных продовольственных ресурсов к производству основных продуктов — мяса и хлеба.

Переход к земледелию и скотоводству совершился, однако, не внезапно, а занял несколько тысячелетий. В Юго-Западной Азии материалы стоянок Леванта на одном краю полумесяца плодородных земель и Юго-Западного Ирана — на другом свидетельствуют прежде всего о более интенсивном использовании дикорастущих злаков охотниками на онагров, газелей или диких быков, а также о зарождающемся возделывании этих злаков, которое сопровождалось одомашниванием козы и овцы (VII тысячелетие до н. э.). Первые объекты возделывания и одомашнивания — пшеница, ячмень, козы и овцы — автохтоны Юго-Западной Азии. Их наличие подтверждает данные археологии о первоначальном появлении здесь окультуривания злаков и раз-

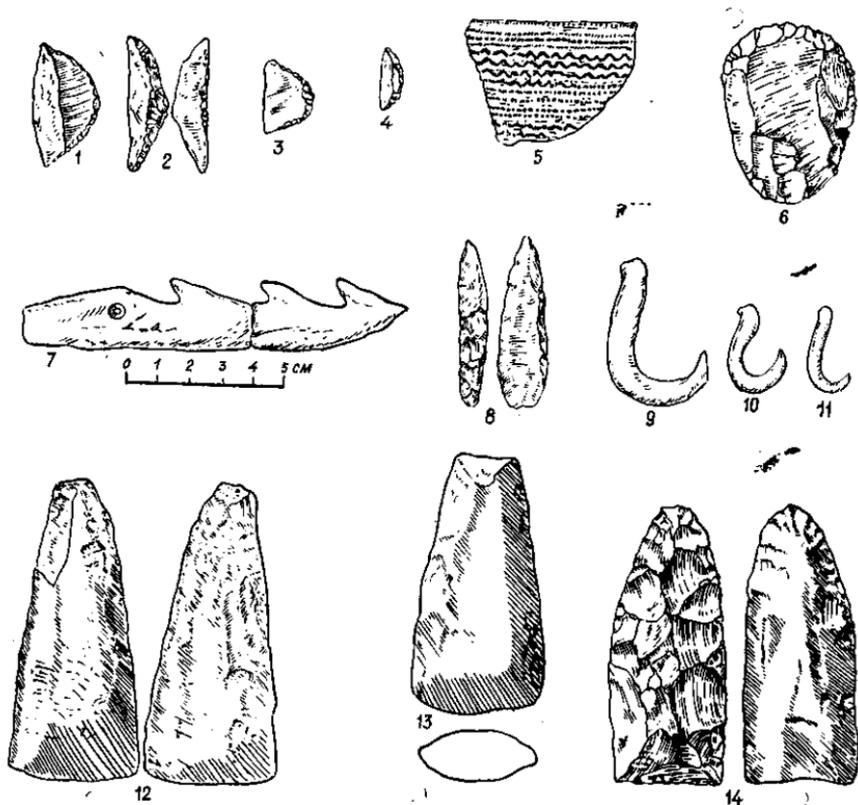
ведении скота у столь развитых охотников и собирателей, какими были в IX тысячелетии до н. э. палестинские натуфийцы.

Можно полагать, что очевидные преимущества производства избыточного зерна, которое можно было хранить, и постоянного запаса убойного скота привели к быстрому внедрению окультуренных растений и домашних животных. То, что в пределах этого основного центра процесс перемен занял по меньшей мере два тысячелетия, объясняется, вероятно, необходимостью развивать производительные окультуриваемые виды при незнании селективного скрещивания и весьма смутных представлениях о наиболее благоприятных условиях для земледелия. Однако к V тысячелетию до н. э., к тому времени, к которому относятся первые данные о разведении растений и животных в Африке, были уже окультурены многие растения, а также одомашнены козы, овцы, свиньи и крупный рогатый скот. За исключением последнего, дикие предки перечисленных животных на континенте неизвестны.

Получение гарантированного избытка продовольствия обусловило сложение более дифференцированной социальной структуры, а также значительный всеобщий прирост населения. В то же время максимальная численность коллектива перестала зависеть от количества людей, способных прокормиться за счет природных ресурсов в самое голодное время года. Земледельцы помимо того были меньше заинтересованы в размерах контролируемой территории.

Распространение с конца палеолита знаний и начавшийся на Ближнем Востоке обмен прекрасно иллюстрируются развитием, как во времени, так и в пространстве, торговли обсидианом, добывавшимся преимущественно в анатолийских месторождениях [198, с. 30—72]. Масштабы этой торговли, охватившей все области полумесяца плодородных земель, весьма впечатляющи; они ясно показывают, что благодаря подвижности и свободному обмену прогресс эффективного производящего хозяйства затронул всю Юго-Западную Азию, а не явился новшеством одного лишь района. Поэтому тем более удивительно, что производящие формы хозяйства появились в Африке относительно внезапно, и в нашем распоряжении нет сведений о начальных этапах зарождавшегося здесь земледелия, подобных тем, которые имеются в Леванте и Месопотамии.

Поскольку плодородные земли долины Нила располагаются всего лишь в 300 милях к юго-западу от древних центров Палестины (через Суэцкий перешеек), можно предположить, что в

Неолитические орудия и керамика из Эс-Шахейнаб, Хартум, Судан [5]:

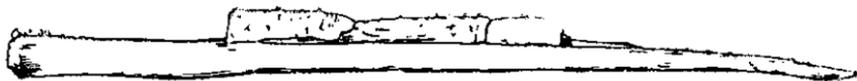
1, 3 — микролиты в форме выпуклого полумесяца; 2 — ножевидная пластина со спинкой; 4 — сегментовидный микролит; 5 — керамический фрагмент с точечным волнистым орнаментом; 6 — концевой скребок; 7 — костяной наконечник гарпуна; 8 — бур; 9—11 — рыболовные крючки из раковин; 12 — шлифованный костяной кельт; 13 — шлифованный каменный кельт; 14 — долото с вертикальной шлифовкой. 1—5, 6, 8 — кварц и окаменевшее ископаемое дерево; 13, 14 — риолит

Египте также делались первые попытки возделывания местных растений. До сих пор, однако, у нас нет доказательств, что в действительности дело обстояло именно так, хотя недавние исследования в Нубии и Верхнем Египте (Ком Омбо) [261, с. 244—247; 38, с. 171—174] показали увеличение потребления дикорастущих злаков в завершающий период плейстоцена. Население указанных районов, судя по всему, не преуспело в окультуривании каких-либо из этих злаков. Это может объяс-

няться тем, что среди них не было сортов, подходящих для культивирования. Или же, возможно, в ранний постплейстоценовый период прибрежные нильские земли были настолько богаты, что не было необходимости развивать эффективное производящее хозяйство. В самом деле, Геродот упоминал, что в его время народы Дельты широко использовали в пищу какие-то речные растения [113, с. 135].

Если засушливые условия конца плейстоцена и начала голоцена, о которых свидетельствует материал как с Ближнего Востока, так и из Африки, повлекли за собой концентрацию поселений и отмеченные в этом периоде враждебные отношения между различными коллективами долины Нила, то теплые и более влажные условия, существовавшие здесь между VII и III тысячелетиями до н. э., явились, по всей вероятности, оптимальными для чрезвычайно специализированных обществ того времени. Таким образом, там, где отсутствует вызов, может отсутствовать и ожидаемая реакция на него, как это в действительности и было в Африке южнее Сахары в более поздние периоды.

Поскольку в наших знаниях археологического развития Верхнего Египта и Дельты имеются пробелы, относящиеся к этапам «между микролитическими («эпи-леваллуазскими») культурами позднего плейстоцена и древнейшими неолитическими культурами фаюмских земледельцев, возможно, в конце концов решающие доказательства будут обнаружены именно здесь. Одна недатированная археологическая коллекция со стоянки в Хелуане, близ Каира, несомненно, напоминает натуфийскую культуру Палестины. Вместе с тем между VIII и V тысячелетиями до н. э. разливы Нила были не так высоки. В этой связи представляется вероятным, что жилые стоянки, расположение которых к этому времени ограничивалось долиной наводнения, оказались погребенными под многофутовой толщей поздних аллювиальных отложений [112, с. 598]. Выше по течению, в Нубии, охотничьи коллективы, использовавшие микролиты, все еще периодически заселяли небольшие стоянки по высокому берегу реки или же у сезонных водоемов, в стороне от основного русла Нила [38, с. 163—168, 176—177]. Стоянки эти существовали вплоть до IV тысячелетия, и первым очевидным доказательством одомашнивания животных в верховьях Нила являются останки карликовой козы, обнаруженные вместе с «неолитическими» орудиями на стоянке Эс-Шахейнаб, близ Хартума (около 3200 лет до н. э.) [5, с. 15—16].

Деревянная основа серпа с кремневыми ножевидными пластинами, стоянка 51, Фаюм А, поселение неолитических земледельцев (Фаюмская впадина, Египет). Длина 50 см [42]

Хотя население верховьев Нила переходило от охотничье-собираательского образа жизни, возможно, с некоторым запозданием, у нас нет доказательств, что в низовьях реки должна была складываться непременно такая же ситуация. О том, что в действительности положение здесь было иное, свидетельствует существование земледельческих коллективов в Верхнем Египте к середине V тысячелетия. Неолитические земледельцы Фаюма А, возделывавшие на берегах озера в Фаюмской впадине пшеницу, а также лен для изготовления одежды, представляют древнейшее земледельческое хозяйство Нила (около 4400 лет до н. э.). Каменные орудия фаюмцев с характерным множеством бифасов предполагают наличие установившейся традиции африканского происхождения, и в материальной культуре, за исключением окультуренных растений, лишь очень немного говорит в пользу азиатского происхождения [42].

Среди обнаруженного костного материала были останки коз, овец, свиней и рогатого скота, однако не удалось определить, были ли они одомашнены. Если принадлежность останков козам и овцам была установлена верно, то эти животные, несомненно, должны были проникнуть сюда извне, поскольку в Африке, за исключением берберийской овцы, не встречаются дикие виды мелкого рогатого скота.

Фаюмцы, по-видимому, были земледельцами на самой начальной стадии и сезонно кочевали со своими стадами. Их жилища и строения, от которых ничего не сохранилось, располагались на некотором расстоянии от силосных ям со стенами, обложенными ветвями. Для изготовления жилищ, возможно, употреблялись циновки или кожи, натянутые на каркас из ивовых прутьев. Вероятно, более типичным для этого времени было расположенное далее к северу крупное поселение в Меримде, на краю Дельты, ранние слои которого датируются V тысячелетием. Это было долговременное поселение с жилищами из обмазанного глиной каркаса из прутьев. Характерный египетский

кремневый инвентарь (шлифованные каменные топоры, лезвия серпов, ножи и выемчатые наконечники стрел) обнаружен здесь вместе с другими орудиями, подтверждающими его происхождение от азиатских форм [251].

Древний Египет

Последовательность археологических этапов Верхнего Египта, начинающаяся с неолитического поселения и некрополя в Бадари, известна нам намного лучше, хотя имеющиеся датировки явно ненадежны [131, с. 1—46]. Работ, посвященных вопросу об автохтонном или иноземном происхождении цивилизации династического Египта, опубликовано, вероятно, больше, чем трудов, касающихся всех остальных регионов континента, вместе взятых. Эта проблема, однако, вряд ли сможет быть решена прежде, чем будут проведены новые систематические исследования поселений и некрополей раннего неолита и додинастического периода. Но нас занимает сейчас не египетская цивилизация и ее в высшей степени консервативный культурный континуум. К сожалению, объем данной книги позволяет лишь бегло коснуться ряда событий, приведших около 3200 лет до н. э. к объединению Верхнего и Нижнего Египта под властью фараона Нармера или Менеса.

Додинастический период может быть разделен на ранний и поздний этапы (Негада I, около 3800—3600 лет до н. э., и Негада II, около 3600—3200 лет до н. э.); он следовал, по-видимому, непосредственно за «неолитическими культурами», такими, как Фаюм А, Меримде и Бадари. Этот период имеет специфически африканское происхождение и характерные африканские особенности, которые в ряде случаев соединялись с некоторыми неафриканскими элементами, не сыгравшими, впрочем, сколько-нибудь существенной роли вплоть до его завершающих стадий [247, с. 77—86]. Элементы эти скорее указывают на взаимный обмен изобретениями и товарами, и гипотезы о каких-либо крупных иноземных вторжениях представляются совершенно необоснованными. Существование гипотетической династической расы, основаншей, по мнению некоторых специалистов, первую династию, все еще требует подтверждения фактами, а недавние исследования физического типа населения показали, что в течение всего династического периода он претерпел минимальные изменения [там же, с. 76—77].

Сходным образом Гринберг полагает, что язык древнего

Египтяне додинастического периода и их оружие — лук и стрелы (наконечник с поперечным лезвием), копье, метательная дубинка и ножи. (По Путеводителю Британского музея к египетским коллекциям)

Египта не произошел от семитских языков, а имел с ними общего предка. Вместе они образуют две из пяти равноправных ветвей афро-азиатской языковой семьи — наряду с кушитской, берберской и чадской [104, с 42—65].

Рост городской цивилизации, появление классовых различий, письма, ремесла и монументальной архитектуры можно рассматривать как следствие усилившихся регулярных связей с Месопотамией и Левантом посредством торговли, переселений ремесленников и в особенности обмена знаниями и идеями политического и социального развития [247, с. 85—86]. Конкретная форма цивилизованного правления, установленная в виде власти фараонов, является тем не менее, по существу, афри-

канской, напоминающей власть деспотичных обожествленных правителей Верхнего Нила и Западной Африки в более поздние времена. В самом деле, в Египте в отличие от Месопотамии за объединением двух царств стоял, судя по всему, гений одного человека или семьи — «Царя Скорпиона», Нармера, Менеса? — человека или людей, обладавших выдающимися способностями к руководству, организации завоеваний и консолидации, подобно Чаке, Мошешу или Леванике¹ более позднего времени.

Хотя египетские фараоны правили 2500 лет, а Меровитское царство на Верхнем Ниле продлило существование египетской цивилизации еще на тысячелетие, трудно проследить ее влияние на остальную Африку, поскольку в центре научной мысли всегда находились связи Египта с соседними цивилизациями Ближнего Востока — явление во всех отношениях важное, как в древности, так и в наше время. Воздействие Египта на население эфиопских возвышенностей и саванн суданского пояса остается неизученным, так как в этом направлении фактически не предпринималось никаких исследований. Нам известно о торговых экспедициях в страну Пунт во времена IV династии и о том, что Мероэ в полной мере пользовалось благами торговли на Индийском океане [7, с. 166; 220, с. 100—122; 79, с. 48—50]. Если бы нам удалось прочесть мероитское письмо, ситуация бы существенно изменилась, однако в настоящее время представляется, что нильская цивилизация оказывала незначительное прямое воздействие на Африку южнее Сахары. Бесспорно, отчасти это объясняется наличием географических барьеров: пустыни и массы плавучих водорослей на Белом Ниле. Попытки показать египетское происхождение некоторых особенностей цивилизаций Верхнего Нила и Западной Африки, например обожествления власти правителя, оказались бы гораздо убедительнее, если бы удалось выявить более тесную взаимосвязь самих этих особенностей.

¹ Чака (около 1787—1828 гг.) — зулусский инкоси, возглавивший объединение родственных племен.

Мошеш (около 1790—1870 гг.) — верховный вождь басуто, проводивший политику объединения.

Лубоси Леваника (1842—1916) — литунга балози (баротсе), проявил большие организаторские, военные и дипломатические способности в деле борьбы с пережитками родо-племенного строя в системе традиционного политического управления, в укреплении государства и защите интересов балози в критический период колонизации. (Прим. ред.)

Далее на запад по побережью Средиземного моря ряд событий, приведших к появлению «неолитического» хозяйства, хорошо прослеживается на материале пещеры Хауа Фтеах. Фаунистические останки из жилых слоев свидетельствуют, что к V тысячелетию до н. э. 80% потребляемого мяса давали одомашненные овцы и козы, большую часть которых составлял молодняк. Это чисто «неолитическое» хозяйство резко отличается от хозяйства охотничье-собирательской ливийско-капсийской культуры, представленной жилыми слоями, залегающими ниже. Здесь большую часть мяса обеспечивали дикие быки и дикая берберийская овца (*Ammotragus*), о наличии которой можно судить по максимальным средним размерам костных останков. Изучение останков быков из обоих горизонтов указывает на отсутствие одомашненного крупного рогатого скота [177, с. 313—319].

Таким образом, в Киренаике нет данных о постепенных этапах одомашнивания животных, которые прослеживаются в Юго-Западной Азии; одомашненный скот и предметы материальной культуры появляются здесь внезапно. «Неолитический» инвентарь рассматриваемого периода из Киренаики не показывает полного разрыва с орудиями, существовавшими до этого; здесь традиционные микролитические орудия — резцы и концевые скребки, — а также некоторые новые формы сочетаются с новой техникой — отжимной ретушью, керамикой, черешковыми и листовидными наконечниками стрел, плоскими ножами, шлифованными каменными топорами, многочисленными жерновами и орудиями из кости. Все это показывает, что в этническом составе населения не произошло сколько-нибудь значительных перемен и что появление неолитической технологии и разведения скота явилось следствием их распространения из долины. Нила предположительно в западном направлении. Данные о земледелии, однако, отсутствуют, если только таковыми не являются «мотыги» из известняка или кремневые лезвия со шлифованным рабочим краем, которые, подобно лезвиям серпов со стоянок Египта, не внушают особого доверия ввиду своей чрезвычайной редкости [там же, с. 285, 298].

Материальная культура, в особенности керамика, явно имеет больше общего с Магрибом, чем с долиной Нила (Меримде) или Фаюмом, хотя находки в оазисе Сива, расположенном на полпути между ними, свидетельствуют о наличии в этот период

Выгравированное изображение вымершего гигантского буйвола (*Homoioceras* sp.) из Южного Орана. (По К. Б. М. Макберни)

Помимо дикой суданской фауны на скалах изображаются многочисленные стада одомашненных быков и овец, что приобретает особый интерес в свете проблем происхождения африканского одомашненного рогатого скота. В противоположность распространенному мнению, оба вида дикого рогатого скота — крупный (*Bos ibericus*) и мелкий (*Bos primigenius*) — существовали в Северной Африке начиная с раннего плейстоцена, и поэтому нет ничего невероятного в том, что оба они были одомашнены именно здесь [117, с. 165—171]. В Египте, однако, не удалось с определенностью установить наличие одомашненных быков до начала додинастического периода, в котором существование культа рогатого скота подтверждается ритуальными захоронениями [36, с. 91; 175, с. 583—599]. На одной из сахарских стоянок под скальным навесом (Уан Мухуггиаг) на восточной оконечности тассилийского ареала был все же обнаружен череп предположительно одомашненного *Bos brachyceros*, датирующийся либо началом V, либо концом VI тысячелетия до н. э. (около 4000 ± 120 лет до н. э.) [182, с. 225—226, 234]; существование одомашненного рогатого скота, возможно, также подтвердит материал нижних слоев, которые датируются приблизительно 5500 г. до н. э.

Поддерживая теорию о самостоятельном центре приручения животных в Северной Африке, приходится признать, что, хотя эта находка имеет большое значение, необходимо, чтобы ее подтвердили другие ископаемые останки. В настоящее время наиболее вероятным представляется распространение рогатого скота из Азии в Египет и Сахару. Но выдвигались гипотезы и о том, что быстрое распространение «неолитических» культур в районе Эгейского моря и по северным берегам Средиземного, которое привело в середине V тысячелетия (или ранее) к заселению

Живописное изображение из Ауанрхета, выполненное в раннем стиле «круглоловых». (По А. Лоту)

«неолитических» скотоводов пустыни, одна часть которых была, как мы уже видели, афро-средиземноморского происхождения, а другая — негроидного. Эти народы вели полукочевой образ жизни; они жили в легких переносных жилищах, устраивая свои стоянки на открытой местности или же в скальных укрытиях, и держали скот в огороженных загонах. Иногда они воевали и всегда много охотились: на слонов, носорогов, гиппопотамов, жирафов, ныне вымерших гигантских буйволов и многочисленных крупных антилоп. Они также ловили рыбу в озерах. Иногда они носили одежду и тщательно себя украшали; их искусство изображает многочисленные сцены быта и религиозного ритуала. Эти народы обитали в Сахаре в течение более двух тысяч лет, когда там были оптимальные климатические условия, которые сохранились до II тысячелетия до н. э.

Италии и Мальты, могло равным образом способствовать доставке рогатого скота морским путем в Северо-Восточный Тунис, что дало толчок переселению в восточном и южном направлениях кочевников со своими стадами [177, с. 313]. В это время в Северной Африке появляется также обсидиан с Эоловых островов [40, с. 47]. Для окончательного решения проблемы необходимы дальнейшие находки, особенно важно обнаружить хорошо сохранившуюся пару корней рогов.

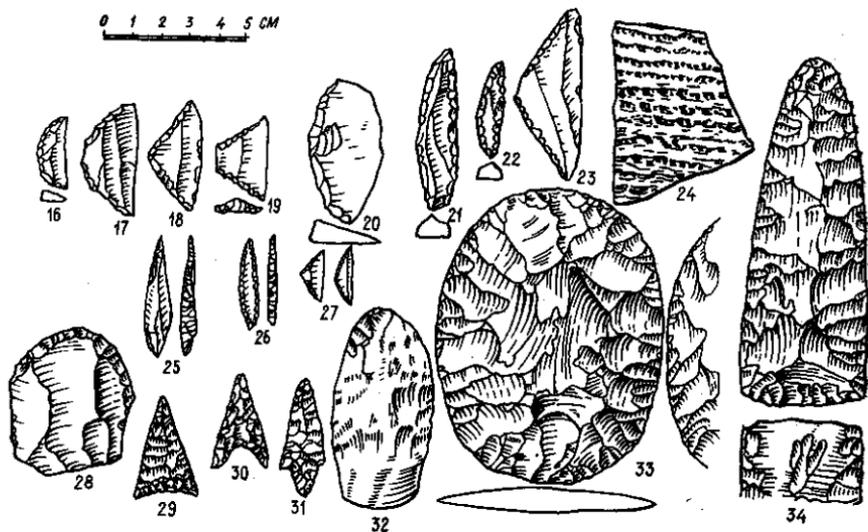
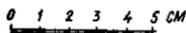
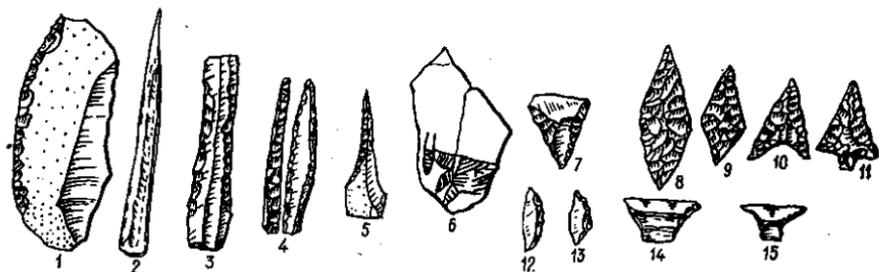
Каково бы ни было их происхождение, первые «неолитические» скотоводы появились в Сахаре в V тысячелетии до н. э., а возможно, и раньше. Они разводили быков с длинными и короткими рогами, коз и овец и просуществовали здесь до начала прогрессирующего осушения, которое после 2500 г. до н. э. вынудило некоторых из них к переселению. Хотя многое остается еще неизвестным, по изображениям наскального искусства мы уже знаем немало об образе жизни

Характерная для Сахары «неолитическая» традиция «производства орудий из кремнистого известняка и халцедона» подразделяется на несколько вариантов. Южная граница распространения этой традиции проходит по 15-й параллели. Здесь на смену ей приходят разнообразные микролитические культуры с использованием кварца, и представляется очевидным, что столь отличные друг от друга традиции отразили различия, существовавшие между двумя экологическими зонами. Именно по отношению к району к югу от 15-й параллели проф. Мердок [185, с. 64—68] предполагает самостоятельное возникновение земледелия в период от 5000 до 4000 лет до н. э., т. е. в то же самое время, когда оно, судя по всему, проникло из Юго-Западной Азии в Египет. Фактических доказательств, способных поддержать эту гипотезу, до сих пор пока не обнаружено, однако за последнее время в распоряжение исследователей поступило множество новейших данных, которые помогают пролить свет на происхождение земледелия к югу от Сахары.

Раскопки в Сьерра-Леоне, Гане и Нигерии показали, что около 3000 г. до н. э. (скорее всего немного позже) микролитическая традиция «позднего каменного века» обогатилась добавлением некоторых «неолитических» черт, таких, как производство шлифованных и полированных каменных топоров и керамики [74; 94; 218, с. 8]³. Кажется вполне возможным истолковать эти данные как указывающие на появление к рассматриваемому времени у некоторых народов саванн и лесов земледелия и, вероятно, скотоводства. Это, безусловно, произошло вслед за первым проникновением окультуренных растений и прирученных животных в Северную Африку; поэтому опыт возделывания земли и разведения животных вместе с продуктами земледелия и скотоводства, возможно, распространился оттуда в южном направлении вскоре после V тысячелетия до н. э.

Основные линии коммуникаций с севера на юг были, несомненно, теми же, что и в последующие периоды, когда по ним пролегали маршруты колесниц, а природные условия этих

³ Четыре радиоуглеродные датировки дают основания предполагать, что ранняя буобинская культура была вытеснена около 1450 г. до н. э. культурой кинтампо. Начало буобинской культуры датировать невозможно, но датировки стоянки Нтересо в районе Белой Волты подтверждают существование элементов культуры кинтампо в Гане около 1500 г. до н. э.

Неолит с капсийской традицией из Редейефа (Южный Тунис) [254] (1—15):

1 — боковой скребок; 2 — костяное шило; 3 — двойной скребок с вогнутыми рабочими краями; 4 — бур; 5 — шило; 6 — скорлупа страусового яйца с гравированным изображением; 7, 14, 15 — треугольные наконечники стрел и наконечники «транше». 8—11 — выемчатые и черешковые наконечники стрел; 12, 13 — сегментовидные микролиты. Кремль.

Неолит Борку, Южное Тибести, Чад (по Ж. Куртэну) (16—24):

15—19, 23 — микролиты сегментовидные, треугольные, в виде выпуклого полумесяца и типа «транше»; 20 — отщеп со спинкой; 21, 22 — буравчики; 24 — керамический фрагмент с точечным волнистым орнаментом. Кварцит и кремнистый известняк.

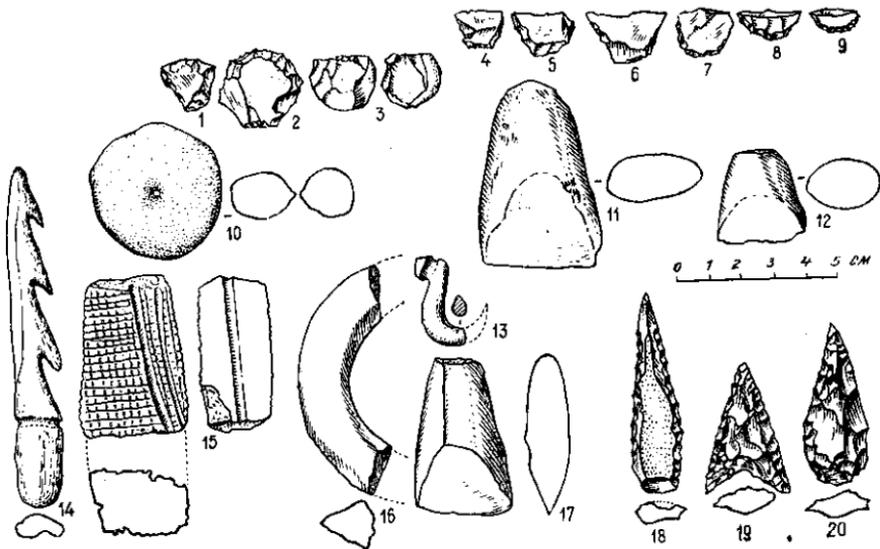
Неолит Тенере, Центральная Сахара, Нигер (по Г. Жуберу — Р. Вофрэ и Ж. Тиксье) (25—34):

25 — микропластина со спинкой; 26 — буравчик; 27 — треугольный и сегментовидный микролиты; 28 — концевой скребок; 29, 30 — выемчатые наконечники стрел; 31 — черешковый наконечник стрелы; 32 — шлифованный скребок; 33 — дисковидный нож; 34 — долото со шлифованной внутренней стороной лезвия, сходное с орудиями неолита Хартума. Яшма

районов таковы, что «неолитические» коллективы пустыни должны были обладать высокой подвижностью. Движение от Нила в западном направлении, к северным оазисам, подтверждается находками в Харге и Сиве, тогда как у Вади Ховара одно время проходил естественный путь на запад от Нила к поясу саванн на широте Мероэ. В самом деле, широкое распространение хартумской керамики с волнистым орнаментом вплоть до плато Хоггар и возвышенности Ваньянга в Тибести наряду с обширной торговлей добывавшимся в Тибести амазонитом через всю Сахару от Атлантического побережья до долины Нила показывает, что окультуривание растений и приручение животных могли в равной степени быть привнесены в это время к границам пояса саванн [9, с. 145—165]. Почему же в таком случае, вправе мы спросить, неолитическая технология, связанная, как правило, с производящим хозяйством, впервые появилась в Западной Африке лишь спустя две тысячи лет?

Это было обусловлено, вероятно, несколькими причинами. Окружающая среда уже обеспечивала неистощимые запасы мясной и растительной пищи — больше, чем было необходимо для обитавших там коллективов людей. Поэтому на начальной стадии не существовало особых мотивов, побуждавших эти коллективы к возделыванию земли и приручению животных. Играло свою роль и то, что неолитические орудия не могли обладать заметными преимуществами в характерных условиях окружающей среды — повышенное выпадение осадков, леса из твердых пород, быстрая регенерация. Однако основной причиной, вероятно, была та, что в Египте и Северной Африке выращивали сельскохозяйственные культуры, требовавшие зимних осадков, — пшеницу и ячмень, которые не дают урожая в условиях летних дождливых сезонов.

Более того, до сих пор в нашем распоряжении нет ни одного убедительного доказательства, что сами сахарские скотоводы возделывали землю. Все обуглившиеся семена и зерна, которые были обнаружены здесь вместе с «неолитическими» орудиями, принадлежат дикорастущим видам, и поэтому встречающиеся на этих стоянках зернотерки использовались для их обработки, вероятно, так же, как это делается у современных туарегов при сборе и обработке трав *kreb* [97, с. 208—218, 181, с. 194—197]. Данные, указывающие на возделывание тростникового проса (*pennisetum*) были обнаружены в 1968 г. лишь в «поздненеолитических» поселениях Южной Мавритании (Ти-

Неолитические культуры Западной Африки.

1—12 — из пещеры Босумпра, Абетифи, Южная Гана (по К. Т. Шоу): 1, 2 — скребки с вогнутыми рабочими краями; 3 — микронуклеус; 4—7 — микролиты «транше» в форме выпуклого полумесяца; 8, 9 — сегментовидные микролиты; 10 — конически заостренная кварцевая галька; 11, 12 — полированные и шлифованные кельты; 11, 12 — нефрит, прочие — кварц. 13—20 — из Нтересо, Северная Гана (по О. Дэвису): 13 — костяной рыболовный крючок; 14 — костяной гарпун; 15 — фрагмент каменной «сигары» (терочника); 16 — фрагмент браслета из шифера; 17 — полированный кельт; 18—20 — наконечники стрел сахарского типа, сланцевая глина. За исключением слоев, относящихся к самым ранним поселениям, в Нтересо были обнаружены отдельные железные предметы. Данные об обработке металла, однако, отсутствуют

шит-Уалата), датирующихся 1100 г. до н. э. [184, с. 6—13]. Эта находка представляет особый интерес, поскольку саванна — предполагаемая родина дикорастущего проса, и, должно быть, реппisetum впервые начали возделывать именно здесь, а уже затем оно распространилось в северном направлении, в пустыню.

Возможно также, что дикорастущие предки тростникового проса, сорго и других злаковых культур встречались в долине Нила в качестве сорняков при возделывании азиатских злаков. При подобных обстоятельствах они могли претерпеть селекционные изменения и в результате этого оказаться годными для окультуривания. Если в действительности дело обстоит именно так, то надлежит еще собрать подтверждающие это факты.

Наиболее же широко распространена та точка зрения, что родиной дикорастущих злаков, от которых произошли разновидности африканского проса и сорго, был расположенный к югу от Сахары суданский пояс.

Исходя из этого, предполагается очевидным, что появлению сортов, подходящих для окультуривания, непременно должно было предшествовать длительное экспериментирование с растениями саванны. Какой срок для этого потребовался, неизвестно. Тысяча лет? Две тысячи? Не вызывает особых сомнений, однако, что во II, III, а также, вероятно, и в IV тысячелетиях впервые появились окультуренные виды местных растений Западной Африки, Судана и Эфиопии: гвинейского риса и fonio в Западной Африке, тростникового проса и сорго в Судане, пальчатого проса, teff и ensete в Эфиопии. Эти культуры дополнили пшеницу и ячмень, которые, в свою очередь, рано распространились на высоких плато с подходящим для их возделывания климатом, где не было необходимости в ирригации.

Все эти растения выращиваются и поныне, некоторые из них при помощи подсеčno-огневого способа обработки почвы, и конкурируют с культурами, завезенными из Азии и Америки. Однако, за исключением сорго и некоторых распространившихся к югу видов проса, разведение большинства этих африканских культур оказывается ограниченным районами, где они впервые были окультурены. Смогут ли когда-нибудь специалисты по генетике растений проследить начальные этапы культивации некоторых из этих растений, в настоящее время остается неясным.

Вне всякого сомнения, именно необходимость разведения прежде всего местных урожайных окультуренных видов задержала появление в Африке южнее Сахары образа жизни с полностью производящим хозяйством. Вместе с тем то, что столь значительное множество растений было все же успешно окультурено, говорит об изобретательности негроидного и кушитского населения.

Огромные преимущества разведения домашнего скота заключаются, безусловно, в обеспечиваемых им запасах мяса. Подсчитано, что до 50 и более процентов животных оказываются при содержании стада избыточными и могут, таким образом, ежегодно забиваться [177, с. 314]. Но можно в таком случае задать вопрос, почему не удалось приручить некоторых крупных млекопитающих эфиопской фауны — среди них годных для этого животных больше, чем, вероятно, на любом другом кон-

тиненте. В самом деле, в Египте имеются изображения додинастического периода и Древнего царства, которые как будто показывают попытки приручения различных животных: газелей, антилоп-бейз, каменных козлов, гиен и, возможно, даже жирафов; такое совместное существование человека и животных относится, должно быть, к весьма отдаленному времени. Однако появление одомашненных коз, овец и в особенности крупного рогатого скота — не забудем и о собаке, — по-видимому, прочно вытеснило любые дальнейшие попытки приручения африканских видов, за исключением осла, кошки и цесарки.

Таким образом, африканцы начали приручать животных слишком поздно, чтобы последние могли конкурировать с азиатскими видами. Однако успех экспериментального приручения южноафриканской антилопы дает основания предполагать, что если бы африканские животные, о которых шла речь, обитали в долине Нила во времена неолита, то они также могли бы быть приручены и успешно конкурировать сегодня с рогатым скотом.

«Неолит» в Западной Африке

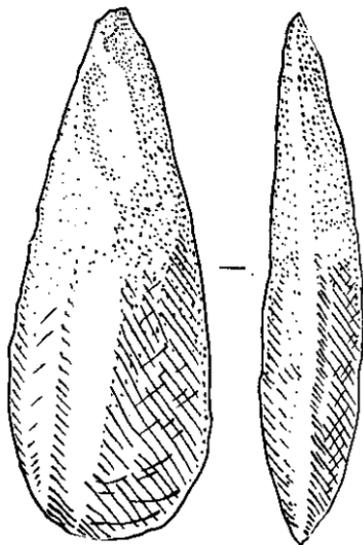
Народы с «неолитической» техникой существовали в тропических лесах Западной Африки начиная с III тысячелетия. Некоторые из их поселений в настоящее время находятся под вторичными или даже, как предполагают, первичными лесными покровами. Необходимость эффективной расчистки тропического леса (отсутствие в данный период лесов кажется маловероятным) для земледельческих нужд предполагает наличие значительного количества рабочих рук. Поскольку сорго и прочие окультуренные зерновые Западной Африки плохо растут во влажных тропических лесах, то возникает вопрос: что же служило основным продуктом питания местного многочисленного населения? Есть все основания утверждать, что это были ямс и пальмовое масло.

До недавних пор предполагалось, что окультуренный ямс имел азиатское происхождение и появился в Африке во второй половине I тысячелетия до н. э. Ныне, однако, большинство ботаников придерживаются той точки зрения, что наиболее широко распространенный в Западной Африке вид ямса (*Dioscorea cayenensis*) не был привнесен из Азии, а произошел от местных дикорастущих видов [77]. Раннее окультуривание этого ямса может, таким образом, объяснить существование в лесах «неоли-

тических поселений. Широкое распространение и ценность как питательного продукта орехов масличной пальмы трудно преувеличить.

«Неолитические» земледельцы, о которых идет речь, не только распространились по всему лесному району Западной Африки, согласно карте расселения народов, но, как представляется, продвинулись также и в южном направлении, в северо-западные и северо-восточные области бассейна Конго. Здесь были обнаружены каменные топоры и керамика, которые, несмотря на малую изученность и неудовлетворительное датирование, а также на то, что до недавнего времени они считались довольно поздними, могут свидетельствовать о раннем передвижении к югу «неолитических» земледельцев в I тысячелетии до н. э. (Карта показывает четкие различия между культурами пустыни, лесов и саванн, с одной стороны, и районов в бассейне Конго, также, вероятно, заселенных к этому времени,— с другой.)

В настоящее время у нас имеются косвенные данные, позволяющие предположить, что интенсивная расчистка лесов в бассейне оз. Виктория, а также к югу и западу от бассейна Конго впервые началась в I тысячелетии до н. э. Около 3000 лет назад, на что указывают находки у оз. Виктория, резко уменьшилось количество пыльцы деревьев и соответственно возросло количество пыльцы трав. В то же время пыльца растения асалура, которое обычно появляется на начальной стадии восстановления леса вслед за прекращением возделывания почвы, также встречается здесь в изобилии [136]. Загромождение водных проток в Северо-Восточной Анголе массами вымываемого из прибрежных долин песка не связано с какими-либо изменениями климата, а является, как полагают, результатом эрозии почвы, последовавшей за расчисткой леса и кустарника для начавшегося в I тысячелетии до н. э. возделывания земли [59, с. 142—148]. Теперь

Шлифованный и полированный гематитовый кельт из Хикиты, бассейн Уэле, Северо-Восточное Конго. (По Ф. ван Нотену)

кажется вполне очевидным, что I тысячелетие до н. э. было тем периодом, когда земледельцы приступили к освоению экваториальных лесов.

Распространение мухи цеце в большинстве районов Западной и Экваториальной Африки является преградой для разведения здесь любого скота, за исключением мелкого, а также обладающего иммунитетом к укусам цеце карликового скота, который встречается в некоторых областях Западной Африки. Поэтому в конце доисторического периода указанные районы, по всей вероятности, были заселены оседлыми земледельцами, добывавшими большую часть необходимой им мясной пищи при помощи охоты.

Травянистые степи восточноафриканских возвышенностей

Иная картина сложилась на восточной оконечности континента, где скотоводческие народы издавна селились в районе Африканского рога и в Восточной Африке. Поселения земледельцев, в основном «неолитических», но использовавших в ряде случаев и медь, были обнаружены на плато в Северо-Восточной Эфиопии. В материальной культуре этих земледельцев прослеживаются некоторые черты, сближающие их с народами группы С, около 2500 лет до н. э. переселившимися в Нубию из Западной пустыни [6, с. 33—62]. Если это были те самые народы, которых изображает наскальная живопись восточных районов Эфиопии и Сомали, то речь идет о «ливийцах» (кавычки поставлены здесь умышленно) запада, разводивших стада длиннорогих безгорбых быков, изображенных древними художниками в стиле, напоминающем фрески Восточной Сахары [50, с. 295—315; 103, с. 91—98, 187—190]. Переселение в Сахару в I тысячелетии до н. э. народов Северной Африки также, возможно, содействовало перемещению на юг некоторых «неолитических» сахарских племен. Дороги колесниц, пересекающие пустыню с севера на юг, до излучины Нигера, отмечены петроглифами и рисунками, изображающими легкие двухколесные колесницы, запряженные лошадьми. Эти изображения принято связывать с гарамантами и фарусиями, о которых начиная с V в. до н. э. сообщают античные источники. Такие колесницы использовались для преследования троглодитов Сахары; другие сцены, отображенные наскальным искусством, повествуют о вытеснении «неолитических» скотоводов воинственными, использовавшими металл мигрантами — может быть, предками берберских народов? [142, с. 181—200]. Между прочим, колесницы, о

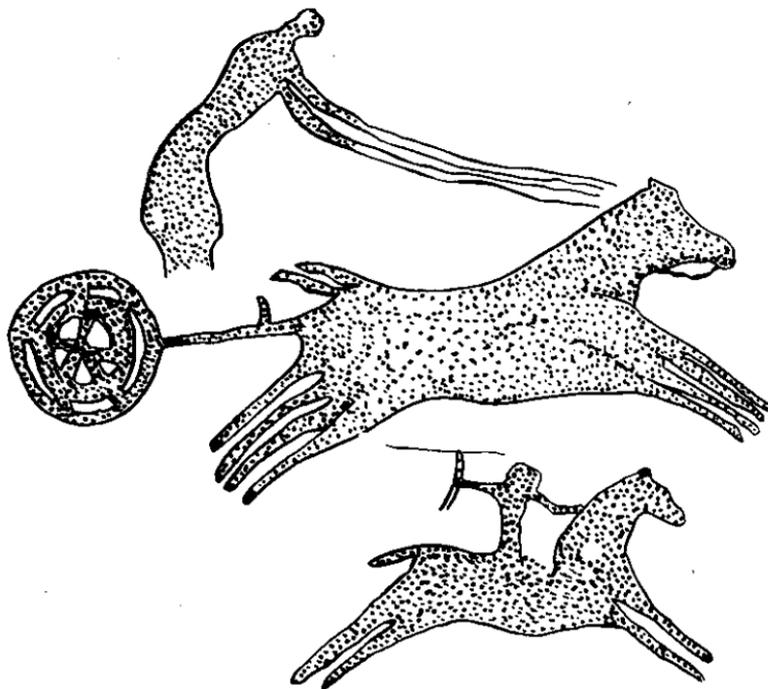
которых идет речь, являются первым косвенным свидетельством существования транссахарской торговли; разумеется, их изображения позволяют судить о маршрутах, а не о грузах, которые могли на них перевозиться.

Подобные передвижения народов, в результате которых какая-то часть сахарских скотоводов появилась в долине Нила и Эфиопии, а другая направилась к югу от бассейна оз. Чад в район современной Центральноафриканской Республики и через засушливые земли Южного Судана и Северной Уганды в травянистые степи возвышенностей Кении и Северной Танзании, по всей вероятности, до некоторой степени объясняются и более быстрым осушением Сахары в период после 2500 г. до н. э., а также возможным отступлением на юг в это время мухи цеце.

К концу I тысячелетия до н. э., если не ранее, афро-средиземноморские народы, разводившие рогатый скот и овец,— возможные предки нилотов — уже заселили восточноафриканскую Рифт Валли. До сих пор у нас нет данных, позволяющих определить, занимались ли они земледелием, хотя ограниченное возделывание проса представляется вполне вероятным. Вместе с тем каменные тарелки и чаши, по которым и были названы их культуры, использовались скорее для приготовления мяса, чем зерна [67, с. 282—298; 148, с. 15—16]. Характерные для этих культур каменные сосуды и прочие особенности, включая погребальные обряды, предполагают связи с Южным Суданом и Восточной Сахарой, однако археологические орудия — ножевидные пластины и микролиты из обсидиана,— несмотря на то что они подчеркивают особую роль охоты, свидетельствуют о

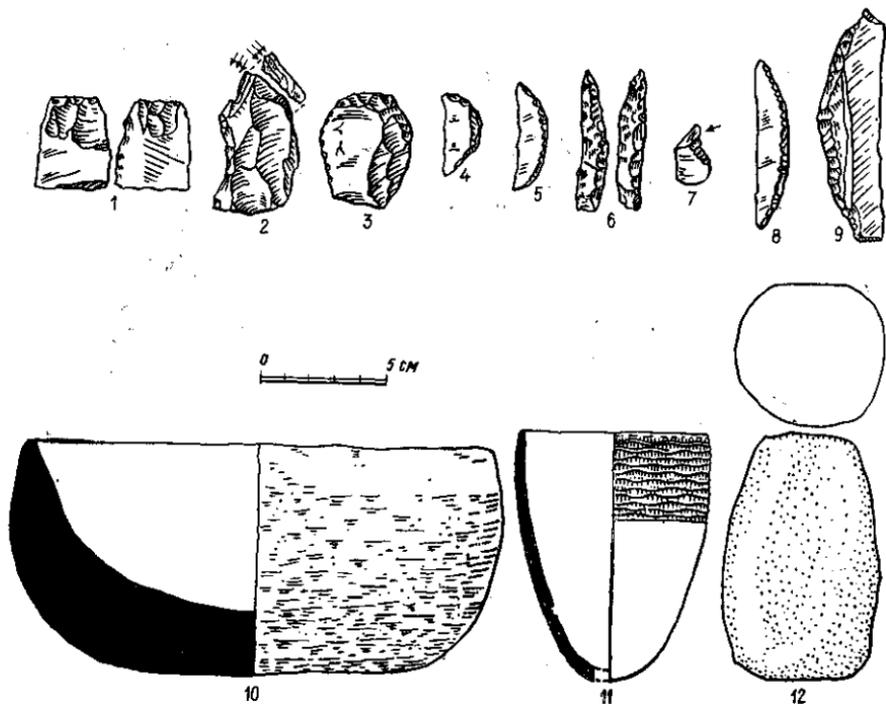

Длиннорогий, безгорбый скот и пастухи. Наскальный рисунок в Генда-Бифту (Сурре), Дыре-Дауа, Эфиопия (По А. Брейлю)

Легкая колесница, запряженная двумя лошадьми, Тин Абу Тека, Тассили, Сахара. (По А. Лоту)

продолжении традиции. Все это позволяет предположить длительное существование основного этнического элемента, с которым могло быть связано долихоцефальное население. Ныне обитающие в этом регионе мезо- и брахицефальные народы связаны, по-видимому, с мигрантами. Автохтонное население занимало кенийские возвышенности вплоть до середины XVI столетия н. э., когда оно было вытеснено негроидными народами железного века [196, с. 89—114]. Древнее движение к югу долихоцефальных кочевых скотоводов было направлено в самую гущу восточноафриканских народов, занимавшихся в то время исключительно охотой и собирательством; это движение предположительно можно связать с переселением на юг кушитоязычных племен [104, с. 48—51; 192, с. 198—203]. Это не были представители «господствующей расы», принесшие в Черную Африку

Материал культуры каменных чаш (вариант Хиракс Хилл) из неолитического поселения и могильника в Хиракс Хилл, Накуру, Кения (по М. Д. Лики):

1 — чешуйчатый фрагмент (*outil écaillé*); 2 — двугранный резец; 3 — короткий концевой скребок; 4, 5 — сегментовидные микролиты; 6 — сверло; 7 — микрорезец; 8, 9 — ножевидные пластины со спинкой (обсидиан); 10 — каменная чаша из лавы; 11 — яйцевидный кубок, украшенный полосами фестонов и штампом; 12 — пест-терочник

цивилизацию, как хотел бы убедить нас «хамитский миф», даже если некоторым более поздним кушитским мигрантам в Восточную Африку удалось, теряя при этом свой язык, установить господство над некоторыми бантуязычными народами — господство, которое, между прочим, было недолгим. Хотя группы кушитоязычного населения до сих пор встречаются далеко на юге, вплоть до Центральной Танзании, кушитский элемент был здесь в более поздние времена раздроблен и вытеснен бантуязычными негроидами. Появление крупного рогатого скота, овец, керамики и даже каменных сосудов у койсанской группы племен Юго-За-

Рисунок, изображающий людей высокого роста с выраженной стеатопигией и одомашненную овцу; выполнен в красном и белом цветах. Пещера Ручера, Мтоко, Родезия (По Э. Гуддэл)

падной Африки, потомками которых являются известные нам в историческое время готтентоты, также, возможно, объясняется миграциями в юго-западные засушливые области Калахари, шедшими через пустынный коридор, разделяющий Западную и Восточную Экваториальную Африку. Эти миграции достигли еще более южных районов [55, с. 69—73].

Как уже отмечалось, народы койсанской расы в свое время были распространены в южных и восточных частях континента гораздо шире, чем сейчас. Хадзапи и сандаве Северной и Центральной Танзании до сих пор говорят на «щелкающих» языках, но в большинстве остальных районов Восточной, Центральной и Южной Африки, за исключением Калахари и засушливых областей Юго-Западной Африки, они были вытеснены бантуязычными народами.

Распространение банту

Происхождение и распространение банту — одна из наиболее загадочных проблем современной африканистики, и пролить свет на основные аспекты этой проблемы можно лишь при

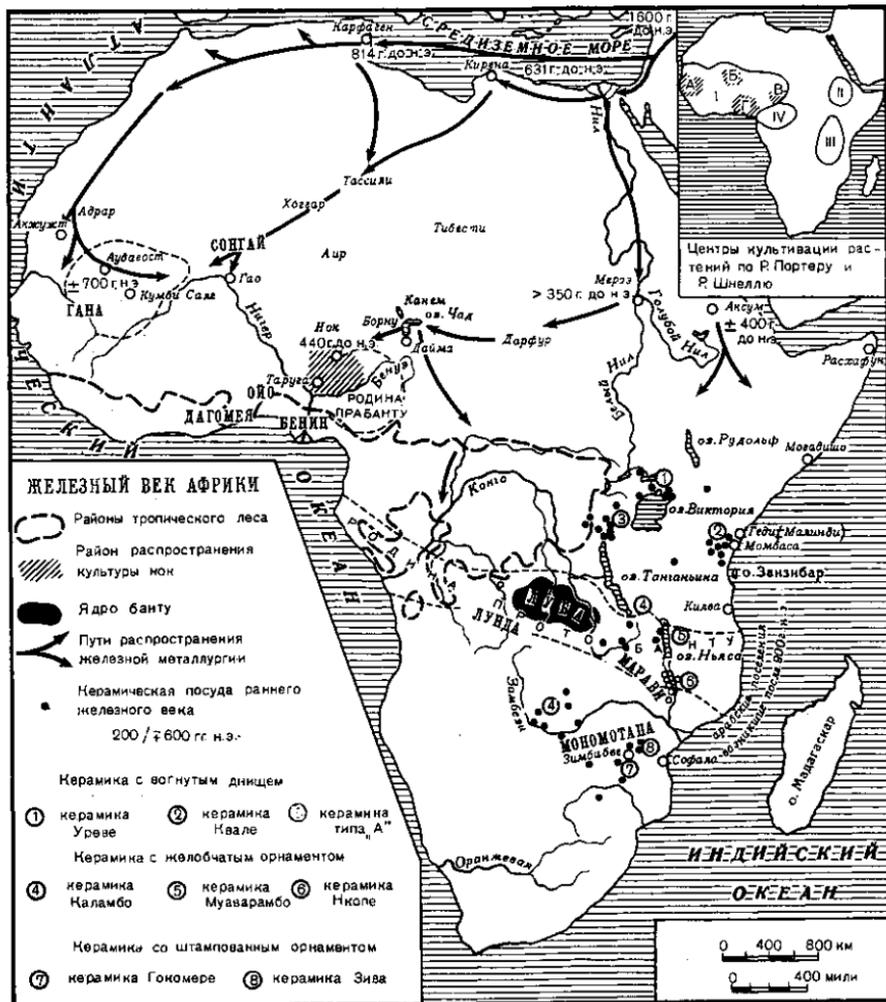
взаимодействии нескольких направлений научного поиска. Рубеж между историческим и доисторическим периодами никогда не проводился излишне резко в отношении Тропической Африки, где постоянно перекрещиваются интересы специалистов в области общественных и естественных наук и где лишь объединенными усилиями можно проследить достижения и многообразие исторического развития континента.

Лингвистические данные способствуют изучению миграций доисторического периода и определению древности африканских языков; в сочетании с вкладом других дисциплин они обеспечивают более ясное понимание хронологической, этнической и культурной природы явлений. Новейшие лингвистические исследования показывают, что языки банту и языки остальных негроидов имели общую прародину в восточной части Западной Африки, в районе Чада и Камеруна [104, с. 30—41]. Они свидетельствуют, что в южной части бассейна Конго существовал основной центр, где развивался язык «протобанту» [108, с. 273—282]. Отсюда в различные периоды языки распространялись в самых разных направлениях [193, с. 361—376]. Также подтверждается выделение западного и восточного диалектальных районов, разделенных Рифт Валли. Теперь дело за этнографами и археологами, которым надлежит разместить эти события в верной последовательности и установить их значение для истории народов банту.

Сельские районы Центральной Африки еще в наши дни представляют живой, почти уникальный в своей сохранности пример социального устройства и техники железного века. Именно отсюда должны начинаться все попытки реконструкции и истолкования культурных контактов.

Новейшие исследования, предпринятые с целью изучения биологической близости этнических групп, направлены на определение основных различий между ними с точки зрения биологически изменчивых типов. При широком привлечении данных лингвистики они показали, что большая часть древних банту происходит из района саванн к северу от экваториальных лесов. Двигаясь из этих районов, банту пересекли пояс лесов, что кажется предпочтительнее окружного движения по их восточной оконечности, и проникли в схожую с первоначальной среду обитания в Южном Конго, откуда впоследствии и началась их широкая экспансия в Восточную и Южную Африку [116, с. 505—515]. Быстрые темпы движения из указанного основного района распространения подтверждаются археологическим ма-

териалом, в настоящее время, однако, весьма отрывочным. Сколь ни парадоксальным это может показаться, в нашем распоряжении отсутствуют как раз данные из самого бассейна Конго. Однако не будет слишком рискованным предположить, что предки народов, говоривших на «протобанту» и занимавшихся в основном культивацией корнеплодов и различных видов сорго и проса, проникли в западные и северо-восточные обла-

сти бассейна Конго, возможно, во II, но более вероятно в I тысячелетии до н. э., т. е. в период, для которого, как мы уже видели, имеются данные о расчистке лесов. В каменном инвентаре заметно значительное воздействие охотничье-собираТЕЛЬСКИХ культур Конго. Вслед за этим, приблизительно в начале нашей эры, появление железной металлургии послужило стимулом к быстрым и массовым перемещениям народов из основного района распространения в области южнее пояса лесов.

Добыча и обработка металлов

Когда и откуда знание металлургии железа пришло в Африку южнее Сахары, длительное время оставалось неясным. В самое последнее время датировка этого события была передвинута на середину I тысячелетия до н. э. В этот период в местности между Нигером и Бенуэ выплавкой железа занимались негроидные народы Северной Нигерии, культуру которых стали именовать «нок», по названию местечка, где производились первые археологические изыскания [92, с. 41—50]. Культура нок цели-

Железный век Африки.

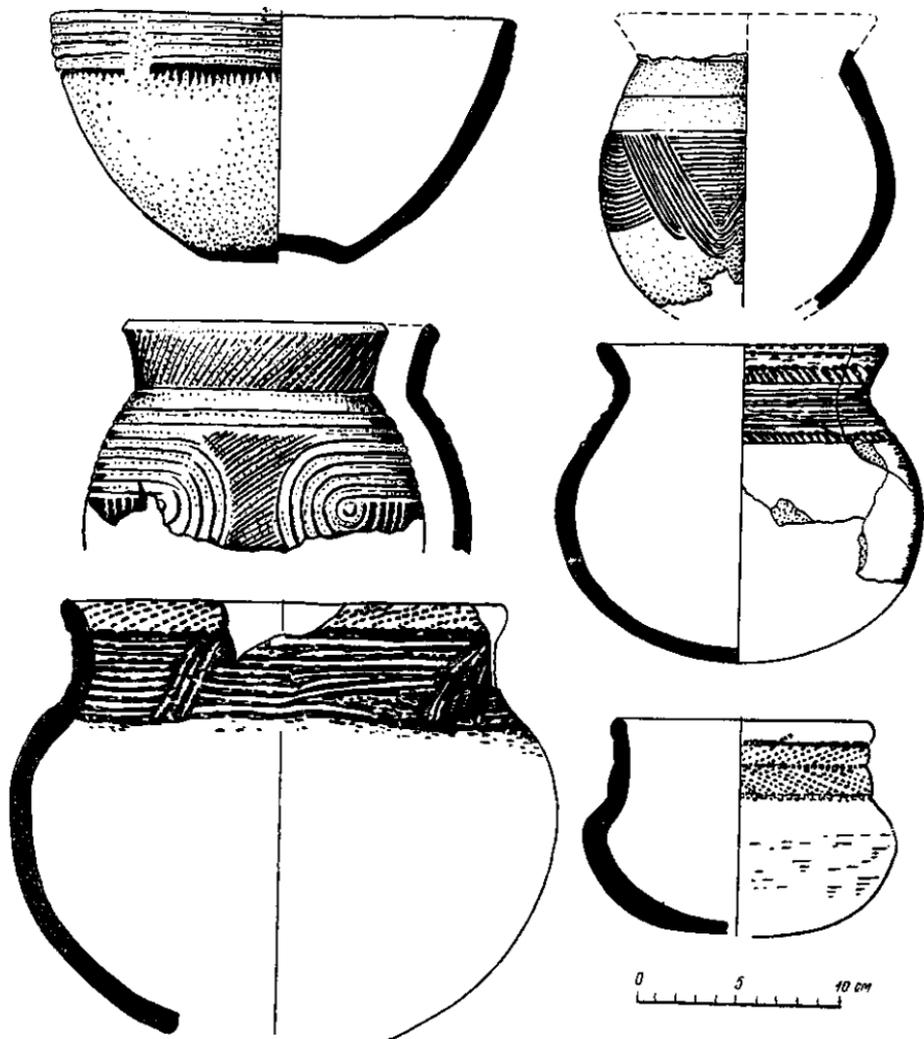
На врезке: центры культивации растений в Африке южнее Сахары (по Р. Портеру и Р. Шнеллю)

I. Западноафриканский центр			
А. Район Сенегамбии		Сорго:	<i>Sorghum gambicum</i>
		Просо:	<i>Pennisetum</i> (4 вида)
			<i>Digitaria exilis</i> (fonto)
		Рис:	<i>Oryza glaberrima</i> (центр вторичного распространения)
Б. Район Центрального Нигера		Сорго:	<i>Sorghum</i> (5 видов)
		Просо:	<i>Pennisetum cinerem</i>
		Рис:	<i>Oryza glaberrima</i>
В. Чадско-Нильский район		Просо:	<i>Pennisetum</i> (3 вида)
Г. Субэкваториальный район (Нигерийская зона лесов)		Ямс:	<i>Dioscorea cayenensis</i> , <i>dioscorea dumetorum</i>
		Пальмовое масло:	<i>Elaeis guineensis</i>
II. Нильско-Эфиопский центр			
А. Нильский район		Сорго:	<i>Sorghum durra</i> и 3 других вида
		Просо:	<i>Pennisetum</i> (4 вида)
		Растительные масла:	<i>Sesamum</i> (3 вида)
Б. Абиссинский район		Тэфф:	<i>Eragostis abyssinica</i>
		Ячмень:	<i>Hordeum distichum</i> (центр вторичного распространения)
		Бананы:	<i>Ensete edulis</i>
III. Восточноафриканский центр		Сорго:	<i>Sorghum</i> (5 видов) (центр вторичного распространения)
			<i>Pennisetum</i> (5 видов)
		Просо:	<i>Eleusine corchorana</i> (центр вторичного распространения)
IV. Центральноеафриканский район		Земляные бобы:	<i>Voandzeia subterranea</i>
		Ливингстонов картофель:	<i>Coleus</i> (2 вида)
		Пальмовое масло:	<i>Elaeis guinneensis</i>

ком относится к железному веку, и ее расцвет датируется, по-видимому, V в. до н. э.— II в. н. э. Не вызывает, однако, сомнения, что границы этой культуры должны быть раздвинуты, поскольку превосходные терракотовые головы и статуэтки, принесшие ей славу, являются, как теперь полагают, основой искусства йоруба, которому принадлежат широко известные бронзовые головы Ифе [267, с. 119—128]. К северу располагается другой культурный район, относящийся приблизительно к тому же периоду, что и поздние этапы нок. Здесь, в Йелва, близ плотины на Нигере, было раскопано крупное поселение (датируемое 100—450 г. н. э.), где были обнаружены статуэтки, выполненные в стиле, отличном от нок [218, с. 12].

Очевидно, к рассматриваемому периоду размеры поселений увеличились; таким образом, они служат свидетельством длительного заселения лесов и саванн Западной Африки. Можно ожидать, что дальнейшие исследования представят существование этих поселений в рамках нескольких разобщенных, хотя и связанных между собой культурных регионов, в каждом из которых искусство развивалось в соответствии со своей собственной традицией. Возможно, по отношению к рассматриваемому времени допустимо уже говорить о племенной специфике, однако у нас пока нет данных о существовании каких-либо племенных объединений с централизованной политической властью. Вместе с тем, опираясь на одну датировку из Ифе, можно предположить, что династия йоруба утвердилась здесь к 560 г. н. э. Раскопки в Ифе, куда доставлялись для захоронения бронзовые головы правителей Бенина, подтверждают традиционную дату основания бенинской династии — около 1000 г. н. э. [там же, с. 14].

Вне зависимости от того, проникла ли металлургия железа в Западную Африку из Мероэ или же была принесена через Сахару берберами, находившимися в контактах с античным Средиземноморьем, она в течение длительного времени, безусловно, играла революционизирующую роль в жизни негроидных народов саванн и лесов. В ныне пустынных районах Борку, к северу от оз. Чад, железо появилось в первых столетиях нашей эры. Наиболее древние железные предметы телля Дайма, расположенного в степной области к югу от озера, датируются X—XI столетиями н. э. Вместе с тем, учитывая данные культуры нок, представляется вполне возможным, что железо использовалось здесь уже несколькими веками раньше [126, с. 377—404; 217, с. 18—23; 69, с. 313—320]. В Восточной и Южной

Керамика раннего железного века Африки южнее Сахары (по М. Познански, Дж. Д. Кларку и Б. М. Фэгэну, К. Р. Робинсону):

1—3 — сосуды с вогнутым дном с острова Лолуй (Уганда); 4 — горшок с желобчатым орнаментом (Мачили, Замбия); 5—6 — сосуды со штампованным орнаментом из Гокоче (Родезия)

Африке обработка железа появляется примерно тогда же.

Первые народы железного века, изготовлявшие керамику с вогнутым дном, с желобчатым и штампованным орнаментом, также появились в рассматриваемый период — между III и V веками н. э. — в Руанде-Бурунди, Кении, Танзании, Замбии, Малави и Родезии [88, с. 101—110; 209, с. 107—146; 233, с. 1—18]. Проникновение этих племён в Катангу можно отнести, несмотря на отсутствие датировок, к этому же времени [187, с. 242]. Таким образом, народы железного века распространились как в самом бассейне Конго, так и вне его, достигнув побережья в районе Момбасы. Известно одно достаточно крупное поселение этого времени у водопада Каламбо; прочие поселения Родезии указывают на существование меньших коллективов, обитавших лишь в нескольких хижинах [205; 61, с. 75—102; 207, с. 155—172]. Эти народы уже полностью жили в железном веке. Широкое распространение характерной для них керамики и растущее число получаемых датировок свидетельствуют о том, что их продвижение было чрезвычайно быстрым. Оно, по всей вероятности, шло из основного района распространения банту, хотя в этом отношении нет полной определенности, поскольку район недостаточно исследован археологами. Остается неподтвержденным и другое передвижение народов (не имеющее отношения к тому, о котором идет речь), связанное с распространением сорго, проса и рогатого скота и проходившее по линии великих озер.

Использование железа предопределило появление более эффективного боевого и охотничьего инвентаря и орудий для расчистки леса. Наряду с этим разведение растений и, вероятно, злаковых культур, возможное привнесение или заимствование азиатских продовольственных культур (ямса, таро и бананов), а также способность к социальной и политической организации объясняют, по-видимому, быстроту распространения банту [193, с. 361—376].

Высказывались, конечно, и утверждения, что язык и культура распространились вместе с крупными массами негроидов, двигавшихся в районы обитания койсано- и кушитоязычных народов. Совокупность имеющихся данных не подтверждает этой точки зрения. Обширные передвижения народов начала прошлого столетия в Южной Африке или же XVI в. в Восточной Африке и Конго имели в своей основе специализированную военную организацию, сведений о которой по отношению к I тысячелетию в Африке южнее Сахары у нас в настоящее

время нет. Предметы материальной культуры, ископаемые останки и данные устной традиции предполагают скорее постепенное просачивание небольших групп, селившихся в районах, наиболее благоприятных для возделывания земли; охотники и скотоводы приветствовали появление мигрантов, поскольку те обладали более развитой техникой [63].

Именно появление небольших мигрирующих групп или отдельных семей объединило после XVI в. народы, обитавшие в коридоре между озерами Ньяса и Танганьика, в племенные союзы, возглавляемые вождями [269]. Идущее со времен второй мировой войны постепенное проникновение народов мвико (т. е. валуэна и валучази) из Северо-Западного Баротселенда в район южного плато Замбии или народа бахуту из Конго в Западную Уганду, по всей вероятности, позволяет судить о том, как начиналось распространение языка и культур банту.

Расселение в пустынях или редкозаселенных областях и социально обусловленные виды деятельности, влияющие на процесс скрещивания в масштабах всего населения, явились, можно полагать, причиной резкого увеличения численности мигрирующих групп. В свою очередь, перекрестные браки и гибридизация обычно вели к потере наименее желательных для автохтонного коллектива черт и к приобретению черт более предпочтительных, характерных для пришельцев, а также к принятию их языка. Смешанный негроидно-койсанский физический тип, представленный ископаемыми находками в Замбии, Родезии и Северном Трансваале, указывает именно на такую гибридизацию. В самом деле, это — наиболее вероятное объяснение ситуации, при которой невозможно говорить о едином физическом типе банту. Бантуязычные народы Восточной Африки, например, так же отличаются друг от друга, как банту из Центральной и Юго-Восточной Африки. Это, по-видимому, в основном объясняется их смешанным генетическим составом, а также приспособлением к условиям окружающей среды.

Общества железного века

Многообразие экологических условий, в которых распространялись языки банту и железная металлургия, наряду с постоянным составом генофонда обусловили быстрое увеличение числа племен после I тысячелетия н. э. Лишь в XI столетии в Африке южнее Сахары возникло соперничество за землю, и оно, по-видимому, явилось одной из причин появления новых централизованных автократий, утверждавших свою индивидуальность

при помощи захватнических войн, торговли и религиозных связей. Каждая из них отличалась лишь ей присущей культурной спецификой, но могла вместе с тем составлять часть более крупного объединения, для которого была характерна широкая совокупность общих культурных черт.

Хотя концепция культурных регионов в настоящее время несколько устарела, она тем не менее все еще обладает большой ценностью и является, как уже указывалось, существенной для понимания образа жизни африканцев. Анализ последнего должен сосредоточиваться на культуре, по отношению к которой язык и физический тип представляют собой столь непредсказуемые переменные величины [114, с. 51—59]. Таким образом, сходства и различия в культуре могут проследиваться в масштабе всего континента, причем каждый из основных регионов может быть подразделен на более мелкие области.

Могущественные империи Луба и Лунда в Катанге, царство Касай в Конго [252, с. 37—97] и империя Мономотапа оказывали решающее воздействие на ход событий в Центральной Африке в исторические времена, частично из-за возможности сосредоточивать в своих руках торговлю, частично ввиду организаторских способностей правящей верхушки. У нас нет возможности более чем очень кратко упомянуть о важных последствиях сухопутной торговли между Северной Африкой и западноафриканскими царствами, первым из которых была древняя Гана, возникшая в саваннах и степях между Нигером и Сенегалом к VII столетию н. э. [174, с. 71—74, 469—473, 480—482]. При этой торговле на север шли золото, слоновая кость и прочие товары, а на юг — соль. Было ли обусловлено возникновение городов-государств, княжеств и деспотических империй в зоне саванн и лесов после V в. н. э. созданием берберами и арабами торговых городов к югу от пустыни, а также возможностями культурных контактов с народами, имевшими письменную культуру? Или же эти образования имеют мало общего с североафриканской культурой? Последствия арабского вторжения в Северную Африку в VII—VIII вв., а также влияние цивилизации Аксума на Эфиопию после I в. очевидны. Однако в какой степени развитие народов Западной и Центральной Африки, например, обязано проникновению в начале азиатских, а впоследствии американских продовольственных культур? Или насколько зависела экспансия империи Канем-Борну в XIII столетии от контактов с Триполи и долиной Нила? Или какова взаимосвязь ранних меде- и железообрабатывающих центров

балуба в Катанге в VIII—IX вв. и торговли медью с портовыми городами Индийского океана? И до какой степени влияли на природу союза Мономотапа — Зимбабве, развивавшегося на родезийском плато после X столетия, средневековые арабские поселения на побережье Индийского океана? Ответы на эти вопросы будут получены лишь в результате дальнейших исследований.

В настоящее же время складывается впечатление, что если эти влияния дали толчок, начальный импульс развитию африканских культур, то сложившаяся у каждой из них специфическая форма была в высшей степени собственной, чисто африканской. Культура Мономотапа—Зимбабве является типичным и в то же время одним из наиболее впечатляющих примеров. На высокой, крутой возвышенности в Машоналенде, заселенной впервые в 300 г. н. э. народами, изготовлявшими керамику со штампованным орнаментом, были в XII столетии возведены массивные, сухой кладки стены, окружавшие жилище правителя и укрытие для множества священных реликвий союза народов, находившихся под властью мономотапы⁴. Это был деспотический монарх, через своих наместников державший под контролем большую часть Машоналенда от Замбези до Лимпопо, а также золотые прииски к западу от Бутуа. «Владыка рудников» торговал золотом и слоновой костью, не находившими применение на месте, с арабами, индусами и (позже) португальцами в портовых городах Софала и Кильва. В обмен мономотапа получал не только товары — ткани и стеклянные бусы, например, — но также и информацию о жизни арабского мира и Востока [90, с. 1—14].

Возможно, именно знакомство с каменными мечетями и дворцами средневековых арабских городов предопределило монументальную архитектуру Зимбабве: эллиптическое здание с его гигантскими, сложенными из камня без применения цементующего раствора стенами или же параллельные проходы и конические башни. В этой части Африки строительство из камня было неизвестно. В то же время в своем назначении постройки Зимбабве целиком африканские. Эллиптическое здание, например, представляет собой царский дворец, в плане основания

⁴ Мономотапа (от «мвене мутапа» — «владыка рудников») — титул правителя государства, образовавшегося в междуречье Замбези—Лимпопо. В арабских и португальских источниках этот титул со временем приобрел значение названия государства. Государству Мономотапа соответствует археологическая культура Зимбабве. (Прим. ред.)

напоминающий резиденцию современного верховного вождя Баротселенда [54, с. 291]. Стены и террасы Зимбабве, а также еще примерно трехсот каменных руин подобного типа являются молчаливыми свидетелями организаторских и творческих способностей народов машона, чей мамбо продолжал править в районе междуречья вплоть до 1822 г., когда возглавляемый им союз розви⁵ распался под ударами полков Звенгендабы и его шангаанов, хлынувших из Натала.

История этого государства — типичный образец исторического развития царств банту Центральной Африки. Первоначально здесь существовала централизованная власть, вне сомнений установленная и поддерживаемая сильным правителем, который контролировал значительные природные богатства, распределявшиеся при помощи сети внутренних и внешних торговых маршрутов. Окончательный распад и исчезновение государства следовали за упадком центральной власти, в чем были повинны слабые правители. Кроме того, могла сыграть свою роль и та легкость, с которой племенные вожди в провинции объявляли в те времена свои владения автономными, — в условиях тропиков не существовало должной системы коммуникаций. Иногда причиной падения центральной власти было возвышение зависимого государства, образовавшегося в результате подобного процесса «отпочкования». Иногда, как это случилось с государством баротсе, падение центральной власти происходило под ударами превосходящей военной мощи соперника. В XIX столетии появился новый фактор — работорговля и борьба за слоновую кость, которые подорвали систему традиционной власти во внутренних районах континента и, таким образом, открыли дорогу колониальному правлению.

Значение доисторического периода Африки

Поскольку основной интерес к истории Африки ныне переместился от колонизирующих держав к самим африканским народам, настало время и для более объективного подхода к предыстории континента, подхода, не обремененного предвзятыми оценками, унаследованными от раннего этапа изучения Западной Европы, для которого было характерно подчеркивание ее особой роли. Так как успех, с которым проходили перемены в

⁵ Империя Мономотапа, созданная одним из народов машона, макаранга, распалась в XVII в. Союз племен розви (баротсе), входивший в состав Мономотапы, выступил тогда в качестве новой политической силы в междуречье Замбези—Лимпопо. Мамбо — титул правителя розви. (*Прим. ред.*)

социально-экономическом развитии, становится очевидным лишь при изучении материальных предметов в их связи с экологическими и биологическими факторами, типичными для регионов, где эти предметы были обнаружены, критическая переоценка подобного археологического материала, взятого в своем естественном и хронологическом окружении, возможно, обеспечит лучшее понимание причин и последствий многообразия, ему присущего. Будучи еще далекой от всестороннего охвата, картина, возникающая перед нами сегодня, значительно отличается от прежних, рисовавших изоляцию и стагнацию, спорадически перемежавшихся культурными импульсами, исходившими от мигрантов с других континентов. В то время как африканские народы спешили пользоваться возможностями культурного обмена с неафриканцами, обмен этот действовал и в обратном направлении, и от этого выиграли как Африка, так и мир в целом.

Представления, изобретения, технология и предметы материальной культуры распространялись и приспособлялись к местным нуждам, становясь, таким образом, частью традиционной системы и часто теряя при этом многое от своего изначального смысла, но приобретая новое содержание. Вместе с тем, прародина человека находилась, как теперь представляется, где-то в саваннах Тропической Африки; что же касается вклада этого континента в мировую культуру, например в искусство, то его трудно переоценить.

Хотя время от времени и раздаются голоса, утверждающие, что можно прожить без истории, ощущение истории лежит глубоко внутри нас. Это вряд ли покажется удивительным, поскольку образ жизни каждого общества определен традициями, зародившимися в его прошлом. В Африке это приходится принимать во внимание в большей степени, чем в какой-либо другой части света. Именно здесь предыстория играет очень важную роль, так как с ее помощью мы можем проникнуть в глубь времен и проследить все истоки современной культуры, за исключением относящихся к недавнему прошлому.

Развиваются новые структуры, ставятся новые цели, появляются новые лидеры, которым предстоит осуществить новые свершения, но с каждым годом все более явным становится растущее понимание важности прошлого; происходит это из-за большего значения, которое придается традиционному наследству и традиционному образу жизни. Неразрывная связь с прошлым континента является ключом ко всем переменам, происходящим сегодня в новой Африке.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОСТАВ НЕКОТОРЫХ АФРИКАНСКИХ ДОИСТОРИЧЕСКИХ КУЛЬТУР: ПРОЦЕНТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ОРУДИЙ

Восточная Африка

Олдувайская культура. Датировка: 2,0—2,5 (?) млн. лет — ±1 млн. лет назад. Материал из ДК I, нижняя часть слоя I, Олдувайское ущелье. Процентное содержание: чоперы 11,9; многогранники 10,3; дискоиды 11,3; сфероиды 0,6; скребки 1,8; смешанные орудия 2,1; камни-«наковальни» 5,5; камни-молоты 14,6; крупные орудия со следами использования 31,1; небольшие орудия со следами использования 10,3.

Развитая олдувайская культура. Датировка: ±1 (?) млн. лет—±600 тыс. (?) лет назад. Материал из ВК II, верхняя часть слоя II, Олдувайское ущелье. Процентное содержание: чоперы 9,5; проторубила 1,9; многогранники 1,9; дискоиды 5,4; сфероиды 24,8; скребки 8,9; остроконечники 5,2; смешанные орудия 4,4; фрагменты, обработанные техникой скола, 8,1; камни-«наковальни» 2,2; камни-молоты 4,4; крупные орудия со следами использования 3,5; отщепы со следами использования и пр. 19,0.

Нижний ашель. Датировка: ±1 (?) млн. лет —±0,5 (?) млн. лет назад. Материал из ЕF—HR, средняя часть слоя II, Олдувайское ущелье. Процентное содержание: чоперы 10,5; рубила 38,9; дискоиды 1,0; сфероиды 11,5; скребки 1,0; смешанные орудия 8,5; камни-молоты 7,3; крупные орудия со следами использования 22,1.

Верхний ашель. Датировка: ±500 тыс. (?) — 60 тыс. лет назад. Материал со стоянки Исимила, участок К 14. Процентное содержание: рубила 13,6; кливеры 40,0; ножи 0,8; диски 1,6; нуклевидные скребки 0,8; кирки 1,6; чоперы 9,6; сфероиды 7,2; небольшие скребки 13,6; прочие мелкие орудия 8,0.

Северо-Западная Африка

Атерская культура. Датировка: >30 тыс.—<19 тыс. лет назад. Материал со стоянки Айн Фритисса, Восточное Марокко. Процентное содержание: отщепы леваллуа 13,70; пластины леваллуа 3,20; остроконечники леваллуа 1,05; остроконечники псевдолеваллуа 0,58; мустьерские остроконечники 4,65; боковые скребки 48,55; боковые скребки с двусто-

ронней ретушью 1,20; нуклевидные скребки 1,65; концевые скребки 2,85; резцы 0,38; сверла 0,66; ножи с необработанной спинкой 1,05; ножи с затупленной спинкой 0,85; скребла 0,05; отщепы со сколотой верхушкой 0,85; фрагменты с выщербленными выемками 2,20; фрагменты с зазубренными краями 6,75; чопперы 0,58; черешковые отщепы и остроконечники 0,90; отщепы с частично двусторонней обработкой 1,09; расщепленные фрагменты 0,09; орудия с двусторонней ретушью 2,20; многогранники 0,35; смешанные орудия 4,52.

Оранская (иберо-маврская) культура. Датировка: >12 тыс.—10 тыс. лет назад. Материал из слоя VIII пещеры Тафоральт, Марокко. Процентное содержание: резцы 0,8; зазубренные орудия 8,0; концевые скребки 1,8; фрагменты со сколом 0,5; отщепы со следами использования 4,7; микрорезцы 18,6; микропластины со спинкой 60,2; смешанные орудия 5,4.

Капсийская культура. Датировка: типичный капсий — ±10000 (?) — 8500 лет назад; верхний капсий — приблизительно 8500—6500 лет назад. Материал типичного капсия со стоянки в Айн Меттершем, Тебесса, Тунис. Процентное содержание: ножевидные пластины со спинкой 33,25; резцы 6,65; концевые скребки 5,75; ножевидные пластины со сколом под тупым углом 0,25; фрагменты с выщербленными и зазубренными краями 9,60; микропластины со спинкой и с выпуклым лезвием 23,55; микролиты: сегментовидные 2,42; треугольные 1,27; трапециевидные 0,64; микропластины со сколом 2,67; микропластины с плечиками 1,14; буры 0,64; микрорезцы 11,05; верхние и нижние части зернотерок 0,50; костяные проколки 0,12; прочее, включая куски краски, 0,50.

Северо-Восточная Африка

Леваллуа-мустьерская культура. Датировка: >60 тыс.—±55 тыс. лет назад. Материал из слоя XXXIII пещеры Хауа Фтеах, Киренаика. Процентное содержание: остроконечники 8; боковые скребки 19; концевые скребки 10; скребки смешанных типов 13; резцы 2; фрагменты с выщербленными краями 44; скобели и чешуйчатые фрагменты 2; шилья 2.

Нубийско-мустьерская культура, тип А. Датировка: >47 тыс.—<35 тыс. лет назад. Материал со стоянки 1010-8 к востоку от Вади Хальфа, Судан. Процентное содержание: отщепы леваллуа 16,2; остроконечники леваллуа 0,6; остроконечники псевдолеваллуа 1,1; боковые скребки 12,7; концевые скребки 7,5; скребла 0,6; резцы 1,7; сверла 5,8; фрагменты со сколом 7,5; фрагменты с выщербленным краем 9,2; фрагменты с зазубренными краями 13,9; проколки 4,6; орудия с контрретушью 6,9; остроконечники типа «тайяк» 1,1; орудия с выемкой на конце 5,8; смешанные орудия 4,6.

Даббская культура. Датировка: ±40 тыс.—15 тыс. лет назад.

Раннедаббский материал из слоев XX, XXI пещеры Хауа Фтеах, Киренаика. Процентное содержание: ножевидные пластины со спинкой 47,1; резцы 17,82; ножевидные пластины с подточенным лезвием 7,10; концевые скребки 16,30; смешанные типы скребков 8,20; шилья 2,72; чешуйчатые фрагменты 0,38; оббитые тесла 0,38.

Х о р м у с а н с к а я к у л ь т у р а. Датировка: >22 000 — < 18 700 лет назад. Материал стоянки 34 А, Дебейра Ист, Нубия. Процентное содержание: отщепы леваллуа 57,8; пластины леваллуа 2,9; остроконечники леваллуа и псевдолеваллуа 4,4; резцы 3,3; концевые скребки 1,2; боковые скребки 8,9; фрагменты с выщербленным краем 5,0; орудия с зазубренным краем 7,1; ретушированные отщепы 4,1; фрагменты со сколом 0,9; ножи с необработанной спинкой 0,3; смешанные орудия 1,2.

Х а л ь ф с к а я к у л ь т у р а. Датировка: приблизительно 20 тыс.— 17 тыс. лет назад. Материал фазы II со стоянки 1020, Вади Хальфа, Судан. Процентное содержание: отщепы хальфа 62,5; отщепы леваллуа 2,0; концевые скребки 2,5; нуклеидные скребки 3,0; боковые скребки 1,5; сверла 0,5; резцы 6,5; орудия с зазубренными краями 6,0; фрагменты с выщербленными краями 6,5; отщепы со сколом 2,5; ножи с частью спинки и с необработанной спинкой 6,0; микропластины со спинкой 2,0; микропластины с ретушью 2,0; ретушированные отщепы 4,5; смешанные орудия 0,5.

С е б и л ь с к а я к у л ь т у р а. Датировка: приблизительно 15 тыс.— 11 тыс. лет назад. Ранний себильский материал со стоянки 1042, близ Миргиссы, Вади Хальфа, Судан. Процентное содержание: отщепы и пластины леваллуа 21,6; остроконечники леваллуа 3,1; боковые скребки 0,7; фрагменты с выщербленным краем 4,1; орудия с зазубренным краем 1,0; резцы 0,3; ножи с необработанной спинкой 1,0; орудия со сколотым основанием 27,1; орудия со сколотым под тупым углом основанием 15,4; орудия со сколом под тупым углом 11,1; отщепы и ножевидные пластины с затупленной спинкой 6,5; орудия со сколами основания и боковых граней 7,2; прочие себильские типы 0,3; микрорезцы 0,3.

К а д а н с к а я к у л ь т у р а. Датировка: приблизительно 14 500 — 6400 лет назад. Материал со стоянки ANE-1, Хальфа Дежим, к югу от Вади Хальфа, Судан. Процентное содержание: отщепы леваллуа 0,1; скребки с удлиненным концом 0,6; обоюдоострые и боковые скребки 4,9; боковые скребки 7,5; скребки с несколькими рабочими краями 1,8; прочие скребки 0,1; нуклеидные скребки 0,9; орудия с зазубренным краем 3,8; фрагменты с выщербленными краями 4,3; резцы 3,9; фрагменты со сколом 8,9; отщепы со спинкой 11,0; сверла 0,1; ножи и ножевидные пластины со спинкой 3,8; ножи с необработанной спинкой 0,3; микролиты: сегментовидные 23,0; геометрические 8,1; чешуйчатые орудия 3,3; остроконечники 5,4; отщепы и ножевидные пластины с ретушью 5,7; смешанные орудия 1,6; керны 0,5; зернотерки (пять фрагментов).

Центральная и Западная Африка

Культура санго. Датировка: ± 46 тыс.— ± 37 тыс. лет назад. Материал из горизонта В2/59/4, водопад Каламбо, Замбия. Процентное содержание: рубила 2,45; кливеры 1,10; ножи 2,45; кирки 0,74; нуклеидные рубила 6,5; чопперы 2,20; крупные скребки 3,70; мелкие скребки 63,10; нуклеидные скребки 8,50; прочие крупные орудия 0,38; прочие мелкие орудия 8,5; сфероиды 0,38.

Культура лупембе. Датировка: приблизительно 36 тыс.—14 тыс. лет назад. Материал верхнего лупембе со стоянки Матафари, Дундо, Северо-Восточная Ангола. Процентное содержание: рубила 3,25; прочие бифасы 11,1; чопперы 2,6; кирки 9,1; скребки из отщепов 25,3; нуклеидные рубила 36,3; остриеконечники 4,55; топоры «транше» 0,65; многогранники 3,25; камни-молоты, зернотерки и камни-«наковальни» 3,9.

Читольская культура. Датировка: приблизительно 13 000—4500 лет назад. Материал со стоянки, расположенной на десятиметровой террасе в районе шахты Каума, Северо-Восточная Ангола. Процентное содержание: рубила 2,3; чопперы 0,8; нуклеидные рубила 16,1; небольшие бифасы 0,8; отщепы со следами использования 3,3; нуклеидные скребки 0,3; скребки из отщепов 15,1; ножевидные пластины и отщепы со спинкой 1,3; микролиты 0,8; фрагменты с одним сколом 23,4; орудия со сколом «малый транше» 31,6; зернотерки, молоты, песты и камни-«наковальни» 4,1; смешанные орудия 0,5.

Западноафриканская микролитическая культура. Датировка: ± 4 тыс. лет назад. Материал из скального укрытия в Старом Ойо, Юго-Восточная Нигерия. Процентное содержание: сегментовидные и трапециевидные микролиты 62,35; микропластины со спинкой 5,20; скребки 7,30; сверла 3,13; остриеконечники 12,36; резцы 2,14; бруски (rods) 1,10; чешуйчатые орудия 2,14; микрорезцы 2,14; смешанные орудия 2,14.

Родезия

Хараманская культура («родезийский протостиллбей»). Датировка: ± 42 тыс.—36 тыс. лет назад. Материал стоянки на плато Хараман, Гокве, Родезия. Процентное содержание: кирки 15,3; рубила 1,0; остриеконечники 17,1; скребки 47,2; ножевидные пластины со следами использования 8,3; чопперы, камни-«наковальни», камни-молоты и пр. 11,1.

Бамбатанская культура («родезийский стиллбей»). Датировка: 22 тыс.— ± 15 тыс. лет назад. Материал слоя 7, Кхами, Родезия. Процентное содержание: остриеконечники с односторонней обработкой 10,45; остриеконечники с двусторонней обработкой 3,44; скребки 39,0; ножевидные пластины со спинкой 13,90; крупные сегментовидные орудия 3,85; резцы 3,85; пилы 4,50; отщепы с контрретушью (касуга) 1,02; сверла 0,34; ножи

со спинкой 1,36; чоперы 0,69; сфероиды 0,34; камни-молоты 9,70; камни-«наковальни» 2,40; ретушеры 1,72; кусочки краски 3,44.

Умгузанская культура (-«родезийско-магозийская»). Материал слоя 6, Кхами, Родезия. Процентное содержание: остроконечники 15,89; скребки 19,00; чешуйчатые орудия 6,20; пилы 1,25; резцы 3,05; орудия со спинкой и с отверстиями 7,15; ножевидные пластины и сегментовидные орудия со спинкой 36,05; сверла 2,70; топоры «транше» 1,25; камни-молоты 0,62; камни-«наковальни» с двумя плоскостями 1,56; ретушеры 2,17; камни с желобками 0,62; чоперы 0,62; зернотерки 1,25; кусочки краски 0,31; смешанные орудия 0,31.

Помонгванская культура. Датировка: приблизительно 9400—7500 лет назад. Материал слоев 7—10 пещеры Помонгве, Родезия. Процентное содержание: скребки с округлым рабочим краем 89,15; скребки в форме утинового носа 1,90; скребки с выемкой на конце 0,13; боковые скребки 0,19; резцы 0,19; чоперы 0,19; молоты-отбойники 2,85; камни-«наковальни» 3,24; ретушеры 1,14; костяные проколки 0,57; иглы с ушком 0,19.

Матопанская культура (-«родезийский уилтон»). Датировка: приблизительно 7500—1200 лет назад. Материал пещеры Амадзимба, Матопо Хилл, Родезия. Процентное содержание: ногтевидные скребки 37,55; прочие скребки 9,22; микропластины со спинкой 12,23; микролиты: сегментовидные 6,26; трапециевидные 0,18; остроконечники со спинкой 0,72; резцы 2,26; заостренные отщепы 1,08; сверла 0,18; ретушеры 0,90; камни-молоты 3,75; камни-«наковальни» 1,26; терочки 2,26; камни с желобками 1,44; шлифованные сланцевые фрагменты 0,18; костяной инвентарь 14,73; украшения из сланца, кости и слоновой кости, за исключением бус из скорлупы страусовых яиц, 4,36; смешанные орудия 1,44.

Южная Африка

Фаурсмитская культура. Датировка: ±60 тыс.—40 тыс. лет назад. Материал со стоянки Роойдам, северный район Капской провинции (все слои). Процентное содержание: рубила 13,4; кливеры 3,5; чоперы 4,6; прочие бифасы 2,4; ножи со спинкой 8,6; скребки с вогнутым рабочим краем 30,8; скребки с зазубренным рабочим краем 2,1; дискоиды 32,5; сфероиды 1,1; камни-«наковальни» 0,25; остроконечники 0,75.

Питерсбургская культура. Датировка: >40 тыс.—±15 тыс. лет назад.

Материал ранних этапов из слоя 4 пещеры Очагов, Трансвааль. Процентное содержание: отщепы с неправильным сколом верхушки (ок. 1/4 со следами использования) 49,5; отщепы с неправильным боковым сколом (некоторые со следами использования) 4,8; четырехгранные отщепы (ок. 1/4 со следами использования) 28,0; треугольные отщепы (некоторые со следами

использования и ретушью) 2,8; боковые скребки с одним рабочим краем 2,9; боковые—концевые скребки 0,2; боковые скребки с двумя рабочими краями 0,8; концевые скребки 0,2; кубоиды (нуклевидные скребки?) 2,7; сфероиды 1,8; чешуйчатые орудия 0,3; чопперы 0,1; камни-«наковальни» 0,2; смешанные орудия 3,5.

Материал среднего этапа из слоя 5 пещеры Очагов. Процентное содержание: отщепы с неправильным сколом верхушки (ок. $\frac{1}{4}$ со следами использования) 51,0; отщепы с неправильным боковым сколом (ок. $\frac{1}{4}$ со следами использования) 4,4; четырехгранные отщепы (ок. $\frac{1}{4}$ со следами использования, ок. $\frac{2}{3}$ с ретушью и $\frac{1}{4}$ необработанные) 3,8; боковые скребки с одним рабочим краем 2,5; боковые—концевые скребки 1,0; боковые скребки с двумя рабочими краями 0,9; концевые скребки 0,4; кубоиды 1,5; сфероиды 0,4; смешанные орудия 3,2.

Материал верхнего этапа из слоев 6—9 пещеры Очагов. Процентное содержание: отщепы с неправильным сколом (некоторые со следами использования) 36,5; отщепы с неправильным боковым сколом (некоторые со следами использования) 10,5; трехгранные отщепы (ок. $\frac{1}{4}$ со следами использования) 23,0; треугольные отщепы (ок. $\frac{2}{3}$ с ретушью, $\frac{1}{4}$ со следами использования, $\frac{1}{4}$ необработанные) 5,1; боковые скребки с одним рабочим краем 5,8; боковые—концевые скребки 1,1; скребки с двумя рабочими краями 2,6; концевые скребки 0,6; кубоиды 2,8; сфероиды 2,3; зернотерки 0,8; чешуйчатые орудия 4,0; отщепы со спинкой 0,2; смешанные орудия 4,8.

Культура мосселбей. Датировка: ± 35 тыс. (?)— ± 15 тыс. лет назад. Материал из слоя С пещеры Сент Блэйз, Мосселбей. Процентное содержание: остриеконечники 8,2; обработанные отщепы 43,2; обработанные осколки и обрубки 26,7; скребки 12,3; вогнутые скребки 4,1; ножевидные пластины со сколом 3,1; резцы 1,1; резцы-скребки 1,1.

Культура смитфилд А. Датировка: ± 11 тыс.—3 тыс. (?) лет назад. Материал из нижнего горизонта стоянки Зеекогат 13, Оранжевое свободное государство. Процентное содержание: скребки с выпуклым рабочим краем 8,4; обработанные отщепы 52,1; скребки с округлым рабочим краем 1,4; обработанные фрагменты отщепов (с прямым и выпуклым лезвием) 15,5; скребки с вогнутым рабочим краем 2,8; скребки с крутым сколом 2,8; концевые скребки 4,2; расщепленные фрагменты 2,8.

Культура смитфилд С. Датировка: ± 3 тыс. лет назад. Материал из слоя VIII скального укрытия Глен Эллиот, Оранжевое свободное государство. Процентное содержание: концевые скребки 8,4; боковые—концевые скребки 5,1; небольшие концевые скребки 1,7; скобели из гальки 3,4; ножевидные пластины и отщепы с ретушью 16,9; чешуйчатые орудия 6,8; небольшие скребки с выпуклым рабочим краем 28,8; остриеконечники со спинкой 8,5; микропластины со спинкой 15,2; скребки с округлым рабочим краем

3,4; шлифованные камни 1,7; фрагменты с выпуклым отретушированным лезвием 3,4; скребки с крутым сколом 1,7; расщепленные фрагменты 1,7.

Культура смитфилд В. Датировка: ± 1500 — ± 200 лет назад. Материал из слоя III скального укрытия Глен Эллиот, Оранжевое свободное государство. Процентное содержание: концевые скребки 15,3; боковые концевые скребки 14,1; небольшие концевые скребки 12,3; нуклевидные молоты 3,0; сверла 4,9; скобели со спинкой из гальки 2,5; отщепы и ножевидные пластины с ретушью 17,1; небольшие скребки с выпуклым рабочим краем 1,2; остроконечники со спинкой 0,6; микропластины со спинкой 3,6; фрагменты со спинкой и вогнутым лезвием 0,6; скребки с округлым рабочим краем 0,6; шлифованные камни 0,6; костяные проколки и фрагменты орудий из кости 17,8; долота 0,6.

Уилтонская культура. Датировка: ± 7000 —200 лет назад. Образцы характерного материала из скального укрытия Уилтон, восточная часть Капской провинции. Процентное содержание: концевые скребки 17,4; боковые—концевые скребки 0,9; небольшие концевые скребки 4,1; нуклевидные молоты 0,4; скребки с выпуклым рабочим краем 1,8; скобели со спинкой 3,3; микропластины и отщепы с ретушью 31,0; чешуйчатые орудия 1,6; небольшие скребки с рабочим краем 22,3; остроконечники со спинкой 0,5; микропластины со спинкой 1,3; сегментовидные микролиты 1,6; фрагменты со спинкой и с выпуклым лезвием 0,1; шлифовальные камни со следами сверления 0,7; микролиты в форме обоюдоострого полумесяца 1,3; небольшие двойные концевые-боковые скребки 6,6; небольшие скребки с округлым рабочим краем 1,5; небольшие боковые скребки 3,7.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Джон Десмонд Кларк — один из известнейших специалистов в области археологии и истории первобытного общества Африки. Более двух десятков лет он ведет археологические раскопки в разных районах континента. Его перу принадлежат книги и статьи, посвященные публикации материалов археологических экспедиций, исследованию этих материалов, восстановлению истории древнего человека в Африке.

«Доисторическая Африка» Кларка представляет второй опыт изучения древнейшего периода истории континента в целом. Впервые такая работа была сделана А. Алиман в 1955 г.¹ Ее книга подводила итоги археологических, геологических и палеоантропологических исследований каменного века Африки на год своего опубликования. К настоящему времени в связи с ускоренными темпами накопления информации по истории Африки эта работа безнадежно устарела. Предлагаемая книга завершает очередной этап в изучении древней истории Африки. Причем, в отличие от Алимана, Кларк рассматривает не только каменный, но и бронзовый и ранний железный век Африки, т. е. историю континента вплоть до начала нашего тысячелетия.

Автор не ограничивается систематизацией материала, что на данном этапе представляет уже значительное достижение. Его основная задача — реконструкция исторического процесса на континенте от начала антропогенеза до становления первых государств. И Кларк решает ее на высоком социологическом уровне. Построения Кларка основаны большей частью на бесспорном материале и добротных датировках. В некоторых случаях, когда данных мало, реконструкция кажется гипотетической. Но все выводы исходят из материалистической концепции истории человеческого общества и обусловлены высоким уважением к народам Африки.

Поэтому представляется, что «Доисторическая Африка» будет долго служить основным руководством по древней истории. Как отмечает сам Кларк, отдельные данные со временем должны уточняться и пересматриваться. Уточнения и дополнения, которые появились за пять лет, прошедших со дня выхода книги, в значительной степени уже собраны и проанализированы самим автором². Естественно, все, что сделано в этом направлении Кларком и другими исследователями, должно быть известно советскому читателю.

¹ H. Alimen. *Préhistoire d'Afrique*. Paris, 1955 (рус. пер.: А. Алиман. *Доисторическая Африка*. М., 1960).

² J. D. Clark. *A Re-Examination of the Evidence for Agricultural Origins in the Nile Valley*.—«Proceedings of Prehistoric Society», London, 1971, vol. 37, pt 2, c. 34—79; J. D. Clark. *Africa in Prehistory. Peripheral or Paramount?* The Huxley Memorial Lecture 1974.—«Man», London, 1975, vol. 10, № 2, c. 175—198.

1. Антропогенез

Последние находки Международной палеоантропологической экспедиции в Эфиопии (местность Хадар, долина Аваш, провинция Валло) удревнили появление гоминид до 4 млн. лет. В слое, который датируется калий-аргоновым методом $3,01 \pm 0,25$ млн. лет назад, открыты наиболее древние и наиболее полные останки существа рода человеческого. Судя по анатомическим особенностям скелета, это была особь женского пола¹.

Ненамного позже, 2 млн. 900 тыс. лет назад, жили гоминиды и на восточном берегу оз. Рудольф (местность Кооби Форэ, Кения). Среди открытых здесь ископаемых останков особое внимание ученых привлек «череп 1470». Емкость его мозговой коробки составляет 810 куб. см, что гораздо больше, чем у всех известных австралопитековых, в том числе и гораздо более поздних. В этом же районе, в этих же геологических условиях найдены кости конечностей гоминид, отличающиеся от таких же костей австралопитековых, и фрагменты детского черепа, имеющего прогрессивные черты.

Опираясь на эти находки, сын Л. Лики, Р. Лики, предложил новую схему антропогенеза. По его мнению, в нижнем эо-плейстоцене, между 5 и 4 млн. лет назад, генеалогическое древо человека дало четыре ветви. Только одна из них, представленная находками KNM-ER 1470 и KNM-ER 1590 с восточного берега оз. Рудольф, ОН 7 и ОН 16 из Олдувайского ущелья и др., привела к появлению *Homo sapiens*; *Homo habilis* Лики считает одной из тупиковых ветвей². Эта схема принята в настоящее время как рабочая гипотеза.

Хотя в связи с новыми находками представления о генеалогическом древе «венца творения» изменились, древность, многообразие и, наконец, количество палеоантропологических находок в Африке переводят гипотезу об африканской прародине человечества в разряд доказуемых истин. Судя по данным естественных наук, приэкваториальная область Африки на протяжении нескольких миллионов лет отличалась уникальными палеогеографическими условиями, в которых осуществлялось развитие гоминид, на определенном этапе достигшее рубежа, отделявшего животное от человека.

2. Ашельская археологическая культура

В Восточной Тропической Африке открыт ряд ашельских стоянок, датированных временем 1,5—1,3 млн. лет назад (в Олдувайском ущелье, на р. Пенинж и на восточном побережье оз. Рудольф). Следовательно, они на 1 млн. лет старше, чем стоянки, обнаруженные в Европе и на Ближнем Востоке. Г. Айзекс и Г. Кёртис объясняют данный феномен тем, что природные условия региона способствовали быстрее эволюции древнейших человеческих обществ³. Ашельские орудия ассоциируются с останками питекантропов. Если появление олдувайских орудий было прямо вызвано мясной

³ М. Таieb. La découverte en Ethiopie de restes d'homínidés vieux de plus des trois millions d'années.— «Bulletin et memoires de la Société d'anthropologie de Paris», 1975, sér. 13, t. 2, № 1, с. 87—89.

⁴ R. E. F. Leakey. Skull 1470.— «National Geographic», Washington, 1973, vol. 143, № 6, с. 818—829.

⁵ G. Ll. Isaaks, G. H. Curtis. Age of Early Acheulean Industries from the Peninj Group, Tanzania.— «Nature», London, 1974, vol. 249, № 5458, с. 624—627.

пищей, ашельские орудия, по мнению Кларка, представляют новый этап деятельности. Этот этап, вероятно, связан с новым и более эффективным путем эксплуатации природных ресурсов за счет растительных продуктов⁶.

3. Происхождение общественного сознания

Самые ранние свидетельства проявления общественного сознания, открытые на территории Африки, относятся к концу Вьюрма II. Они обнаружены в мустьерском слое стоянки Эль-Геттар на юге Туниса⁷. Здесь, как отмечает Кларк, найдены следы употребления минеральных красок. Кроме того, у артезианского колодца, действовавшего во время существования мустьерской стоянки, на специально вырубленной ступеньке открыто сооружение культового характера: сложенные холмиком камни — сфероиды. 60 шаров из известняка занимали площадь 75 кв. см. Самые большие из них (грубо обработанные) были диаметром 18 см. Они лежали в основании. Самые маленькие, тщательно отделанные — диаметром 4,5 см — венчали это сооружение. Наверху же находилось несколько превосходно обработанных длинных кремневых остроконечников. Сердцевину сооружения составляла плотная смесь из обычных кремневых орудий, измельченных костей и зубов диких животных.

Исследование флоры, существовавшей в период жизни мустьерского поселения в Эль-Геттаре, свидетельствует о прогрессирующей в это время аридности. Почитание источника воды, таким образом, должно быть связано с этим обстоятельством. Обычай подобных жертвоприношений засвидетельствован археологами, историками и этнографами в разных районах мира.

4. Наскальные изображения

Весьма спорный вопрос о времени появления древнейших наскальных изображений в Сахаре проясняется благодаря удачной находке Ф. Мори в Тадрарт Акакусе (Феццан, Ливия)⁸. Здесь, в местности Ти-н-асиш, на небольшом пространстве поверхности скалы имеются четыре четко различимых слоя изображений, наложенных один на другой. Слои различаются сюжетом, стилем и патиной. Высечены изображения древнего буйвола и трех жирафов. Самое позднее из изображений (жираф С) относится к периоду лошади (II—I тысячелетия до н. э.). Жираф В, представляющий типичный образец художественной школы Феццана пастушеского периода, соответственно датируется V—IV тысячелетиями до н. э. Самое раннее изображение жирафа (жираф А) принадлежит «стилю круглоголовых», т. е. времени до появления скотоводства в Сахаре (до середины VI тысячелетия до н. э.). Наконец, изображение древнего буйвола (*Bubalus antiquus*), представляющего фауны, исчезнувшей задолго до начала неолитического периода в северной части континента, по сумме признаков Мори уверенно помещает в верхнем плейстоцене.

⁶ J. D. Clark. *Africa in Prehistory*, с. 185.

⁷ M. Gruet. *Le gisement d'El Guettar et sa flore.*—«Libyca», Alger, 1960, t. 6—7 (1958—1959), с. 79—126; J. Maringer. *Das Wasser im Kult und Glauben der vorgeschichtlichen Menschen.*—«Antropos», Freiburg, 1973, vol. 68, № 5—6, с. 705—776.

⁸ F. Mori. *The Earliest Saharan Rock-Engravings.*—«Antiquity», Cambridge, 1974, vol. 48, № 190, с. 87—92.

5. Производительные формы хозяйства

Специальные исследования 1970—1974 гг., посвященные проблеме происхождения производительных форм хозяйства в Африке, показали, что к северу от 17-й параллели, в областях с благоприятными природными условиями, местное население самостоятельно предпринимало опыты по одомашниванию диких животных и окультуриванию дикорастущих злаков. Наиболее ранние опыты такого рода засвидетельствованы в долине Нила, где население от интенсивной охоты и собирательства (с XIII тысячелетия до н. э.) перешло к культивации местной флоры и одомашниванию фауны (с конца X тысячелетия до н. э.), разведению местных видов одомашненных животных и сухоходной системе земледелия, основанной на местных видах зерновых (с VI тысячелетия до н. э.). Эта практика просуществовала вплоть до Среднего царства Египта (традиционная датировка: 2052—1786 гг. до н. э.). Проникновение в долину Нила азиатских продовольственных культур и домашних животных в V тысячелетии до н. э. явилось следствием установившихся регулярных сношений с Левантом. Этот феномен означал, как мы видим, не начальную стадию производительных форм хозяйства, а замену генетически менее удобных местных видов более удобными, экзотическими видами⁹. От первоначального этапа перехода к производительным формам хозяйства в долине Нила до нашего времени дошли домашние кошка и осел¹⁰.

Одомашнивание крупного рогатого скота (*Bos brachyceros*) на Африканском континенте, очевидно, имело место в Центральной Сахаре до IV тысячелетия до н. э.¹¹. Отсюда скотоводство распространилось по всей зеленой Сахаре. Классическими поселениями суданских скотоводов можно считать стоянки, открытые в местности Каркаришкнат (уэд Тилемси, Мали). Эти поселения существовали с конца III по середину II тысячелетия до н. э. Они располагались на вершинах холмов, не затопляемых рекой во время половодья. Судя по инвентарю и ископаемым органическим находкам, обитатели поселений совмещали скотоводство с интенсивным рыболовством, охотой, собирательством диких растений и моллюсков. Их образ жизни, вероятно, был аналогичен современным нуэрам¹².

Культивирование местных дикорастущих злаков происходило на территории современной Мавритании¹³. Раскопки древней озерной впадины в Дар Тишит выявили шесть фаз существования озера и соответствующих слоев неолитических поселений. Первоначально здесь жили скотоводы. В отложениях фазы 2 (средняя дата — 1420 г. до н. э.) были найдены кости домашнего быка (*Bos taurus*) и домашней козы (*Capra hircus*). Скотоводство оставалось единственным производящим видом хозяйства населения этой мест-

⁹ D. Clark. A Re-examination...

¹⁰ R. Berger, R. Protsch. *The Domestication of Plant and Animals in Europe and the Near East.*—Approaches to the Study of the Ancient Near East. Rome, 1973, c. 214—227.

¹¹ G. Camps. *Les civilisations préhistoriques de l'Afrique du Nord et du Sahara.* Paris, 1974, c. 223—224.

¹² A. B. Smith. *Preliminary Report of Excavations at Karkarichinkat, Mali, 1972.*—«West African Journal of Archaeology», Ibadan, 1974, vol. 4, c. 33—55.

¹³ P. J. Munson. *Corrections and Additional Comments Concerning the «Tichitt Tradition».*—«West African Archaeological Newsletter», Ibadan, 1970, № 12, c. 47—48.

ности и в фазах 3—4. Правда, эти скотоводы занимались одновременно интенсивным собирательством. В культурных отложениях фаз 2—4 удалось выявить 67 зерен травы «крам-крам», которую до сих пор употребляют в голодные периоды, и одно зерно проса (*Pennisetum* sp.). В следующей 5-й фазе появляются еще два вида дикорастущих злаков и зерна проса составляют уже 3% общего числа находок этого рода. В 6-й фазе (1125 г. до н. э.) просо составляет 60% всех определимых зерен. Треть этого числа (все находки, которые удалось точно определить), безусловно, принадлежит культурному просу. В двух последующих, завершающих фазах просо достигает уже 80% всех найденных зерновых.

6. Образование древнеегипетского государства

Серии радиоуглеродных датировок для гробниц властителей древнего Египта значительно «омолаживают» возраст этого государства¹⁴. Так, образцы из гробниц I династии в Саккара укладываются в хронологические рамки 2500—2300 гг. до н. э. Древнее царство должно было начаться около 2150 г. до н. э., а Среднее — около 1800 г. до н. э.

7. Древняя Гана и средневековая Гана

Государство древняя Гана возникло в III—IV вв. н. э. на территории Мавритании. Основателями государства были предки современных сереров. В конце VIII в. Гана попала под власть сонинке, центр государства переместился. В связи с изменением исторической обстановки в Северо-Западной Африке и Западном Судане в VII—VIII вв. Гана сонинке, средневековая Гана, должна была значительно отличаться от Ганы предшествующего периода. Арабские источники, естественно, освещают события, относящиеся к средневековой Гане¹⁵.

8. Мономотапа

Монументальные постройки Большого Зимбабве и десятков других поселений в междуречье Замбези — Лимпопо принадлежат существовавшему здесь могущественному государству Мономотапа (1000—1500 гг. н. э.). Образование и укрепление этого государства связано с развитием внешней торговли, главным образом вывозом золота на восточноафриканское побережье¹⁶. Так что причины появления монументальных сооружений сомнения не вызывают. Что же касается их архитектуры, то тут не обнаружено влияний арабо-суахильского искусства. Возникновение каменного строительства в междуречье было обусловлено географическими особенностями этого района, где сама природа предоставляет в изобилии большие, почти геометрически правильные каменные плиты. В основе архитектурной формы соору-

¹⁴ C. Flight. A Survey of Recent Results in the Radiocarbon Chronology of Northern and Western Africa.— «Journal of African History», London, 1973, vol. 14, № 4, с. 533—534.

¹⁵ С. Я. Берзина. Предпосылки образования древней Ганы.— «Народы Азии и Африки», М., 1970, № 1, с. 62—71.

¹⁶ T. N. Huffman. The Rise and Fall of Zimbabwe.— «Journal of African History», London, 1972, vol. 12, № 3, с. 355—366.

жений лежат традиционные формы укреплений, жилищ, производственных построек, характерных для банту Восточной и Юго-Восточной Африки¹⁷.

9. Расселение зулусских племен в XIX в.

Политика объединения, проводимая Чакой, привела к переселению некоторых зулусских племен, не пожелавших терять свою независимость, на новые земли. Часть их, во главе с Моселекатсе, переселилась севернее, на земли басуто, а потом под давлением буров продвинулась на территорию машона (в современной Родезии). Здесь эти племена получили название матабеле. Другая часть, во главе с Сошангане, переселилась на земли тсонга (в современном Мозамбике), где эти зулусы стали называться шангаан. Третья часть, под предводительством Звангендаба, ушла за Замбези. Их теперь называют нгуни.

Таковы дополнения, которые необходимо сделать для настоящей публикации книги Кларка.

С. Я. Берзина

¹⁷ Н. А. Ксенофонтова. К вопросу о происхождении каменного строительства в Юго-Восточной Африке.— Некоторые вопросы истории стран Африки. М., 1968, стр. 121—140.

1. Abraham D. P. The Roles of «Chaminuka» and the Mhondorocults in Shona Political History.—The Zambebian Past. Eds. E. Stokes and R. Brown. Manchester, 1966.
2. Anthony B. The Stillbay Culture.—Congrès pan-africaine de préhistoire et de l'étude du Quaternaire. VI-e session. Dakar, 1967.
3. Ardrey R. African Genesis. London—New York, 1961.
4. Arkell O. J., Bate D. M. A., Wells L. H., Lacaille A. D. The Pleistocene Fauna of Two Blue Nile Sites.—Fossil Mammals of Africa. London, 1951 (British Museum. Nat. Hist. № 2).
5. Arkell A. J. Shaheinab. Oxford, 1953.
6. Arkell A. J. Four Occupation Sites at Agordat.—«Kush», Khartoum. 1954, vol. 2.
7. Arkell A. J. A History of the Sudan to 1821. London, 1961.
8. Arkell A. J. The Aterian of Great Wanyanga (Ounianga, Kebir).—Actes du IV-e congrès pan-africaine de préhistoire et de l'étude du Quaternaire. Section III. Eds. G. Mortelmans and J. Nenquin. Tervuren, 1962.
9. Arkell A. J., Ucko P. J. Review of Predynastic Development in the Nile Valley.—«Current Anthropology», Chicago, 1965, vol. 6, № 2.
10. Arkell A. J. Early Khartoum. Oxford, 1966.
11. Baker Sir Samuel W. Wild Beasts and Their Ways: Reminiscences of Europe, Asia and America. Vol. 1. London, 1890.
12. Bakker E. M. van Zinderen. Analysis of Pollen Samples from Northeast Angola.—Clark J. D. Prehistoric Cultures of Northeast Angola and Their Significance in Tropical Africa. Lisbon, 1963 (Museu do Dundo. Publicações culturais. № 62).
13. Bakker E. M. van Zinderen. Upper Pleistocene and Holocene Stratigraphy and Ecology on the Basis of Vegetation Changes in Sub-Saharan Africa.—Background to Evolution in Africa. Eds. W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, 1967.
14. Balout L. Découverte d'un squelette humain préhistorique dans la région de Tébessa.—«Bulletin de la Société d'histoire naturelle de l'Afrique du Nord», Alger, 1949, № 40.
15. Balout L. Préhistoire de l'Afrique du Nord. Paris, 1955.
16. Balout L. Données nouvelles sur les problèmes du Moustérien en Afrique du Nord.—Actas del V congreso panamericano de prehistoria y de estudio del cuaternario (Santa Cruz de Tenerife. 1963). Vol. 1—2. Santa Cruz de Tenerife, 1965—1966.
17. Balout L. Le Moustérien du Maghreb.—«Quaternaria», Rome, 1965, № 7.

18. Balout L., Biberson P., Tixier J. L'Acheuléen de Ternifine (Algérie), gisement de l'Anthropole.—«L'Anthropologie», Paris, 1967, № 71, fasc. 3—4.
19. Bequaert M., Mortelmans G. Le Tshitoliien dans le bassin du Congo.—Memoires de l'Académie royale des sciences coloniales. N. S., II, № 5. Bruxelles, 1955.
20. Biberson P. Le Paléolithique inférieur du Maroc atlantique. Casablanca, 1961.
21. Biberson P. Le cadre paléogéographique de la préhistoire du Maroc atlantique. Casablanca, 1961.
22. Biberson P. Recherches sur le Paléolithique inférieur de l'Adrar de Mauretanie.—Actas del V congreso panafricano de prehistoria y de estudio del cuaternario (Santa Cruz de Tenerife. 1963). Vol. 1. Santa Cruz de Tenerife, 1965.
23. Bishop W. W., Clark J. D. [eds.]. Background to Evolution in Africa. Chicago, 1967.
24. Bishop W. W. The Evolution of Fossil Environments in East Africa.—«Transactions of Leicester Literary and Philosophical Society», 1968, vol. 62.
25. Bond G. Rhodesian Stone Age Man and his Raw Materials.—«South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1948, vol. 3, № 11.
26. Bond G. The Geology of the Khami Stone Age Sites, Southern Rhodesia.—«Occasional Papers of the National Museums of Southern Rhodesia», Johannesburg, 1957, № 3.
27. Brain C. K., Mason R. J. A Later African Chelles-Acheul Site Near Nakop. Southern Kalahari.—«South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1955, vol. 10, № 37.
28. Brain C. K. The Transvaal Ape-Man-Bearing Cave Deposits.—«Transvaal Museum Memoir», Johannesburg, 1958, № 11.
29. Brain C. J. The Transvaal Museum's Fossil Project at Swartkrans.—«South African Journal of Science», Johannesburg, 1967, vol. 13, № 9.
30. Brain C. K. Bone Weathering and the Problem of Bone Pseudo-Tools.—«South African Journal of Science», Johannesburg, 1967, vol. 63, № 3.
31. Brain C. K. Procedures and Some Results in the Study of Quaternary Cave Fillings.—Background to Evolution in Africa. Eds. W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, 1967.
- 31a. Brain C. K. Hottentot Food Remains and their Bearing on the Interpretation of Fossil Bone Assemblages.—«Scientific Papers of the Namib Desert Research Station», Pretoria, [s. a.], № 32, VI.
32. Breuil H. Sea Animals Amongst the Prehistoric Rock Paintings of Ladybrand.—«South African Journal of Science», Johannesburg, 1945, vol. 41.
33. Briggs L. C. The Stone Age Races of Northwest Africa.—«Bulletin of American School of Prehistoric Research», Harvard, 1955, № 18.
34. Brothwell D. R. Evidence of Early Population Change in Central and Southern Africa. Doubts and Problems.—«Man», London, 1963, vol. 62, № 132.
35. Brown F. H. Observations on the Stratigraphy and Radiometric Age of the Omo Beds, Southern Ethiopia.—Congrès pan-africain de préhistoire et de l'étude du Quaternaire. VI-e session. Dakar, 1967.
36. Brunton G., Caton Thompson G. The Badarian Civilisation. London, 1928.

37. Butzer K. W. Climatic Changes in the Arid Zones of Africa During Early to Mid-Holocene Times.—World Climate from 8000 to O. B. C. Proceedings of the International Symposium Held at Imperial College. London, 18 and 19 April 1966. London, 1967.
38. Butzer K. W., Hansen C. L. Desert and River in Nubia. Madison, 1968.
39. Campbell B. G. Human Evolution. An Introduction to Man's Adaptations. Chicago, 1966.
40. Camps G. Les traces d'un âge du bronze en Afrique du Nord.—«Revue africaine», Alger, 1960, № 104.
41. Camps-Fabrer H. Matière et art mobilier dans la préhistoire nord-africaine et saharienne. Paris, 1966 (Mémoires du centre de recherches anthropologiques, préhistoriques et ethnographiques en Algérie. Vol. 5).
42. Caton Thompson G., Gardner E. W. The Desert Fayum. Vol. 1—2. London, 1934.
43. Caton Thompson G. The Aterian Industry. Its Place and Significance in the Palaeolithic World.—«Journal of the Royal Anthropological Institute», London, 1946, № 76.
44. Caton Thompson G. Kharga Oasis in Prehistory. London, 1952.
45. Chamla M. C. Les populations anciennes du Sahara et des régions limitrophes. Etude des restes osseux humains néolithiques et protohistoriques. Paris, 1968 (Mémoires du centre de recherches anthropologiques, préhistoriques et ethnographiques en Algérie. Vol. 9).
46. Chavaillon J. La préhistoire Ethiopienne à Melka Kontouré.—«Archeologia», Paris, 1967, № 19.
47. Chesters K. I. M. The Miocene Flora of Rusinga Island, Lake Victoria, Kenya.—«Palaeontographica», Stuttgart, 1957, № 101.
48. Clark J. D. et al. New Studies on Rhodesian Man.—«Journal of the Royal Anthropological Institute», London, 1947, № 77.
49. Clark J. D. The Newly Discovered Nachikufu Culture of Northern Rhodesia and the Possible Origin of Certain Elements of the South African Smithfield Culture.—«South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1950, № 5.
50. Clark J. D. The Prehistoric Cultures of the Horn of Africa. Cambridge, 1954.
51. Clark J. D. The Stone Ball. Its Associations and Use by Prehistoric Man in Africa.—Congrès panafricain de préhistoire, 1952. Alger, 1955.
52. Clark J. D. A Note on a Wooden Implement from the Level of Peat I at Florisbad, Orange Free State.—«Researches of the National Museum», Bloemfontein, 1955, vol. 1, № 6.
53. Clark J. D. Further Excavations at Broken Hill, Northern Rhodesia.—«Journal of the Royal Anthropological Institute», London, 1959, № 89.
54. Clark J. D. The Prehistory of Southern Africa. London, 1959.
- 54 a. Clark J. D. Prehistoric Cultures of Northeast Angola and Their Significance in Tropical Africa. Lisbon, 1963 (Museu do Dundo. Publicações culturais. № 62).
55. Clark J. D. Stone Vessels from Northern Rhodesia.—«Man», London, 1964, № 88.
56. Clark J. D. The Sangoan Culture of Equatoria. The Implications of its Stone Equipment.—Miscelanea en Homenaje al Abate Henri Breuil. Ed. F. Ripoll Perelló. Vol. 1. Barcelona, 1964.
57. Clark J. D. [Comp.]. The Atlas of African Prehistory. Chicago, 1967.

58. Clark J. D. The Middle Acheulian Occupation Site at Latamne, Northern Syria.—«Quaternaria», Rome, 1967, № 9.
59. Clark J. D. Further Palaeo-Anthropological Studies in Northern Lunda. Lisbon, 1968 (Museu do Dundo. Publicações culturais. № 78).
60. Clark J. D. et al. Rhodesian Man. Notes on a New Femur Fragment.—«Man», London, N. S., 1968, № 3 (1).
61. Clark J. D. Kalambo Falls Prehistoric Site. Vol. 1—2. Cambridge, 1969—1971.
62. Clark J. D., Haynes C. V. An Elephant Butchery Site at Mwan-ganda's Village, Karonga, Malawi, and its Relevance for Palaeolithic Archaeology.—«World Archaeology», London, 1970, vol. 1, № 3.
63. Clark J. D. African Prehistory. Opportunities for Collaboration Between Archaeologists, Ethnographers and Linguists.—Language and History of Africa. Ed. D. Dalby. London, 1970.
64. Clark W. E. Le Gros. The Fossil Evidence for Human Evolution. Chicago, 1964.
65. Clark W. E. Le Gros. Man-Apes or Ape-Men? New York, 1967.
66. Coetzee J. A. Pollen Analytical Studies in East and Southern Africa.—Palaeoecology of Africa. Ed. E. M. Bakker van Zinderen. Vol. 3. Cape Town, 1967.
67. Cole S. The Prehistory of East Africa. 2nd ed. New York, 1963.
68. Cole G. H. A Reinvestigation of Magosi and the Magosian.—«Quaternaria», Rome, 1967, № 9.
69. Connah G. Radiocarbon Dates for Benin City and Further Dates for Daima. N. E. Nigeria.—«Journal of the Historical Society of Nigeria», Ibadan, 1968, vol. 4, № 2.
70. Cooke C. K. Report of Excavations at Pomongwe and Tshangula Caves, Matopo Hills, Southern Rhodesia.—«South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1963, vol. 18, № 71.
71. Cooke H. B. S. Pleistocene Mammal Faunas of Africa, with Particular Reference to Southern Africa.—African Ecology and Human Evolution. Eds. F. C. Howell and F. Bourlière. Chicago, 1963 (Viking Fund Publication in Anthropology. № 36).
72. Cooke H. B. S. The Pleistocene Sequence to South Africa and Problems of Correlation.—Background to Evolution in Africa. Eds. W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, 1967.
73. Coon C. S. The Origin of Races. New York, 1962.
74. Coon C. S. Yengema Cave Report. Philadelphia, 1968.
75. Coppens Y. L'hominién du Tchad.—Actas del V congreso panafricano de prehistoria y de estudio del cuaternario (Santa Cruz de Tenerife. 1963). Vol. 1. Santa Cruz de Tenerife, 1965.
76. Coppens Y., Koeniguer J. C. Sur les fleures ligneuses disparues Plio—Quaternaires du Tchad et du Niger.—«Comptes rendus hebdomadaires des séances de l'Academia des sciences», Paris, 1967, vol. 265.
77. Coursey D. G. Yams in West Africa. Legon, 1965.
78. Dart R. A. The Makapansgat Australopithecine Osteodontokeratic Culture.—Proceedings of the 3rd Pan-African Congress on Prehistory, 1955, Livingstone. Eds. J. D. Clark and S. Cole. London, 1957.
79. Davidson B. The African Past. Chronicles from Antiquity to Modern Times. London, 1964.
80. Davis P. R. et al. Hominid Fossils from Bed I, Olduvai Gorge, Tanganyika. A Tibia and Fibula.—«Nature», London, 1964, № 201.

81. Day M. H., Napier J. R. Hominid Fossils from Bed I, Olduvai Gorge, Tanzania. Fossil Foot Bones.—«Nature», London, 1964, № 201.
82. Deevy D. E. Report on the Human Remains.—Arkell A. J. Early Khartoum. Oxford, 1949.
83. [Deevy E. S. et al.]—«Radiocarbon», Yale University, 1966, vol. 8.
84. Ennouchi E. Un gisement de Néanderthaliens Nord-Africains.—Actes du 88 congrès national des sociétés savantes. Clermont-Ferand, 1963.
85. Evernden J. E., Curtis G. H. Potassium-Argon Dating of Late Cenozoic Rocks in East Africa and Italy.—«Current Anthropology», Chicago, 1965, № 6.
86. Ewer R. F. The Fossil Hyaenids of Africa. A Reappraisal.—Background to Evolution in Africa. Eds. W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, 1967.
87. Fagan B. M. The Glentyre Shelter and Oakhurst Re-examined.—«South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1960, vol. 15, № 59.
88. Fagan B. M. Early Iron Age Pottery in Eastern and Southern Africa.—«Azania», Nairobi, 1966, vol. 1.
89. Fagan B. M., van Noten F. L. Wooden Implements from Late Stone Age Sites at Gwisho Hot-Spring, Lochinvar, Zambia.—«Proceedings of the Prehistoric Society», Cambridge, N. S., 1962, vol. 32.
90. Fagan B. M. Early Trade and Raw Materials in South Central Africa.—«Journal of African History», London, 1969, vol. 10, № 1.
91. Fagg B. E. B. Preliminary Report on a Microlithic Industry at Rop Rockshelter, Northern Nigeria.—«Proceedings of the Prehistoric Society», Cambridge, 1944, vol. 10.
92. Fagg B. E. B. Recent Work in West Africa. New Light of the Nok Culture.—«World Archaeology», London, 1969, vol. 1, № 1.
93. Ferembach D. La nécropole épipaléolithique de Taforaît (Maroc oriental). Etude des squelettes humains. Casablanca, 1962.
94. Flight C. The Prehistoric Sequence in the Kintampo Area of Ghana.—Congrès pan-africain de préhistoire et de l'étude du Quaternaire. VI-session. Dakar, 1967.
95. Fosbrooke H. A. et al. Tanganyika Rock Paintings. A Guide and Record.—«Tanganyika Notes and Records», Dar es Salaam, 1950.
96. Funnell B. M. The Tertiary Period.—«Quarterly Journal of the Geological Society of London», London, 1964, № 120.
97. Gast M. Alimentation des populations de l'Ahaggar, Alger, 1968.
98. Gobert E. G. La préhistoire dans la zone littorale de la Tunisie.—«Quaternaria», Rome, 1962, № 6.
99. Goodman M. Man's Place in the Phylogeny of the Primates as Reflected in Serum Protein.—Classification and Human Evolution. Chicago, 1963.
100. Goodwin A. J. H., Riet Lowe C. van. The Stone Age Cultures of South Africa.—«Annals of the South African Museum», Edinburgh, 1929, № 27.
101. Goodwin A. J. H. et al. Archaeology of the Oakhurst Shelter, George.—«Transactions of the Royal Society of South Africa», Cape Town, 1938, vol. 25, № 3.
102. Goodwin A. J. H. A Fishing Scene from East Griqualand.—«The South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1949, vol. 4, № 14.
103. Graziosi P. New Discoveries of Rock Paintings in Ethiopia.—«Antiquity», Cambridge, 1964, № 38.

104. Greenberg J. H. Languages of Africa. Bloomington, 1963.
105. Grove A. T., Pullan R. A. Some Aspects of the Pleistocene Palaeogeography of the Chad Basin.— African Ecology and Human Evolution. Eds. F. C. Howell and F. Bourlière. Chicago, 1963 (Viking Fund Publications in Anthropology. № 36).
106. Gruet M. Le gisement moustérien d'El Guettar.— «Karthago», Tunis, 1954, vol. 5.
107. Guichard J., Guichard G. Contributions to the Study of the Early and Middle Palaeolithic of Nubia.— The Prehistory of Nubia. Ed. F. Wendorf. Vol. 1. Dallas, 1968.
108. Guthrie M. Some Developments in the Prehistory of the Bantu Languages.— «Journal of African History», London, 1962, vol. 3, № 2.
109. Hay R. L. Revised Stratigraphy of the Olduvai Gorge.— Background to Evolution in Africa. Eds. W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, 1967.
110. Hay R. L. Hominid-Bearing Deposits of Olduvai Gorge. Washington, 1967.
111. Heinzelin de Bracourt J. Les fouilles d'Ishango. Exploration du Lac Albert, 1950. Vol. 2. Brussels, 1957.
112. Heinzelin de Bracourt J. Discussion Following Mauny R. L'Afrique et les origines de la domestication.— Background to Evolution in Africa. Eds. W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, 1967.
113. Herodotus. The Histories Harmondsworth, 1959.
114. Herskovits M. J. The Human Factor in Changing Africa. New York, 1962.
115. Hiernaux J. Peoples of Africa from 22 N to the Equator.— The Biology of Human Adaptability. Eds. P. T. Baker and J. S. Weiner. Oxford, 1965.
116. Hiernaux J. Bantu Expansion. The Evidence from Physical Anthropology Confronted with Linguistic and Archaeological Evidence.— «Journal of African History», London, 1968, vol. 9, № 4.
117. Higgs E. S. Early Domesticated Animals in Libya.— Background to Evolution in Africa. Eds. W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, 1967.
118. History and Archaeology in Africa. Report on a Conference Held in July 1953 at the School of Oriental and African Studies. Ed. R. A. Hamilton. London, 1955.
119. Howell F. C., Cole G. H., Kleindinst M. R. Isimila, an Acheulian Occupation Site in the Iringa Highlands, Southern Highlands Province, Tanganyika.— Actes du IV-e congrès pan-africain de préhistoire et de l'étude du Quaternaire. Section III. Eds. G. Mortelmans and J. Nenquin. Tervuren, 1962.
120. Howell F. C., Clark J. D. Acheulian Hunter-Gatherers of Sub-Saharan Africa.— African Ecology and Human Evolution. Eds. F. C. Howell and F. Bourlière. Chicago, 1963 (Viking Fund Publications in Anthropology. № 36).
121. Howell F. C. Observations on the Earlier Phases of the European Lower Palaeolithic.— «American Anthropologist», Menasha, 1966, № 68.
122. Howell F. C. Remains of Hominidae from Pliocene—Pleistocene Formations in the Lower Omo Basin, Ethiopia.— «Nature», London, 1969, vol. 229.
123. Huard P. Introduction et diffusion du fer au Tchad.— «Journal of African History», London, 1966, vol. 7, № 3.
124. Hugot H. J. [ed.]. Missions Berliet Ténéré — Tchad. Paris, 1962.

125. Inskeep R. R. The Late Stone Age in Southern Africa.— Background to Evolution in Africa. Eds. W. W. Bishop and J. D. Grark. Chicago, 1967.
126. Isaac G. L. Towards the Interpretation of Occupation Debris— Some Experiments and Observations.— «Kroeber Anthropological Society Papers», Berkeley, 1967, № 37.
127. Isaac G. L. The Stratigraphy of the Peninj Group— Early Middle Pleistocene Formations West of Lake Natron, Tanzania.— Background to Evolution in Africa. Eds. W. W. Bishop. and J. D. Clark. Chicago, 1967.
128. Isaac G. L. Traces of Pleistocene Hunters. An East African Example.— Man the Hunter. Eds. R. B. Lee and I. De Vore. Chicago, 1968.
129. Isaac G. L. Studies of Early Culture in East Africa.— «World Archaeology», London, 1969, vol. 1, № 1.
130. Jolly K. The Development of the Cape Middle Stone Age in the Skildegat Cave, Fish Hoek.— «South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1948, vol. 3, № 12.
131. Kantor H. J. The Relative Chronology of Egypt and its Foreign Correlations Before the Late Bronze Age.— Chronologies in Old World Archaeology. Ed. R. W. Ehrich. Chicago, 1965.
132. Keith A. New Discoveries Relating to the Antiquity of Man. London, 1931.
133. Keller C. M. Archaeological Investigation of Montagu Cave, Republic of South Africa. Berkeley, 1967.
134. Keller C. M. Mossel Bay. A Redescription.— «South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1969, vol. 23, № 4.
135. Keller C. M. Montague Cave.— Congrès pan-africain de préhistoire et de l'étude du Quaternaire. VI-e session. Dakar, 1967.
136. Kendall R. L., Livingstone D. A. Palaeoecological Studies on the East African Plateau.— Congrès pan-africaine de préhistoire et de l'étude du Quaternaire. VI-e session. Dakar, 1967.
137. Kleindienst M. R. Report on Excavations at Site KJ2, Olduvai Gorge, Tanzania, 1961—62.— Congrès pan-african de préhistoire et de l'étude du Quaternaire. VI-e session. Dakar, 1967.
138. Klinger H. P., Hamerton J. L., Mutton D., Lang E. M. The Chromosomes of the Hominoides.— Classification and Human Evolution. Ed. S. Washburn. Chicago, 1963.
139. Kortlandt A. Handgebrauch bei freilebenden Schimpansen.— Handgebrauch und Verständigung bei Affen und Frühmenschen. Ed. B. Rensch. Stuttgart, 1968.
140. Lancaster J. B. Primate Communication Systems and the Emergence of Human Language.— Primates. Studies in Adoption and Variability. Ed. P. C. Jap. New York, 1968.
141. Laughlin W. S. Hunting. An Integrating Biobehavior System and its Evolutionary Importance.— Man the Hunter. Eds. R. B. Lee and J. De Vore. Chicago, 1968.
142. Law R. C. C. The Garamantes and Trans-Saharan Enterprise in Classical Times.— «Journal of African History», London, 1967, vol. 8, № 2.
143. Lawick-Goodall J. van. Tool-Using and Aimed Throwing in a Community of Free-Living Chimpanzees.— «Nature», London, 1964, vol. 201.
144. Lawick-Goodall J. van. A Preliminary Report on Expressive

- Movements and Communication in the Gombe Stream Chimpanzees.—Primates, Ed. P. C. Jay. New York, 1968.
145. Lawton R. M. Palaeoecological and Ecological Studies in the Northern Province of Northern Rhodesia.—«Kirika», Salisbury, 1963, № 3.
 146. Leakey L. S. B. The Stone Age Cultures of Kenya Colony. Cambridge, 1931.
 147. Leakey L. S. B. The Stone Age Races of Kenya. Oxford, 1935.
 148. Leakey L. S. B., Leakey M. D. Excavations at the Njoro River Cave. Stone Age Created Burials in Kenya Colony. Oxford, 1950.
 149. Leakey L. S. B. Recent Discoveries at Olduvai Gorge, Tanganyika.—«Nature», London, 1958, vol. 181.
 150. Leakey L. S. B. Appendix in: Clark J. D. Further Excavations at Broken Hill, Northern Rhodesia.—«Journal of the Royal Anthropological Institute», London, 1959, vol. 89, № 2.
 151. Leakey L. S. B. New Finds at Olduvai Gorge.—«Nature», London, 1961, vol. 189.
 152. Leakey L. S. B. Recent Discoveries at Olduvai Gorge.—«Nature», London, 1960, vol. 188.
 153. Leakey L. S. B. A New Lower Pliocene Fossil Primate from Kenya.—«American Museum of Natural History», New York, 1961, ser. 13, № 4.
 154. Leakey L. S. B. Very Early East African Hominidae and Their Ecological Setting.—African Ecology and Human Evolution. Eds. F. S. Howell and F. Bourlière. Chicago, 1963 (Viking Fund Publications in Anthropology. № 36).
 155. Leakey L. S. B., Tobias P. V., Napier J. R. A New Species of the Genus Homo from Olduvai Gorge.—«Nature», London, 1964, vol. 202.
 156. Leakey L. S. B., Leakey M. D. Recent Discoveries of Fossil Hominids in Tanganyika: at Olduvai and near Lake Natron.—«Nature», London, 1964, vol. 202.
 157. Leakey L. S. B. Olduvai Gorge, 1951—1961. Cambridge, 1965.
 158. Leakey L. S. B. An Early Miocene Member of the Hominidae.—«Nature», London, 1967, vol. 213 (7071).
 159. Leakey L. S. B. Bone Smashing by Late Miocene Hominidae.—«Nature», London, 1968, vol. 218 (5141).
 160. Leakey M. D. Preliminary Survey of Cultural Material from Beds I and II, Olduvai Gorge, Tanzania.—Background to Evolution in Africa. Eds. W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, 1967.
 161. Leakey R. F. F., Butzer K. W., Day M. H. Early Homo Sapiens Remains from the Omo River Region of South-West Ethiopia.—«Nature», London, 1969, vol. 222.
 162. Lee R. B. What Hunters Do for a Living or How to Make out on Scarce Resources.—Man the Hunter. Eds. R. B. Lee and S. DeVore, Chicago, 1968.
 163. Louw J. T. Prehistory of the Matjes River Rock Shelter. Bloemfontein, 1960 (National Museum. Mem. № 1).
 164. Lumley H. A Palaeolithic Camp at Nice.—«Scientific American», New York, 1969, vol. 220, № 5.
 165. MacCalman H. R., Grobbelaar B. J. Preliminary Report of Two Stone-Working Ova Tjimba Groups in the Northern Kaokoveld of South West Africa.—«Cimbebasia». Windhoek, 1965, № 13.
 166. Mann A. E. The Palaeodemography of Australopithecus. Berkeley, [s. a.].

167. Marks A. E. The Halfan Industry.—The Prehistory of Nubia. Ed. F. Wendorf. Vol. 1. Dallas, 1968.
168. Marks A. E. The Khormusan. An Upper Pleistocene Industry in Sudanese Nubia.—The Prehistory of Nubia. Ed. F. Wendorf. Vol. 1. Dallas, 1968.
169. Marks A. E. The Mousterian Industries in Nubia.—The Prehistory of Nubia. Ed. F. Wendorf. Vol. 1. Dallas, 1968.
170. Martin P. D. Stone Implements and Shell Caves.—«Cape Monthly Magazine», Cape Town, 1872, vol. 25, №7.
171. Mason R. J. Prehistory of the Transvaal. Johannesburg, 1962.
172. Mason R. J. Analytical Procedures in the Earlier and Middle Stone Age Cultures in Southern Africa.—Background to Evolution in Africa. Eds. W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, 1967.
173. Mason R. J., Dart A. R., Kiching J. W. Bone Tools at the Kalkbank Middle Stone Age Site and the Makapansgat Australopithecine Locality, Central Transvaal.—«South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1968, vol. 13, № 51.
174. Mauny R. Tableau géographique de l'Ouest africain du moyen âge d'après les sources écrites, la tradition et l'archéologie. Dakar, 1961. (Mémoires de l'Institut Fondamental d'Afrique Noire. № 61).
175. Mauny R. L'Afrique et les origines de la domestication.—Background to Evolution in Africa. Eds. W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, 1967.
176. McBurney C. B. M., Hay R. W. Prehistory and Pleistocene Geology in Cyrenaican Libya. Cambridge, 1955.
177. McBurney C. B. M. The Haua Fleah (Cyrenaica). Cambridge, 1967.
178. McCall C. J. H., Baker B. H., Walsh J. Late Tertiary and Quaternary Sediments of the Kenya Rift Valley.—Background to Evolution in Africa. Eds. W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, 1967.
179. Merrick H., Parstron A. Contributions to a Colloquium on History of Diet and Subsistence in Africa.—1969 Meeting of the Bay Area Africanists. University of California. Berkeley, [s. a.].
180. Miller S. F. The Nachikufan Industries of the Later Stone Age in Zambia. Berkeley, 1969.
181. Monod Th. The Late Tertiary and Pleistocene in the Sahara.—African Ecology and Human Evolution. Eds. F. C. Howell and F. Bourlière. Chicago, 1963 (Viking Fund Publications in Anthropology. № 36).
182. Mori F. Tadrart Acacus: arte rupestre e culture del Sahara preistorico. Turin, 1965.
183. Mortelmans G. Vue d'ensemble sur la préhistoire du Congo occidental.—Actes du IVe congrès pan-africaine de préhistoire et de l'étude du Quaternaire. Section III. Tervuren, 1962.
184. Munson P. J. Recent Archaeological Research in the Dhar Tichitt Region of South-Central Mauretania.—«West African Archaeological Newsletter», Ibadan, 1968, № 10.
185. Murdock G. P. Africa. Its Peoples and Their Culture History. New York, 1959.
186. Napier J. R. Fossil Hand Bones from Olduvai Gorge.—«Nature», London, 1962, vol. 196.
187. Nenquin J. Dimple-Based Pots from Kasai. Belgian Congo.—«Man», London, 1961, vol. 59, № 242.
188. Noten F. van. Nouvelles fouilles à Lochinvar (Zambia) 1964.—«Africa», Tervuren, 1965, vol. 11, № 1.

189. Oakley K. P. Fire as Palaeolithic Tool and Weapon.— «Proceedings of the Prehistoric Society», London, 1955, vol. 21.
190. Oakley K. P. Bone Harpoon from Gamble's Cave. Kenya.— «Antiquaries Journal», London, 1961, № 41.
191. Oakley K. P., Campbell B. G. [eds.]. Catalogue of Fossil Hominids. Pt 1. Africa. London, 1967.
192. Oliver R., Mathew G. History of East Africa. Vol. 1. Oxford, 1963.
193. Oliver R. The Problem of the Bantu Expansion.— «Journal of African History», London, 1966, vol. 7, № 3.
194. Paradisi U. Prehistoric Art in the Gebel El-Akhdar (Cyrenaica).— «Antiquity», Cambridge, 1965, № 39.
195. Ploey J. de. Position géomorphologique, genèse et chronologie de certains dépôts superficiels au Congo occidental.— «Quaternaria», Rome, 1965, № 7.
196. Posnasky M. Excavations at Lanet, Kenya, 1957.— «Azania», Nairobi, 1967, № 2.
197. Pycraft W. P. et al. Rhodesian Man and Associated Remains. London, 1928.
198. Renfrew C., Dixon J. E., Cann J. R. Obsidian and Early Cultural Contact in the Near East.— «Proceedings of the Prehistoric Society», London, 1966, vol. 32.
199. Reynolds V., Reynolds F. Chimpanzees of the Budongo Forest.— Primate Behaviour. Ed. I. DeVore. New York, 1965.
200. Richardson J. L. Changes in Level of Lake Naivasha, Kenya, During Post-Glacial Times.— «Nature», London, 1966, vol. 209.
201. Robbins L. H. A Recent Archaeological Discovery in the Turkana District of Northern Kenya.— «Azania», Nairobi, 1967, № 2.
202. Robinson J. T. Telanthropus and Its Phylogenetic Significance.— «American Journal of Physical Anthropology», Philadelphia, 1953, № 11.
203. Robinson J. T. A Bone Implement from Sterkfontein.— «Nature», London, 1959, vol. 184.
204. Robinson J. T. The Australopithecines and Their Bearing on the Origins of Man and of Stone Tool-Making.— «South African Journal of Science», Johannesburg, 1961, vol. 57, № 1.
205. Robinson K. R. An Early Iron Age Site from the Chibi District, Southern Rhodesia.— «South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1961, vol. 16, № 62.
206. Robinson J. T., Mason R. J. Australopithecines and Artifacts at Sterkfontein.— «South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1962, vol. 17, № 71.
207. Robinson K. R. Further Excavations in the Iron Age Deposits at the Tunnel Site, Gokomere Hill, Southern Rhodesia.— «South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1963, vol. 18, № 72.
208. Robinson K. R. The Archaeology of the Rozwi.— The Zambesian Past. Eds. E. Stokes and R. Brown. Manchester, 1966.
209. Robinson K. R., Sandelowsky B. The Iron Age of Northern Malawi.— «Azania», Nairobi, 1968, № 3.
210. Sampson H. F. Phoenician Shipwreck on the Cape Flats.— «South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1948, vol. 3, № 6.
211. Sampson C. G. Excavations at Zaayfontien Shelter, Norvalspont. Nor-

- thern Cape.—«Researches of the National Museum», Bloemfontein, 1967, vol. 2, № 2.
212. Sampson C. G. Excavations at Glen Elliot Shelter, Colesberg District, Northern Cape and Zeekoegat, 13: A Later Stone Age Open-Site near Venterstad, Cape.—«Researches of the National Museum of the Orange Free State», Bloemfontein, 1967, vol. 2, № 5, 6.
 213. Sampson C. G. Middle Stone Age Industries of the Orange River Scheme Area. Bloemfontein, 1968 (National Museum. Mem. № 4).
 214. Sampson C. G., Sampson M. Riversmead Shelter. Excavations and Analysis. Bloemfontein, [s. a.] (National Museum. Mem. № 3).
 215. Sarich V. M. The Origin of the Hominids. An Immunological Approach.—Perspectives on Human Evolution. Eds. S. L. Washburn and P. C. Jay. Vol. I. New York, 1968.
 216. Schirre C. Oakhurst. A Re-Examination and Vindication.—«South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1962, vol. 18, № 67.
 217. Schneider J. L. Evolution du dernier lacustre et peuplements préhistoriques aux pays-bas du Tchad.—«Journal de l'Association sénégalaise pour l'étude du Quaternaire de l'ouest africain», Dakar, 1967, № 14—15.
 218. Shaw T. Radiocarbon Dating in Nigeria. Ibadan, 1968.
 219. Shaw T. Finds at the Iwo Eleru Rock Shelter. Western Nigeria.—Congrès pan-africain de préhistoire et de l'étude du Quaternaire. VI-session. Dakar, 1967.
 220. Shinnie P. L. Meroe. A Civilization of the Sudan. London—New York, 1967.
 221. Sierts W. How Were Rock Engravings Made? — «South African Journal of Science», Johannesburg, 1968, vol. 64, № 7.
 222. Simons E. L. The Phyletic Position of Ramapithecus.—«Postilla», New Haven, Connecticut, 1961, № 57.
 223. Simons E. L. Some Fallacies in the Study of Hominid Phylogeny.—«Science», Washington, 1963, № 141 (3584).
 224. Simons E. L. New Fossil Apes from Egypt and the Initial Differentiation of the Hominoidea.—«Nature», London, 1965, vol. 205.
 225. Simons E. L. Late Miocene Hominid from Fort Ternan. Kenya.—«Nature», London, 1969, vol. 221.
 226. Singer R. The Saldanha Skull from Hopfeld, South Africa.—«American Journal of Physical Anthropology», Philadelphia, 1954, № 12.
 227. Singer R., Crawford J. R. The Significance of the Archaeological Discoveries at Hopfeld, South Africa.—«Journal of the Royal Anthropological Institute», London, 1958, vol. 88, № 1.
 228. Singer R., Weiner J. S. Biological Aspects of Some Indigenous African Populations.—«South-West Journal of Anthropology», Albuquerque, 1963, № 19.
 229. Singer R., Wymer J. Archaeological Investigations at the Saldanha Skull Site in South Africa.—«South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1968, vol. 23, № 3.
 230. Smith P. E. The Late Palaeolithic of North East African in the Light of Recent Research.—«American Anthropologist», Menasha, 1966, vol. 68, № 2.
 231. Smith P. E. L. Problems and Possibilities of the Prehistoric Rock Art of Northern Africa.—«American Journal of African Historical Studies», New York, 1968, vol. 1, № 1.
 232. Söhngé P. G., Visser D. J. L., Riet Lowe C. van. The Geology

- and Archaeology of the Vaal River Basin.—Geological Survey, Pretoria, 1937 (Mem. № 35).
233. Soper R. C. Kwale. An Early Iron Age Site in South-Eastern Kenya.—«Azania», Nairobi, 1967, № 2.
 234. Stewart T. D. The Restoration and Study of the Shanidar I Neanderthal Skeleton in Baghdad, Iraq.—«Yearbook of the American Philosophical Society», Philadelphia, 1958.
 235. Summers R. [ed.]. Prehistoric Rock Art of the Federation of Rhodesia and Nyasaland. Salisbury, 1969.
 236. Summers R. Zimbabwe. A Rhodesian Mystery. Cape Town, 1963.
 237. Soper R. C. Iron Age Sites in North-Eastern Tanzania.—«Azania», Nairobi, 1967, № 2.
 238. Tattersall J. Ecology of North Indian Ramapithecus.—«Nature» London, 1969, vol. 221.
 239. Tixier J. Procédes d'analyse et questions de terminologie concernant l'étude des ensembles industriels du Paléolithique récent et de l'Épipaléolithique dans l'Afrique du Nord-Est.—Background to Evolution in Africa. Eds. W. W. Bishop and J. D. Clark. Chicago, 1967.
 240. Tobias P. V. Early Members of the Genus Homo in Africa.—Evolution and Hominisation. Ed. G. Kurth. Stuttgart, 1962.
 241. Tobias P. V., Koenigswald G. H. R. von. A Comparison Between the Olduvai Hominides and Those of Java and Some Implications for Hominid Phylogeny.—«Nature», London, 1964, vol. 204.
 242. Tobias P. V. Australopithecus, Homo Habilis, Tool-Using and Tool-Making.—«South African Archaeological Bulletin», Cape Town, 1965, vol. 20, № 80.
 243. Tobias P. V. The Peoples of Africa South of the Sahara.—The Biology of Human Adaptability. Eds. P. T. Baker and J. S. Weiner. Oxford, 1966.
 244. Tobias P. V. The Cranium and Maxillary Dentition of Australopithecus (*Zinjanthropus*) Boisei. Cambridge, 1967.
 245. Tobias P. V., Hughes A. R. The New Witwatersrand University Excavation at Sterkfontein. Progress report. Some Problems and First Results.—Paper presented at the Conference on the Quaternary in Southern Africa. Cape Town, 1969.
 246. Toerien M. J., Hughes A. R. The Limb Bones of Springbok Flats Man.—«South African Journal of Science», Johannesburg, 1955, vol. 52, № 5.
 247. Trigger B. G. Beyond History. The Methods of Prehistory. New York, 1968.
 248. Twisselmann F. Les ossements humains du site Mésoolithique d'Ishango. Exploration du Parc national Albert, Mission J. de Heinzelin de Braucourt. Vol. 5. Brussels, 1950.
 249. Vallois H. V. Le squelette d'Ain Mèterchem.—Atti del primo congresso Internazionale di preistoria e protostoria Medeterranea. Florence, 1950.
 250. Vallois H. V. La mandibule humaine fossile de la grotte du Porcépic, près Diré-Daoua (Abyssinie).—«Anthropologie», Paris, 1951, № 55.
 251. Vandier J. Manuel d'archéologie égyptienne. Vol. 1. Les époques de formation la préhistoire. Paris, 1952.
 252. Vansina J. Kingdoms of the Savanna. Wisconsin, 1966.
 253. Vaufray R. L'art rupestre nord-africain. Paris, 1939, (Archives de l'Institut de Paléontologia humaine. Mem. № 20).
 254. Vaufray R. Préhistoire de l'Afrique. Vol. 1, Le Maghreb. Paris, 1955.

255. Washburn S. L. Behaviour and the Origin of Man.—«Proceedings of the Royal Anthropological Institute», London, 1967, vol. 21, № 7.
256. Washburn C. K. Lake Levels and Quaternary Climates in the Eastern Rift Valley.—«Nature», London, 1967, vol. 216.
257. Washburn S. L. The Study of Human Evolution. Condon Lectures. Eugene, Oregon, 1968.
258. Weinert H. Africanthropus Njarasensis. Beschreibung und phyletische Einordnung des ersten Affenmenschen aus Ostafrika.—«Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», Stuttgart, 1939, Bd 38.
259. Wells L. G. Late Stone Age Human Types in Central Africa.—Actas del V congreso panafricano de prehistoria y de estudio del cuaternario (Santa Cruz de Tenerife, 1963). Vol. 1. Santa Cruz de Tenerife, 1965.
260. Wells L. H. The Fossil Human Skull from Singa.—Fossil Mammals of Africa. British Museum (Natural History). № 2. London, 1960.
261. Wendorf F., Said R. Palaeolithic Remains in Upper Egypt.—«Nature», London, 1967, vol. 215.
262. Wendorf F. Site 117: A Nubian Final Palaeolithic Graveyard Near Jebel Sahaba, Sudan.—The Prehistory of Nubia. Ed. F. Wendorf, vol. 1. Dallas, 1968.
263. Wendt W. E. Two Prehistoric Archaeological Sites in Egyptian Nubia.—«Postilla», New Haven, Connecticut, 1966, № 102.
264. Wheeler M. Archaeology From the Earth. Oxford, 1955.
265. Willcox A. R. The Rock Art of South Africa. Johannesburg, 1963.
266. Willett F. The Microlithic Industry from Old Oyo, Western Nigeria.—Actes du IV congrès panafricain de préhistoire et de l'étude du Quaternaire. Section III. Tervuren, 1962.
267. Willett F. Ife in the History of West African Sculpture. London, 1967.
268. Wilson A. C., Sarich V. M. A Molecular Time Scale for Human Evolution.—«Proceedings of the National Academy of Sciences», Washington, 1969, vol. 63, № 4.
269. Wilson M. The Peoples of the Nyasa-Tanganyika Corridor.—«Communications from the School of African Studies. University of Cape Town», N. S., 1958, № 29.
270. Winckler H. A. Rock Drawings of Southern Upper Egypt. Vol. 1—2. London, 1938—1939.
271. Woodburn J. An Introduction to Hadza Ecology.—Man the Hunter. Eds. R. B. Lee and I. DeVore. Chicago, 1968.

- Табл. I. 1. Типичная растительность Кару (район Юниондейл, Капская провинция, ЮАР)
2. Высеченное изображение бородавочника, долеритовое обнажение в Стоулэндсе, на реке Вааль (Кристиана, Трансвааль, ЮАР)
 3. Изображение трех людей, сделанное красной краской в скальном укрытии Ква-Матейя (Центральная Танзания)
- Табл. II. 4. Горные луга на южной оконечности Нгонг Хилл (Рифт Валли, Кения). На заднем плане гора Олоргесалие
5. Олдувайское ущелье (Северная Танзания). Вид на восток в направлении кратера Нгоронгоро
- Табл. III. 6. Круг из кусков лавы очевидно специально сооруженный; здесь же обнаружены раздробленные кости и множество мелких орудий олдувайской культуры. Жилой горизонт на участке DK I в основании слоя I Олдувайского ущелья (Танзания)
7. Общий вид скопления верхнеашельских орудий, манупортов и костных фрагментов на участке DE/89, поверхность 7, у края пресноводного озера времен плейстоцена в Олоргесалие (Грегори Рифт, Кения)
 8. Частично сохранившийся скелет дейнотерия, обнаруженный вместе с орудиями олдувайской культуры на участке FLK II в основании слоя II Олдувайского ущелья (Танзания)
 9. Верхний слой части жилого горизонта (участок FLK I, Олдувайское ущелье, Танзания), на краю которого был обнаружен череп австралопитека (зиджантропа) бойсова. На снимке видны найденные здесь чоппер из лавы, отщепы и осколки кварца; здесь же были найдены рога вымершего вида антилоп и прочие разломанные и раздробленные костные фрагменты
- Табл. IV. 10. Общий вид, открывающийся с развития стоянки Штеркфонтейн (Трансвааль) в сторону Сварткряса через луга Высокого Велда. Большая известняковая глыба на переднем плане упала с по-

толка существовавшей здесь ранее пещеры, часть стены которой видна справа

11. Рубила, сфероиды и прочие орудия, обнаруженные вместе с костями гигантского бабуина-синоптика. По меньшей мере 50 таких бабуинов было разделано на этой стоянке создателями верхнеашельской культуры (участок ДЕ/89, Олоргесаилле, Кения)
12. Несколько рубил и других орудий, обнаруженных рядом со стволами деревьев на верхнеашельском жилом горизонте 5, у водопада Каламбо (Замбия)

Табл. V. 13. Обугленные бревна из верхнеашельского жилого горизонта 6, участок В I, водопад Каламбо (Замбия). Длина переднего фрагмента приблизительно 40 см

14. Семена различных съедобных фруктов из верхнеашельского жилого горизонта 6, участок В I, водопад Каламбо (Замбия). Деревья, дававшие эти фрукты, росли в саванне и горном лесу. Приблизительный масштаб 3:2
15. Справа — толстый конец метательной палки (?) из ямы I, Флорисбад; на палке видны зарубки, сделанные, возможно, для более удобного захвата рукой; слева дан для сравнения нижний конец австралийской метательной палки
16. Деревянная дубинка и гладкое заостренное деревянное орудие из верхнеашельского жилого горизонта 5, участок В 2, водопад Каламбо (Замбия). Длина соответственно 38 и 21 см

17. Скальное укрытие Кисесе II (район Коядра, Танзания). Однородные отложения достигают толщины 20 футов и содержат культуру «позднего каменного века» с микролитами, залегающую над более древними, не имеющими точного определения, культурами со скребками, чешуйчатыми орудиями и лишь очень небольшим количеством микролитов. Радиоуглеродные датировки обгорелой скорлупы яиц дают возможность предположить, что ненарушенная последовательность слоев началась около 30 тыс. лет назад и что переход к производству микролитов в полном объеме произошел около 16 тыс. лет назад. Наскальная живопись поверх следов, оставленных отслоившимися от стен пластами, которые были обнаружены в жилом мусоре, вся относится ко времени, охватываемому верхним двухфутовым слоем отложений.

18. Рабочий сезон 1952 г. в пещере Хауа Фтеах (Киренаика)

Табл. VI. 19. Лесостепь *brachystegia* покрывает большую часть южных районов Центральной Африки. Здесь могла существовать значительная биомасса крупных видов фауны.

- Табл. VII. 20. Коммерческие раскопки, проводившиеся с целью разработки содержащего алмазы гравия в основании красных переотложенных песков II калахарского типа в Северо-Восточной Анголе, вскрыли «мастерские» для производства орудий, относящиеся к культуре лупембе. Был также вскрыт культурный слой, охватывающий большую часть верхнего плейстоцена. Шахта Муссолеги, долина р. Лваны (Ангола)
21. Шимпанзе, добывающий термитов (заповедник Гомбе Стрим, Танзания). Термиты — постоянный источник пропитания шимпанзе, который для их добычи выбирает прут или стебель травы и просовывает его в отверстие на поверхности муравейника; затем он слизывает и поедает термитов, облепивших прут
22. Реконструкция М. Вильсоном австралопитека массивного (парантропа). В руках — пойманный крот
- Табл. VIII. 23. Силовой захват. Африканец из племени оваджимба из района гор Бейнса (Северный Каоковелд, Намибия) использует камень для того, чтобы разломать кость и извлечь костный мозг. Этот человек принадлежит к одному из двух, известных в настоящее время в Африке, племен, все еще изготавливающих и использующих каменные орудия
24. Точный захват. Африканец из племени оваджимба, из района гор Бейнса (Намибия) демонстрирует способ выскабливания шкуры южноафриканской газели при помощи отщепы из кварца
25. Способ производства ружейного кремня в провинции Лунда (Северо-Восточная Ангола). Используется халцедон и мелкозернистый кварцит; ядрище зажимается между пятками и обрабатывается при помощи отбойника, удары по которому наносятся камнем-молотом. Отходы, образующиеся при применении техники скола, и двусторонняя обработка ружейного кремня, аналогичная обработка лупембе-читольской культуры, свидетельствуют, что подобная техника имеет значительный возраст
- Табл. IX. 26. Череп взрослого австралопитекового (австралопитека африканского) из розовой беккии основной штеркфонтейнской стоянки (Трансвааль)
27. Череп молодой особи массивного австралопитекового (австралопитека бойсова — инджантропа) с жилой стоянки на участке FLK I, слой I Олдувайского ущелья (Танзания)
- Табл. X. 28. Нижняя челюсть взрослой особи массивного австралопитекового (*Australopithecus (Zinjanthropos) sp.*) из формации Хумбу

(средний плейстоцен), Пеннинж, бассейн озера Натрон (Танзания). Общая длина 13,5 см

29. Челюсть молодого *Homo habilis* (олдувайский гомонид 7) с участка FLK NNI слоя I Олдувайского ущелья (Танзания). Общая длина 8 см
30. Нижняя челюсть (№ 3) *Homo erectus*, атлантрон) из Тренн-фина (Алжир)
31. Фрагменты черепа молодого *Homo habilis* (олдувайский гомонид 13) с участка MNK II, нижняя часть слоя II Олдувайского ущелья (Танзания). Максимальная ширина 9,5 см
32. Кости стопы взрослого *Homo habilis* (олдувайский гомонид 8) с участка FLK NNI слоя I Олдувайского ущелья (Танзания)

Табл. XI. 33. Череп родезийского человека из пещеры в Брокен Хилл (Кабве, Замбия)

34. Черепная крышка *Homo erectus* с участка LLK II в верхней части слоя II Олдувайского ущелья (Танзания). Длина около 21 см
35. Двойное погребение взрослых мужчин в позднепалеолитическом некрополе на стоянке 117 в Джебель Сахаба (Судан). С одним из костяков (№ 20) было обнаружено 6, а с другим (№ 21) — 19 микролитов, находившихся непосредственно у костяка. Два из них застряли в костях (№ 21), что заставляет предположить, что это были наконечники металлических орудий, которые явились причиной смерти. Всего было раскопано 107 одиночных и коллективных погребений; орудия относятся к каданской культуре, а некрополь датируется между 12 и 10 тыс. лет до н. э.

Табл. XII. 36. Рыболовная стоянка народа тва во время сухого сезона в заповеднике Лочинвар (Кафуэ Флэтс, Замбия). Ведром сооружен из камыша *Phragmites* и мешковины. Примечательны расположенный в центре очаг, длинные гарпуны с одним и двумя зубцами и изогнутый ивовый прут, составляющий часть сваряжения, при помощи которого осуществляется ловля рыбы гарпуном «в темную». За группой людей лежит грудa лепестков кувшинок, которые вместе с рыбой служат основной пищей в конце сухого сезона, когда и устраиваются такие лагеря

37. Стоянка рыболовов в скальном укрытии Рер Магно в устье р. Ногаль (Северное Сомали). Подобные стоянки бывают обычно заселены около десяти лет, пока сохраняется хороший улов
38. Одна из рухнувших оград, расположенная в скальном укры-

тии Большой слон в горах Эронго (Намибия); раскопан самый нижний слой. В условиях сухого климата сохранилась большая часть кольев ограда, а также множество предметов материальной культуры из дерева и кожи. Образцы древесного угля дают радиоуглеродные датировки между 500 г. до н. э. и 500 г. н. э.

Табл. XIII. 39. Група бушменов с убитой и освежеванной южноафриканской газелью. Лагерь, окруженный плетнем, крытым травой, расположен в котловине между дюнами (Национальный парк Хемсбок, южная часть пустыни Калахари)

40. Костяной жезл или рукоятка длиной 102 мм с несколькими насечками и закрепленным на конце необработанным отщепом из кремня. Расположение насечек дает возможность предположить существование примитивного способа счета. Из основного горизонта ишангской культуры, Ишанго, оз. Эдурд; радиоуглеродная датировка: ок. 6 500—6 000 лет до н. э.

41. Неолитическое поселение на стоянке Вади. Обнаружено более 50 подобных поселений с каменной оградой. Расположенные на возвышенности Тишит, на юге Центральной Мавритании, они вмещали, как полагают, по 500—1000 человек, державших рогатый скот и овец. К этому времени относятся и свидетельства о возделывании Pennisetum: ок. 1 100 лет до н. э.

Табл. XIV. 42. Мужчина народа галла, работающий палкой-копалкой с насаженным на ее верхний конец просверленным камнем. Палка с насадкой предназначается для разрыхления вскопанной почвы при посадке проса или кофе (плато Харэр, Эфиопия)

43—45. Обугленные предметы из захоронений с кремацией в пещере на р. Ниоро (Кения)

43. Орнаментированный деревянный сосуд из «неолитического» погребения с кремацией, относящийся к варианту ниоро восточноафриканской культуры каменных чаш (ок. 970±80 лет до н. э.)

44. Фрагмент сосуда из тыквы (Lagenaria).

Примечателен орнамент, нанесенный белой краской. Это один из самых древних тыквенных сосудов, найденных в Старом свете

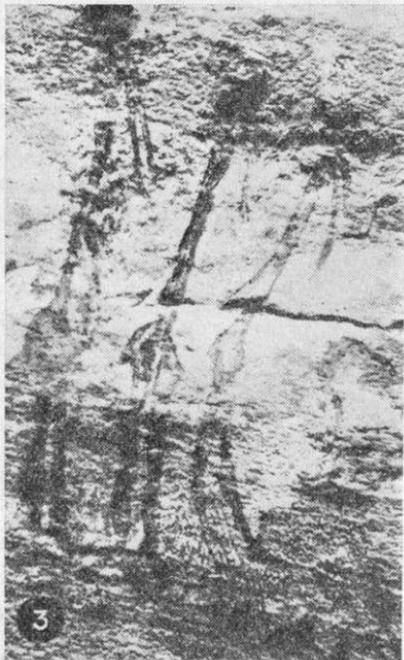
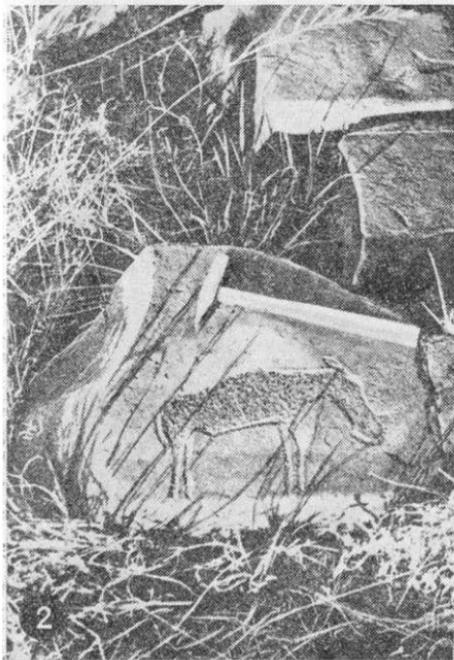
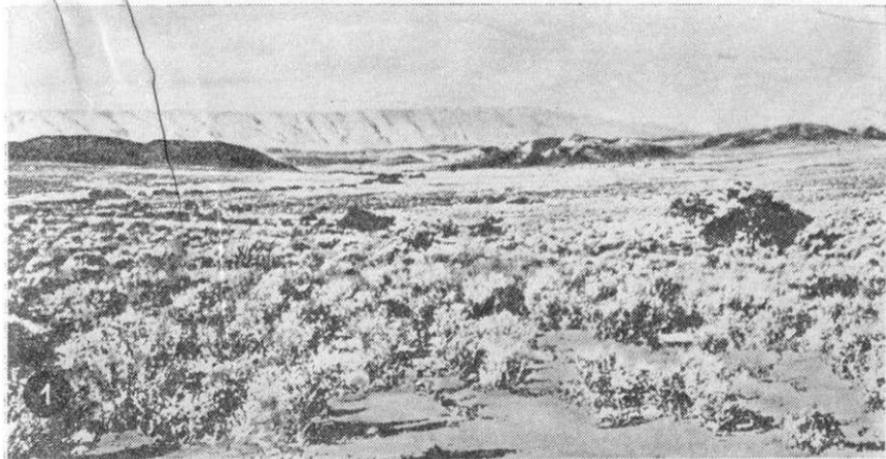
45. Фрагмент большого веревочного мешка.

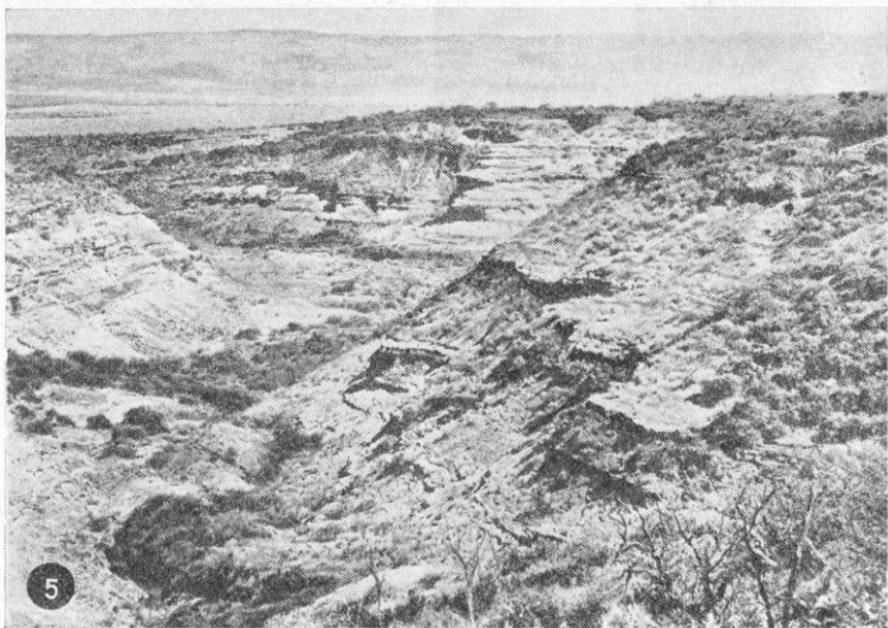
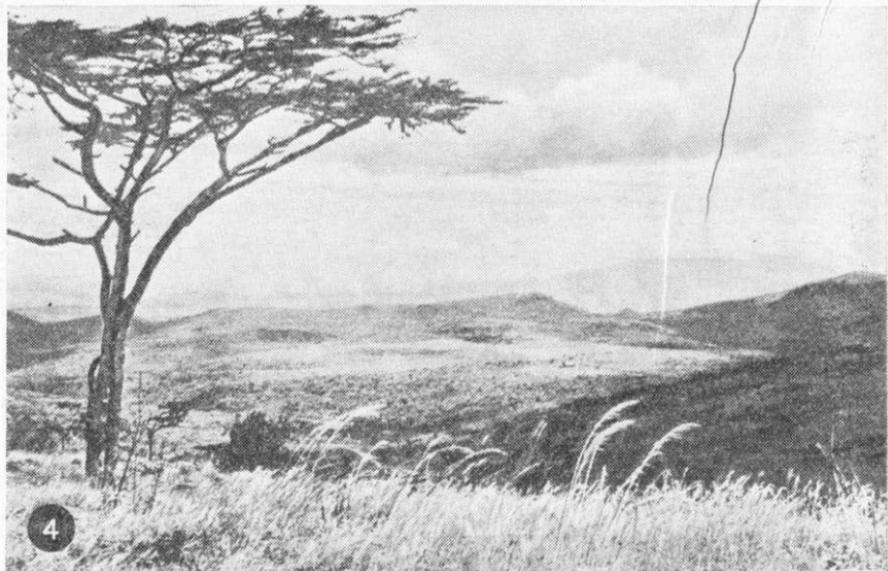
Табл. XV. 46. Полихромное изображение антилопы в пещере Антилоп (Кагкин, Драконовы горы, Натал, ЮАР)

47. Неолитические сахарские скотоводы, пасущие быков. Примечательны изображения собаки, а также лука и стрелы (скальное укрытие в Сефаре, Тассилин Аджер, Центральная Сахара)

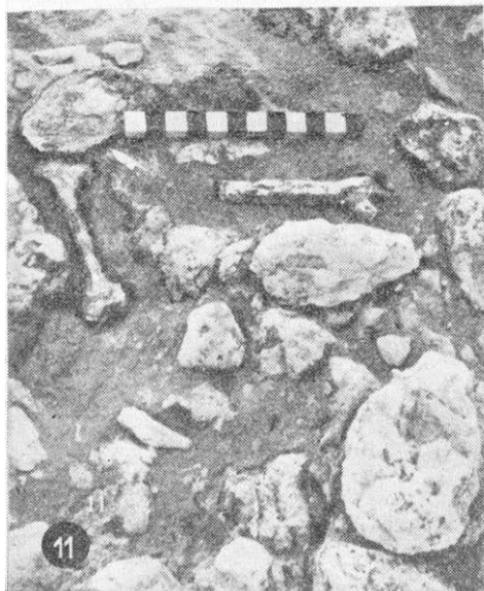
Табл. XVI. 48. «Акрополь» Зимбабве (Родезия)

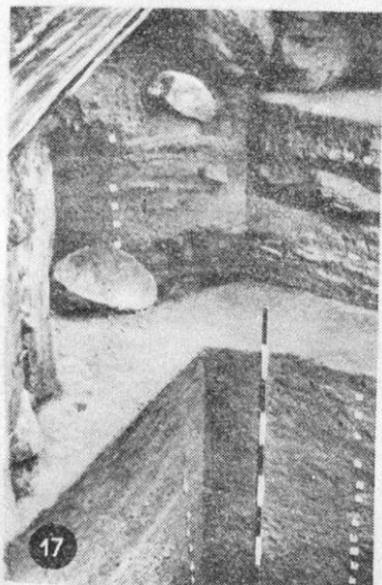
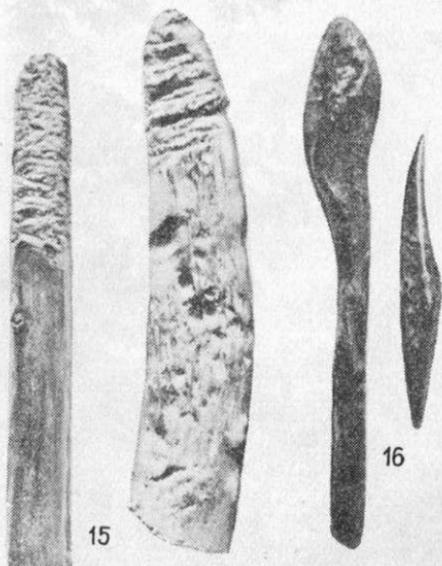
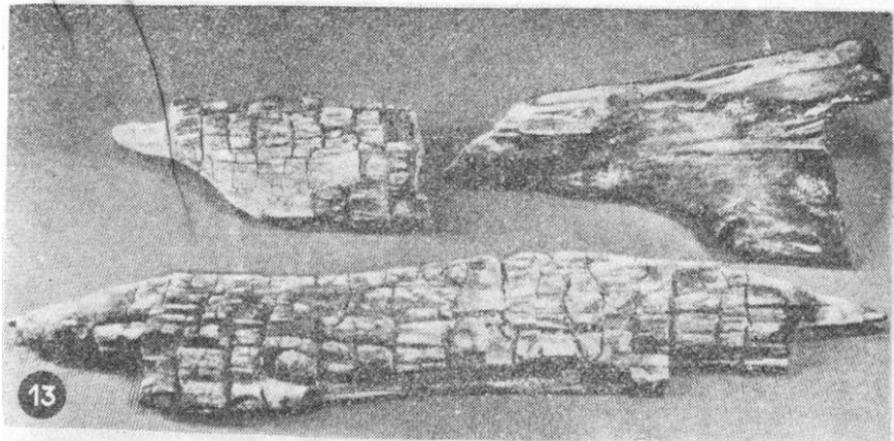
ТАБЛИЦЫ

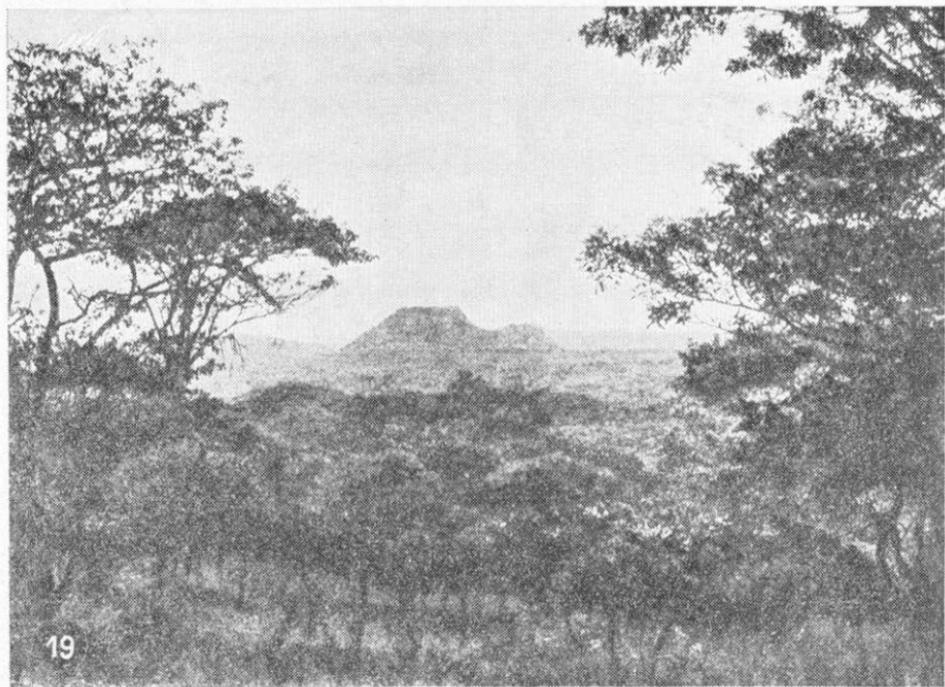
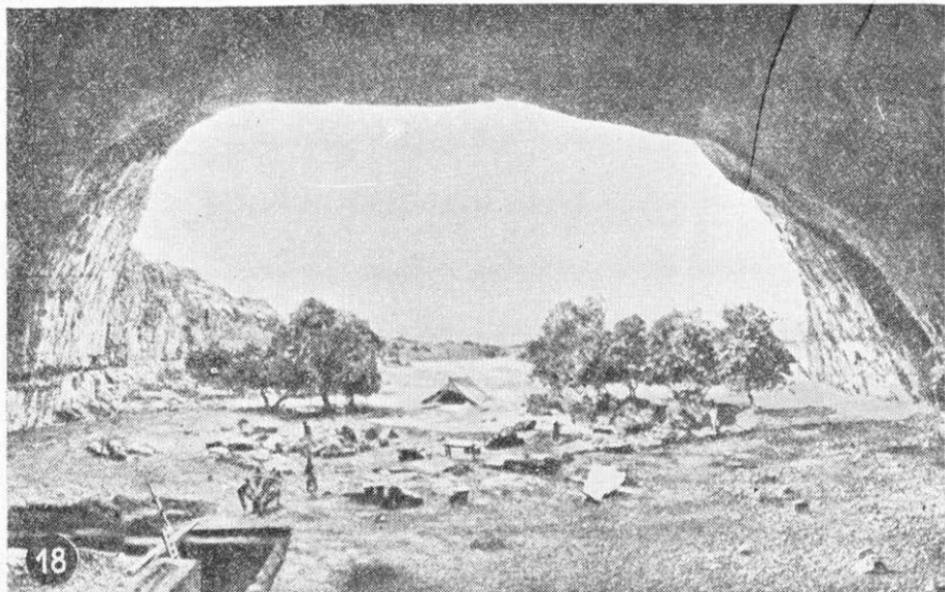

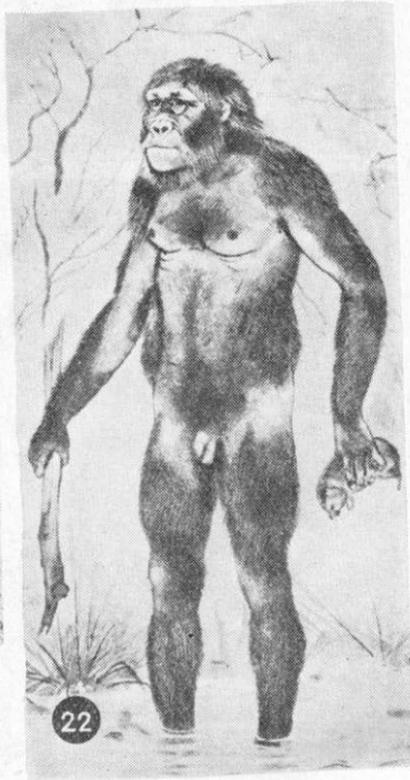
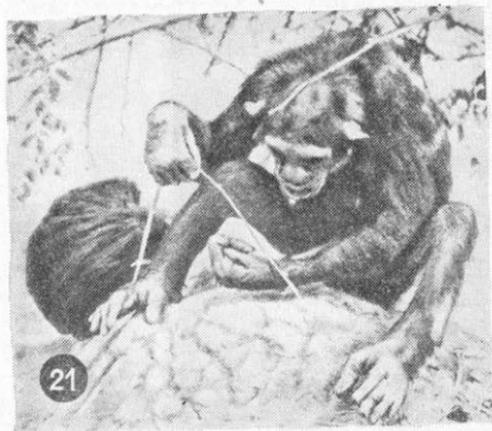
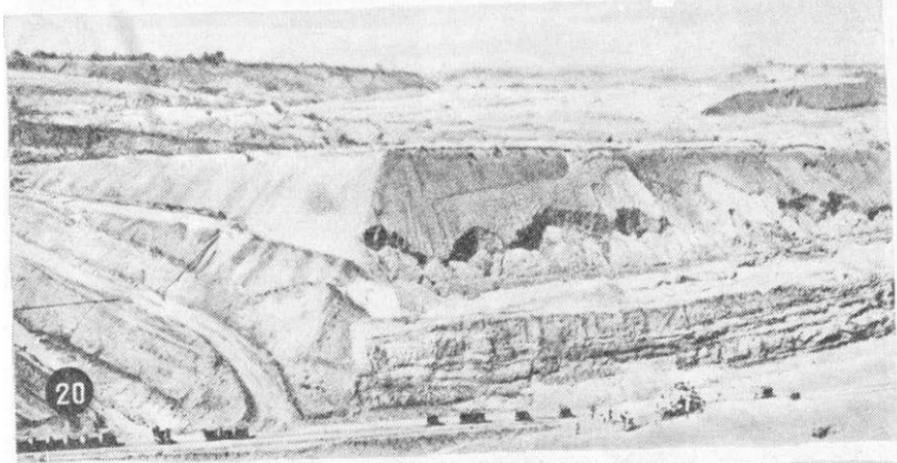

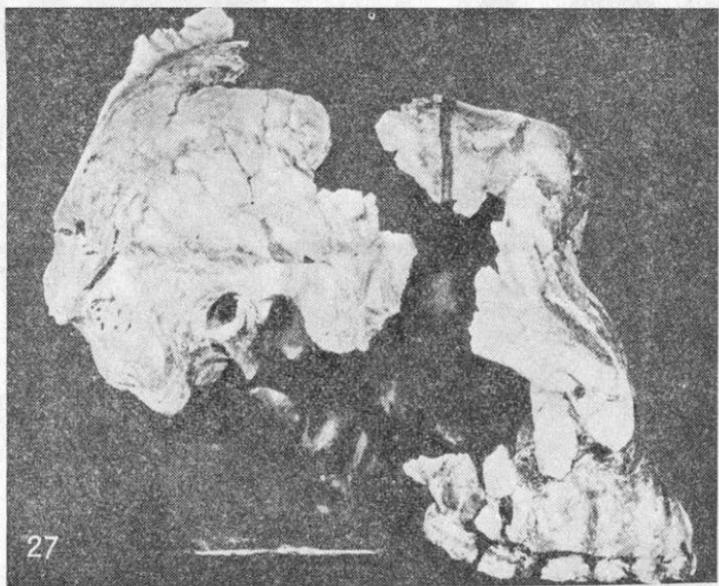
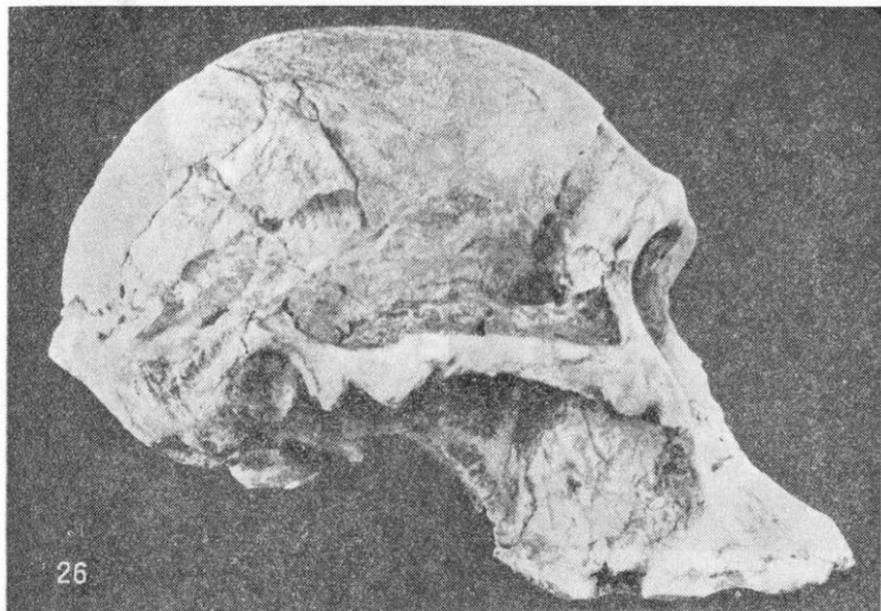

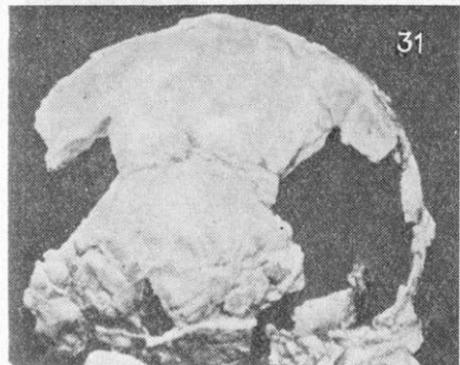
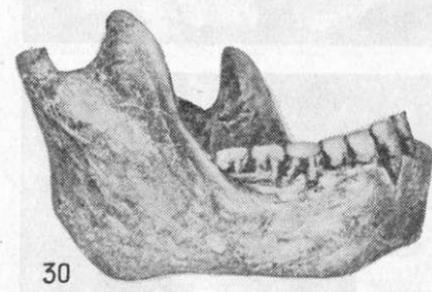
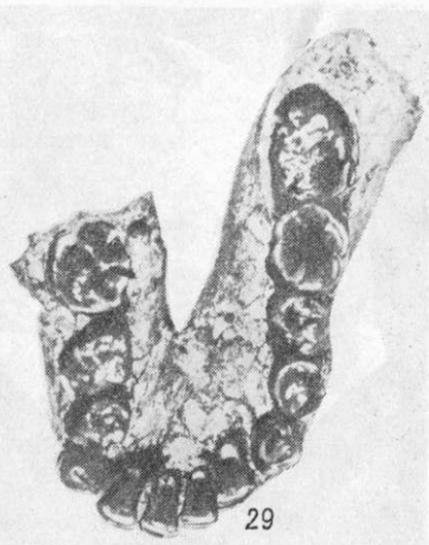
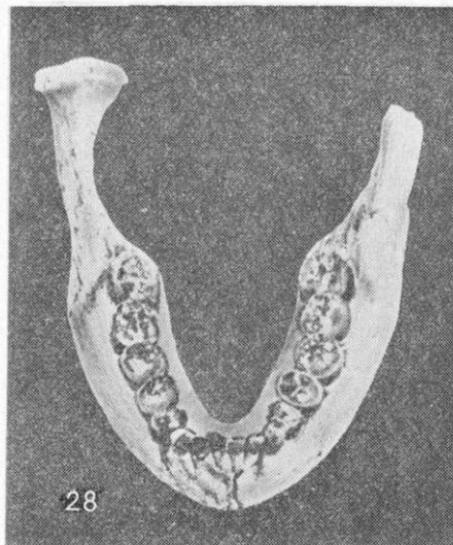

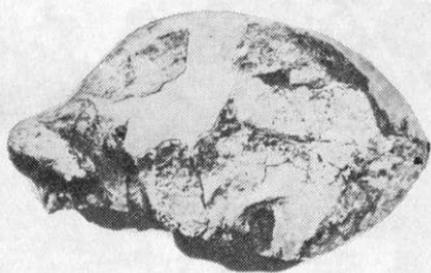

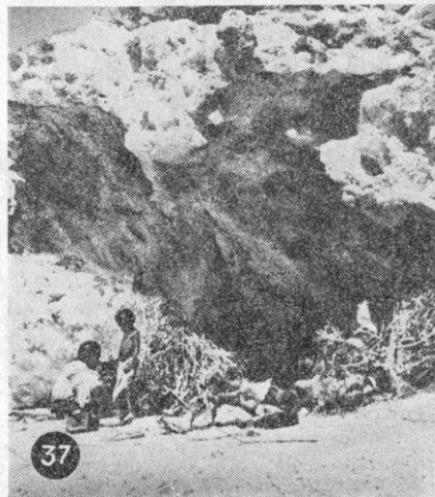
33

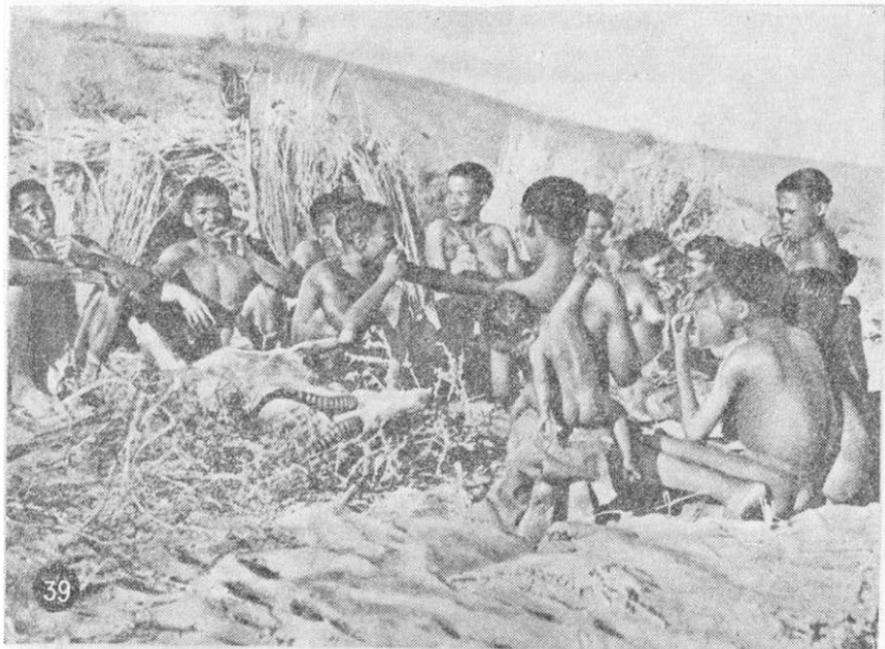

34

35

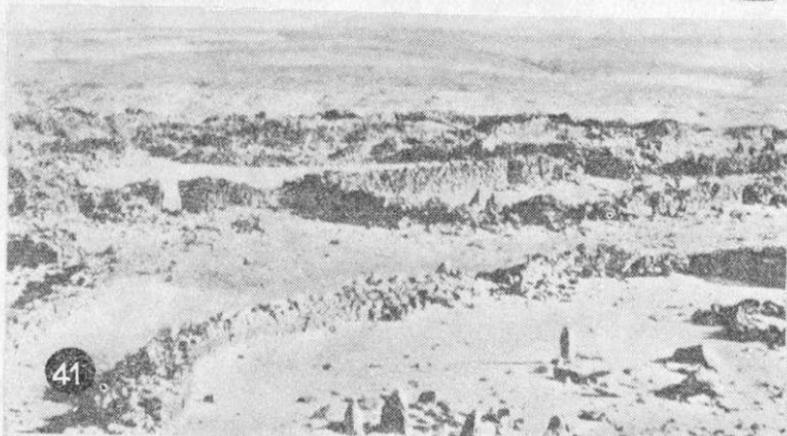

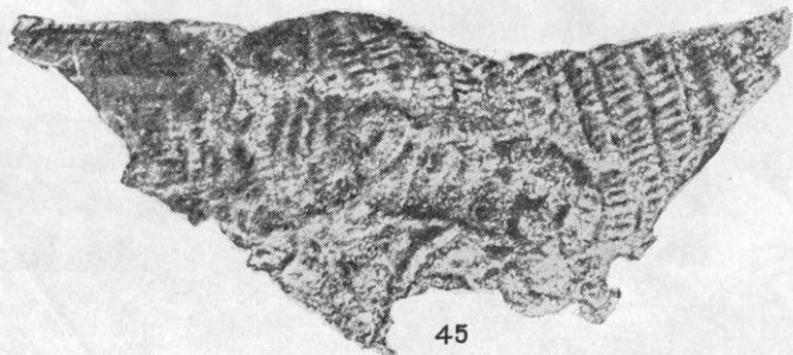
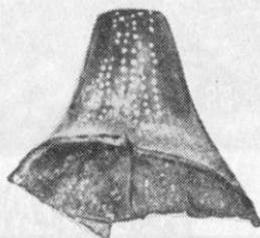
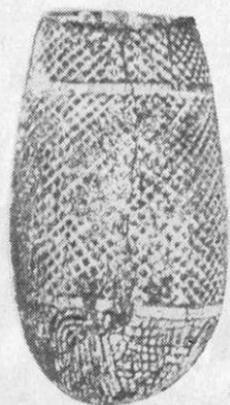
39

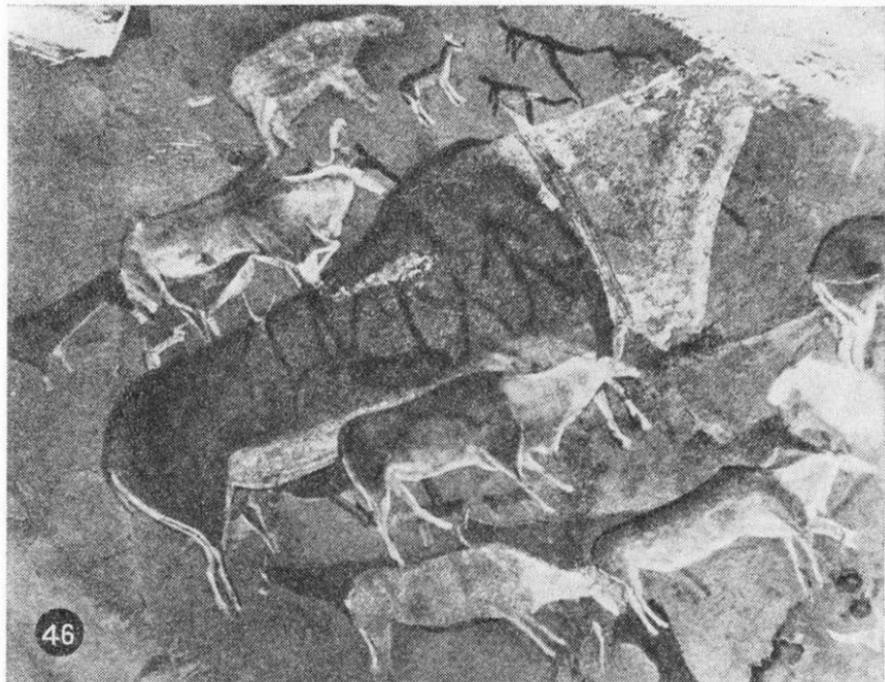

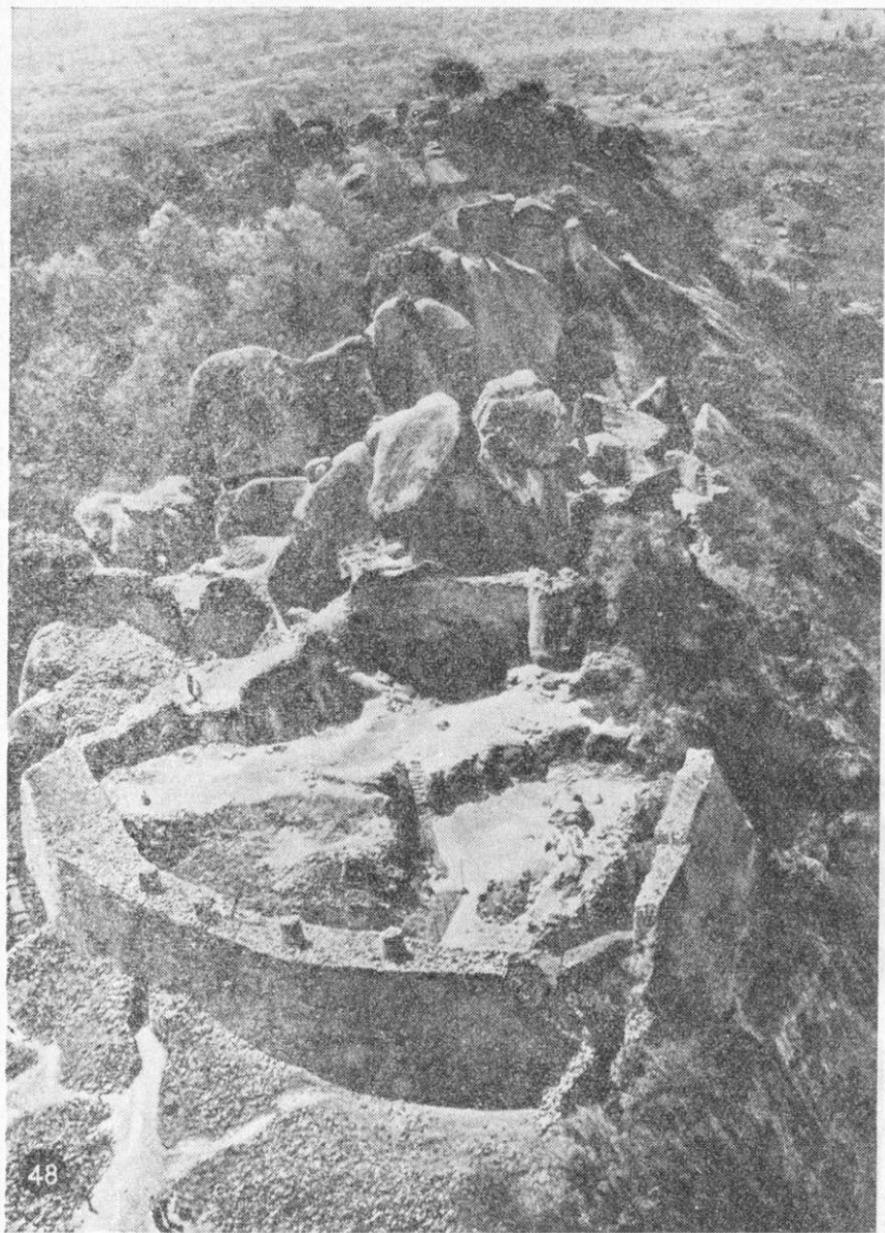
40

41

Предисловие автора	3
Глава I. Методы исследования доисторического периода	5
Вступление	5
Методика археологии	12
Датирование археологического материала	12
Определение окружающей палеосреды	20
Анализ археологического и сопутствующего материала	29
Истолкование материала	33
Цели исследования доисторического периода	37
Глава II. Появление человека — производителя орудий	38
Географические зоны Африки	38
Наиболее древние ископаемые останки: гоминины и гоминиды	41
Ископаемые останки гоминид нижнего плейстоцена	47
Образ жизни австралопитековых	57
Глава III. Неспециализированные охотничьи коллективы	69
Более развитые гоминиды	69
Материальная культура <i>Homo erectus</i>	73
Образ жизни <i>Homo erectus</i>	86
Глава IV. Появление и распространение человека современного физического типа	98
Климатические изменения начала верхнего плейстоцена	98
Новые типы окружающей среды и новые археологические культуры	100
Появление <i>Homo sapiens</i>	110
Наборы орудий верхнего плейстоцена	116
Образ жизни человека верхнего плейстоцена	129
Глава V. Специализированные общества охотников и собирателей	141
Климат раннего голоцена	142
Общая модель археологических культур раннего голоцена	144
Микролитическая техника	147
Происхождение африканских рас	156
Интенсивное собирательское хозяйство народов долины Нила	162

Использование морских и пресноводных пищевых ресурсов	163
«Поздний каменный век»	167
Наскальная живопись	175
Общие черты образа жизни	177
Глава VI. Земледельцы и современные народы	179
Начальные этапы развития производящих форм хозяйства	179
Древний Египет	184
Распространение одомашнивания животных	187
Развитие земледелия	191
«Неолит» в Западной Африке	196
Травянистые степи восточноафриканских возвышенностей	198
Распространение банту	202
Добыча и обработка металлов	205
Общества железного века	209
Значение доисторического периода Африки	212
Приложение	214
Послесловие	221
Библиография	227
Пояснения к таблицам	240
Таблицы	245

Дж. Д. Кларк

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ АФРИКА

Редактор *Н. Н. Водинская*. Младший редактор *К. А. Недорезова*. Художник *И. Р. Бескин*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *В. Г. Лаут*.
Корректор *А. В. Шандер*.

Сдано в набор 25/VIII—1976 г. Подписано к печати 15/III—1977 г. Формат 60×84^{1/16}.
Бум. № 1. Печ. л. 16,5. Усл. п. л. 15,34. Уч.-изд. л. 16,33. Тираж 15 000 экз.
Изд. № 3776. Зак. № 2863. Цена 1 р. 04 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Типография издательства «Коммунар», г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 150.